

Ярослава Казакова

*Поздняя
весна*

Повести и рассказы

Ярослава Казакова
Поздняя весна.
Повести и рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43619752
ISBN 9785005025401*

Аннотация

Герои книги живут насыщенной жизнью, в которой происходит всякое, в том числе и разные чудеса, но главное – это чудо любви. События и герои вымышлены, названия фирм выдуманы, названия организаций, кроме самых общеизвестных, тоже.

Содержание

Ненужная	5
Конец ознакомительного фрагмента.	222

Поздняя весна

Повести и рассказы

Ярослава Казакова

© Ярослава Казакова, 2019

ISBN 978-5-0050-2540-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ненужная

Глава 1

– Ой, ну, и, чё это вы задумали? – В сотый раз переспросила меня Натусик.

Натусик – это сестра моего... кажется, уже окончательно бывшего. Бывшего кого? Шут его знает! Парня? Тогда какого чёрта мы пятый год делаем вместе в одной квартире? Жениха? Хм... Жених – это тот, кто сделал предложение. Я же все пять лет, что мы знакомы, получала исключительно объяснения на тему, почему предложение не может быть сделано сейчас, и обещания, что «когда-нибудь непременно».

Тогда кто он мне? Муж? Чёрта с два! Нельзя стать мужем, минуя стадию жениха. И, вообще, нет у меня ни малейшего желания пополнять собой ряды особей, которые «замужем» за совершенно свободными парнями и мужчинами.

Есть, конечно, ещё одно слово, которым нас обоих можно правдиво обозвать: сожители, но от этого шедевра русского языка явственно веет грязью, пустыми бутылками по углам и, вообще, помойкой. Мы же оба люди вполне себе приличные, поэтому называться так категорически не желаем.

Любовники? Да, было справедливо ещё пару месяцев назад, а теперь – нет. Именно два месяца назад я взбунтовалась и объявила, что, во-первых, все порядочные знакомые уже давно сделали предложение своим девушкам, а кое-кто даже

успел сыграть свадьбу и обзавестись детьми, а, во-вторых, он помесь козла с бараном. Женька обиделся и занял опять что-то про свои неотложные дела, неразрешимые проблемы и прочую лабуду, о которой я слышу уже очень давно.

В общем, я заявила, что мы разъезжаемся и... перенесла свои вещи в комнату побольше, служившую нам гостиной. Параллельно я принялась искать себе другое съёмное жильё, но это оказалось ещё сложнее, чем виделось мне в начале.

За те пять лет, что прошли с момента моего переезда в столицу, цены на съёмные однушки существенно выросли. Спрос на них при этом, как ни странно, повысился, и любая, даже плохонькая, однокомнатная квартира оказывалась арендованной ещё до того, как я успевала набрать номер из объявления. Я ещё раз оценила великодушие нашей квартирной хозяйки, которая за четыре с лишним года так и не повысила арендную плату и не возражала, что вместо одинокой девушки в её квартире с некоторых пор проживает ещё и одинокий парень.

То есть, до недавнего времени парень был не так уж и одинок. Нет, он был одинок, конечно, но не настолько, чтобы сообщать всем и каждому, что он совсем свободен, и у него нет девушки... Но, какая же я ему девушка, если я готовлю для него еду, стираю его вещи, утираю ему сопли, когда он жалуется на несправедливость жизни, ухаживаю за ним, когда он подхватил очередную инфекцию?

Девушка – это такое эфемерное существо, живущее в дру-

гой квартире, а лучше в другом районе или городе, которое ты видишь только по выходным, праздникам и прочим особым случаям. Оно – существо под названием «девушка» – всегда хорошо выглядит, приятно пахнет, и ты не знаешь, откуда берутся на её голове кудряшки. Сколько раз в месяц, и для каких нужд она посещает косметолога, тоже для тебя тайна. Девушка всегда или почти всегда в приподнятом настроении, неизменно рада тебя видеть, старается быть тебе по нраву в каждый момент времени, проводимого вместе.

Существо же, которое обитает на одной с тобой жилплощади, выглядит по-разному, особенно с утра. Пахнет то дорогим парфюмом, то жареной курицей, то спортзалом. Вдобавок, выясняется, что кудри на её золотистых волосах – результат нескольких часов, проведённых с безобразнейшей конструкцией на голове, а идеально чистая кожа – итог многолетних усилий и наличия целого ящика специальных средств. Настроение существа тоже варьируется от «ми-ми-ми, какая прелесть!» до «так бы всех и переубивала!»...

Впрочем, о чём это я? Что я прицепилась к этой терминологии: «девушка» – «не девушка»... Какая разница? Как будто меня до сих пор терзает обида!..

Да, представьте себе, терзает! И, ещё какая! Прожить с... существом женского пола четыре года, да так и не понять, хочешь ли ты провести с ним всю оставшуюся жизнь! Согласен ли ты и дальше получать от этого существа подарки, тепло, внимание и милые, семейные скандалы! Хочешь ли

ты совместных детей, машин, ипотек!.. И, тем не менее, ты держишь это существо в подвешенном состоянии, когда оно и не замужем, и не свободно, а сам ты в это время свободен как... носок в полёте! Как это назвать? Каким словом? Гражданский брак?.. Ненавижу! Гражданский мрак – вот что это такое!

Снова я завелась и почувствовала, как кровь прилила к моим щекам, в глазах потемнело, а дыхание стало более поверхностным и сбивчивым. Вдобавок, в уши навязчиво вливался поток болтовни Натусика. Она, кажется, могла болтать везде, в любое время, в любой ситуации и любом положении, даже вися вниз головой. Кстати, неплохая идея – подвесить Натусика вниз головой. Я представила себе эту картину и непроизвольно прыснула.

– Ты чего? – Протянула Натусик обиженно, и мордочка её сразу скуксилась. – По-твоему, я говорю глупости?

Оказывается, пока я бултыхалась в своих обидах, Натусик развивала мне идею о том, что надо бы мне забеременеть, и тогда её драгоценный братик Женечка непременно со мной распишется. Да, конечно. Распишется и раскакашется одновременно.

Как будто мало глупышек, оставшихся с детьми на руках, без мужа, без жилья и без гроша в кармане. Уж я на таких насмотрелась! Фельдшером на «Скорой» работаю. Куда только ни приходится ездить по вызовам! Недавно к одной такой одинокой мамочке ездили. Жила с ребёнком в подъезде,

потому что идти ей некуда. Отвезли в больницу, а после её с ребёнком оформили в реабилитационный центр. Они даже о существовании таких центров часто не подозревают.

– Но, у меня же получилось! – Радостно объявила Наташка, и круглые, свиные глаза её сделались лисьими от избытка хитрости.

Она явно была в тот момент очень собой довольна.

Да, у неё получилось. Получилось выйти «под залёт» за муж за какого-то их местного инфантила, который нигде не работает и не собирается. А, зачем? Родители, и его, и Натусика, хорошо зарабатывают и дают им достаточно средств на ежемесячные расходы. Квартиру молодой, с позволения сказать, семье позволили занять бабушкину, сразу же после их свадьбы выселив оттуда квартирантов. Родители даже шикарный ремонт им сделали на свои, разумеется, средства.

Теперь Олеженька – муж Натусика – сидит дома с их годовалым сыном, а сама Натусик вышла недавно на работу в магазин, в отдел косметики. Взглянув на её до ужаса раскрашенное молодое личико, вы сразу поймёте, где прелестница работает.

Это всё, конечно, замечательно, только у меня сразу возникают два вопроса. Во-первых, что они будут делать, когда их родители не смогут или не захотят совать им деньги, да, и нормально ли это, когда двое взрослых людей с ребёнком живут за счёт родителей? Во-вторых, не подло ли это – женить на себе парня, шантажируя его ребёнком, которого он,

между прочим, не просил тебя рожать? Однако Натусику ничего не подло: ни жить за чужой счёт, ни женить через пузо. Главное, чтобы ей было хорошо.

Она вообще очень своеобразное существо. Четыре года наблюдаю её жизнь в естественных условиях, но она всегда найдёт, чем меня удивить и докопать.

В прошлый свой приезд Наташка, например, попросила меня насыпать ей с собой в дорогу соли. Я достала дорожную солонку с плотно закрывающейся крышкой и подала ей.

– Ой... нет, мне такую не надо! – Принялась отнекиваться Евгешина сестрица. – Насыпь мне соли в спичечный коробок.

– Куда-куда? – Не поняла я.

– В спичечный коробок, – принялась терпеливо объяснять Натусик. – Все люди, когда они едут куда-то на поезде, насыпают соль в спичечный коробок.

Во, как! Все люди! Я, значит, либо не людь, раз вожу с собой дорожную солонку, которую без малейшего сожаления готова пожертвовать ближнему, либо всё делаю неправильно, либо вообще ненормальная, раз у меня нет пустого спичечного коробка.

Последнего у меня в наличии не было, и быть не могло, ибо плита у нас, как и у большинства обитателей около-столичных новостроек, электрическая, а не газовая. Для того, чтобы иногда, под настроение, примерно раз в месяц, выкурить любимую сигарилу с вишнёвым вкусом, у меня имеется

вполне себе приличная зажигалка, а, вот, спички... Когда же я в последний раз их видела?

Вспомнила! У меня есть один несчастный коробок со спичками для зажигания маленьких свечек, вставляемых в аромалампу. Я нечасто зажигаю её, тоже примерно раз в месяц, потому и забыла о наличии спичек в квартире.

Увидев этот несчастный коробок, Натусик тут же потребовала дать его ей, предварительно наполнив мелкой солью. Факт наличия в коробке спичек, которые иногда бывают мне нужны, её нимало не смущал.

Эх, знала бы я тогда, куда в скором времени отправится моя аромалампа, и сколько работы ей предстоит! Но, откуда я могла это знать?

Пришлось высыпать спички в маленькую конфетную ва-зочку, освободив тем самым коробок, и теперь они второй месяц лежали там, красуясь, вместо конфет. Вспомнилась сказка одного советского писателя про маленькую, ростом с палец, девочку Феньку, которая ела спички, бумагу, нитки и запивала всё это керосином. Кто знает, где можно Феньку отыскать, подскажите, пожалуйста! У меня есть для неё шикарное угощение.

Для Наташки же у меня припасено множество крепких ругательств, но я ещё ни разу не пустила их в ход. Только соберусь, взгляну на неё повнимательнее и понимаю: злиться там не на кого. В конце концов, она довольно безобидное существо, и я с ней в отличие от её братца Женечки не ссо-

рилась.

Мои размышления на тему обездоленных спичек, бездомных матерей-одиночек, фантазий Алексея Пантелеева и разных подлостей прервал видео-вызов по скайпу. Интересно, какой чёрт мне может звонить в час ночи? Нормальные люди в это время уже спят. Женька, например, ещё два часа назад отправился в свою комнату, это мы с Наташкой заболтались на кухне. То есть, заболталась, конечно, Наташка, а я так, за компанию.

Взглянув на абонента, я обмерла. Это же не кто иной, как сам Милан! Мать моя женщина! На кого я похожа? Впрочем, сама знаю, на кого. На довольно крупную болотную кикимору. Сбросить вызов просто невысказано. Отключить камеру тоже, потому что Милан будет думать, будто со мной что-то не так, и жутко при этом нервничать. Что же делать?

Я резко вырубил свет в кухне и принялась нашаривать рукой выключатели нижних светильников, одновременно нажав на «ответ».

Думаю, зрелище, которое предстало перед Миланом в первый момент, изрядно его ошарашило: в полной темноте мелькают какие-то огоньки и раздаются истошные вопли Натуси, внезапно очутившейся в полной тьме. Она отчаянно чиркала моей зажигалкой, пытаюсь зажечь свечу, но при этом только обжигала себе пальцы и взвизгивала, как собачонка.

Из спальни примчался Евгений и принялся орать на нас, что

есть мочи. Мы, видите ли, мешаем ему спать. Да, особенно я мешаю. За весь вечер проронила в общей сложности пару фраз, да, и то чисто случайно. Сестрице своей мозги промой, если найдёшь! Впрочем, Евгений именно этим и занялся ввиду потери второго противника.

После нескольких тщетных попыток я всё же нашарила выключатель и предстала перед Миланом в загадочном полумраке.

– Милан, что с вами? Вы не здоровы? – Вырвалось у меня вместо приветствия.

Давно я его таким не видела, примерно с момента нашего знакомства. Вылитый Иисус распятый!

– У вас там всё в порядке? – Вырвалось у Милана вместо ответа.

Его, должно быть, сильно озадачило начало нашего общения и скандал, бурно развивавшийся на заднем плане.

– Ничего страшного, – заверила я его, – небольшая семейная сцена. Пустяки!

– Что значит семейная? – Завёлся Милан с пол-пинка. – Ты вышла замуж и ничего мне не сказала?!

– Ну, что вы, Милан! Я бы обязательно вам сказала, случись со мной такое. Это мой сосед по квартире ругается со своей сестрой. Ничего особенного! Дело семейное.

Вот! Наконец-то, я с помощью Милана нашла определение Евгения, точнее его роли в моей жизни. Он сосед по квартире. В последние два месяца мы с ним ведём строго раз-

дельный бюджет и вносим квартплату поровну. Я стала гораздо меньше денег тратить на продукты, почти перестала готовить, чем высвободила массу свободного времени, и перешла на здоровое питание. Это дало мне прилив сил и избавило от нескольких ненужных килограммов. Столько хороших перемен, а всего-то и произошло, что Евгений из разряда любимых мужчин перешёл в соседи по коммуналке.

– Вы меня так не пугайте! – Предостерёг Милан. – Без вас хватает неприятностей!

У Милана неприятности! Скажите, пожалуйста! Неужели с ним когда-нибудь случалось что-то приятное или хотя бы ничем не омрачённое? В неприятность у нас перерастает всё: от дождика за окном до случайно порванного шнурика; от слишком холодного-горячего-сладкого-несладкого кофе до... До чего угодно, в общем!

Не без усилий я спрятала усмешку за серьёзной миной и спросила, как можно участливее:

– Что случилось, Милан?

– Светка ушла от меня и забрала детей! – Выпалил Милан, и лицо его подозрительно напряглось.

Всё. Сейчас он будет реветь, и это ужасно. Что угодно, только не это! Фух!.. Нет, не будет. На этот раз сдержался. Погодите, что?! Светка ушла и забрала детей?!

– Может, она не навсегда ушла, а, так, на время? В гости к матери поехала, например, а вас предупредить забыла? – Выдала я самое нелепое предположение из всех возможных,

но Милан, похоже, не заметил его нелепости.

Бедняга! Видимо, он вконец обескуражен происходящим.

– Нет, Яничка, Светлана ушла насовсем! Она так и сказала: ты сухой черствяк и злой, липучий занудник! – Когда Милан со словенского языка переходит на русский, всегда начинается цирк, но сейчас мне было совсем не до смеха.

– Зануда, – поправила я его машинально, – не занудник, а зануда, – насчёт злого и липучего черствяка просвещать Милана как-то не захотелось.

– Я не зануда! – Горячо возразил Милан. – Я просто люблю, чтобы всё было правильно! Разве это плохо?

– Это очень хорошо, Милан, – заверила я его, – но дело совсем не в этом.

– В чём же? – Милан явно начинал всерьёз заводиться.

На меня неожиданно нахлынули воспоминания о том, как мы с ним встретились, и я уже в который раз прибегла к этой палочке-выручалочке.

– Помните, как мы с вами познакомились, Милан? – Спросила я своего собеседника, постаравшись при этом максимально просветлеть лицом.

Сейчас он пустится в воспоминания, а у меня будет пауза, чтобы собраться с мыслями. Так и произошло.

– Я-ни-чка! – Протянул Милан по слогам, задумчиво улыбаясь. – Ну, как я могу такое забыть?

Тут он принялся болтать, а мне оставалось согласно кивать в такт его воспоминаниям и улыбаться, думая нелёгкую

думу о том, чем я могу помочь этому в очередной раз измученному жизнью молодому мужчине.

Глава 2

Я говорю всем, что Милан – мой друг, но это не совсем так. Друг, на мой взгляд, это некто, примерно равный тебе самому. В чём-то ты можешь его превосходить, в чём-то он тебя, но в целом вы находитесь примерно на одном уровне развития, настроены на одну волну, нередко занимаете одинаковое положение в обществе.

В случае с Миланом всё по-другому. Он – великий, не побоюсь этого слова, музыкант. Виолончелист. Вся его жизнь – непрерывная борьба, в которой он раз за разом одерживает победы. Я же простая девушка из обычной неполной семьи. Живу в своё удовольствие, звёзд с неба не хватаю... Точнее, не хватала до встречи с Миланом. Он помог мне дотянуться кое до чего, о чём я раньше не смела даже мечтать. Так, что, Милан мне больше, чем друг.

Раньше было в ходу слово «благодетель». Сейчас оно считается устаревшим и применяется, в основном, в ироническом смысле. Очень жаль. Оно, как ни одно другое, наиболее точно характеризует роль Милана в моей странной, переменчивой жизни. Впрочем, обо всём по порядку.

Я познакомилась с Миланом примерно восемь лет назад. Он приехал в наш город на длительные гастроли в составе известного симфонического оркестра. Всё бы ничего, но тут великого музыканта неожиданно накрыла волна угнетённого

настроения. Нет, это была ещё не депрессия, но состояние, очень к ней близкое.

Ему пытались оказывать необходимую психологическую помощь, но здесь такая штука... В общем, нельзя быть эффективным психотерапевтом, не являясь носителем того же языка, что и пациент. Именно об этом и поведал обществу вызванный из университета титулованный специалист, который преподавал на нашем курсе клиническую психологию.

После занятий я подошла к нему и сообщила, что владею языком захандрившего музыканта, пусть не в совершенстве, но, всё же, на достаточно хорошем уровне. Мой недавно умерший дедушка был словен, и с детства учил меня своему языку. Никто другой из пяти его внуков не заинтересовался языком предков, а моя любознательность всегда была выше средней.

К тому времени я уже оканчивала курс обучения. Оставалось сдать пару экзаменов, госник и защитить диплом. Вдобавок, на тот момент у меня был диплом фельдшера и пара лет самостоятельной практики на «Скорой». В общем, мы отправились спасать дорогого гостя вдвоём: опытный психолог-практик, с трудом объясняющийся с пациентом по-английски, и я, зелёная практикантка, владеющая, пусть и не безукоризненно, языком страдальца.

Контакт с пациентом удалось найти не сразу, хотя, надо сказать, Милана Котника тронули мои старания изъясняться

на его родном языке.

Как бы там ни было, через неделю мы с Миланом бежали наперегонки по набережной в шесть утра, гуляли днём по городу и на спор ели по пять порций мороженого, до которого оба оказались большие охотники. Настроение гостя существенно улучшилось, жизнь начала налаживаться и тут – бац! – появилась Светка.

Светка – моя университетская однокурсница, но знала я её плохо. Мы с ней мало общались и редко пересекались, потому как учились на заочном отделении, поток большой, общих интересов мало, научные руководители разные. Как я сейчас понимаю, она тогда нарочно принялась со мной активно přátельствовать, узнав, с кем я провожу много времени и, как вы уже догадались, цели своей достигла.

Не подумайте, что у меня какая-то обида на Светку, либо, что ещё хуже, ревность или зависть к ней. Этого нет в помине, потому что с Миланом нас изначально связывали только дружеские отношения, помимо медико-пациентских, конечно.

Милан спокойно мог болтать со мной о своих прошлых романах и обсуждать мотогонки, пить пиво и гонять по экрану компа человечков, подбадривая их нецензурными ругательствами на всех языках мира... Со Светкой у них с самого начала всё сложилось иначе.

Увидев, что я пришла на очередную утреннюю пробежку не одна, а в сопровождении натуральной блондинки с во-

лосами до попы, талией хорошо поголодавшей осы и глазами эльфа, Милан буквально рухнул к её ногам. Да-да, рухнул в прямом смысле слова! У моего друга и благодетеля подкосились колени, а на беломраморном личике Светусика не дрогнул при этом ни один мускул, ибо она привыкла за свои двадцать с небольшим лет к подобной реакции мужчин на свою персону.

В общем, как вы уже поняли, уезжал великий музыкант из нашего города не один. Ради «неземной любви» Светка бросила универ, так и не окончив курса, чем нередко попрекала впоследствии своего именитого супруга. Каким-то непостижимым образом она умудрилась в кратчайшие сроки расписать с собой закоренелого холостяка Милана, одного за другим произвела на свет двух очаровательных мальчиков и вертела своим семейством и всей роднёй, как ей вздумается.

Теперь, по прошествии стольких счастливых лет, ей взбрело в голову зачем-то уйти. Видимо, это часть очередного коварного плана по управлению супругом. Возможно так же, что Светка встретила кого-то и, наконец, полюбила по-настоящему, и от этого Милан сделался «чёрствым сухарём», «занудой» и так далее по списку.

На месте Милана я бы пожелала ей попутного ветра и счастья полные... паруса, но мне хорошо рассуждать, я-то не люблю Светку (С чего бы мне её любить?), а вот он... Да, это проблема. Надо что-то делать.

Сказать по правде, я готова разбиться в лепёшку, чтобы помочь Милану выбраться из тенёт подступающей (Уже подступившей?) депрессии ещё и потому, что однажды он, пусть, не разбиваясь, помог выбраться мне.

Я тогда увязла по уши в убивающей душу рутине и не видела ровным счётом никакого выхода из сложившейся ситуации. Это произошло примерно через два года после нашего с Миланом знакомства. Дело было так.

Как вы уже поняли, я в своё время окончила медицинский колледж по специальности «Фельдшерское дело» и работаю на «Скорой». Да, это местами та ещё работка, но, вы не поверите, мне она нравится. Я влюблена в своё дело и не представляю моей жизни без него.

Так, вот. Всея родне в какой-то момент начало казаться, что я трачу свою жизнь зря. По их мнению, я должна была учиться на дневном отделении какого-нибудь не особо напряжного вузика, красить физиономию, бегать по свиданкам и ни черта не делать от сессии до сессии. Так жило в то время большинство моих ровесниц. Я же за сравнительно небольшие деньги денно и нощно вкальваю, обходясь при этом без вузовского студенческого билета, личной-параличной жизни и даже мечты о них!

Это безобразие нужно было любой ценой исправить, и мне начали капать на мозги о том, какая я безынициативная, не амбициозная, не целеустремлённая и вообще несовременная. Сколько я в тот период выслушала од диплому

о высшем образовании – не хватит пальцев на руках и на ногах, чтобы их сосчитать!

В общем, любящим родственникам удалось убедить меня всей гурьбой в необходимости получить «вышку». Провести ещё семь долгих лет в медицинском вузе я была не готова, никакие другие сферы деятельности меня не привлекали, и в качестве Альма Матер я выбрала психологический факультет университета.

Дело было не столько в моей любви к психологии и даже не каких-то моих собственных неразрешимых псих-проблемах. Просто выпускники медицинских колледжей обучались там по сокращённой программе: вместо шести лет обучение длилось всего три с половиной года на заочном отделении. Я могла спокойно совмещать любимую работу с учёбой и жить, как мне вздумается, не раздражая при этом родню.

Так, меньше, чем через четыре года я стала дипломированным психологом, и один из моих двоюродных дядюшек выгодно пристроил меня на работу в администрацию города. Тут-то и начался ад.

Не хочу описывать всё, скажу только, что два с лишним года, проведённые на этой работе, чуть не довели меня до психиатрической клиники, либо ещё какого греха. Работала я там не по своим двум специальностям, а оформляла какие-то бесчисленные бумажки и носила их из кабинета в кабинет. Сказать, что это было не то, о чём я мечтала в детстве – не сказать ничего.

Мало этого, на меня ещё постоянно орали так, что стены тряслись: то я не там сделала отступ, то допустила лишний выступ, то занесла те бумажки не в этот кабинет, то эти не в тот... В общем, когда мне довелось в следующий раз повстречаться с Миланом, он меня не узнал.

Замысловато выругавшись по-словенски, Милан буквально взял меня за руку и увёл с ненавистной работы. Если выразить суть того, что он тогда сказал, приличным языком, то два года назад я была персик, а сейчас – просроченная курага.

Дома, конечно, меня принялись ругать во все корки. Милан быстро это понял и увёз меня к ним со Светкой в гости, в Словению, откуда я вернулась через год без малого совсем другим человеком.

«В гости» – это слишком сильно сказано. Милан со Светкой постоянно были в разъездах, а я жила в их доме, занимая спальню на втором этаже, работала гидом в ближайшем турагентстве, дабы не сидеть у гостеприимных хозяев на шее, и писала, писала, писала!..

Дело в том, что я с пятнадцати лет пишу стихи и коротенькие рассказы, но до этого времени складывала их в стол, даже не помышляя о публикации. Иногда я давала почитать свои творения друзьям и знакомым, меня хвалили, я радовалась, и всё оставалось на своих местах.

Милан заставил меня опубликовать то, что есть, а под влиянием красоты, окружавшей меня в то время, нахлынувших

впечатлений, новых знакомств и непривычной жизни я начала писать буквально каждый день. Вскоре родилась ещё одна книга, потом ещё.

У себя дома меня почти никто не знает как поэта и писателя. Совсем другое дело в Словении. Там мои стихи и проза, переведённые на словенский, стали довольно популярны среди романтически настроенной части населения. Окунувшись в языковую среду, я начала больше понимать, лучше говорить, и некоторые стихи писала уже сразу на словенском языке, не прибегая к услугам переводчика. Не обошлось, конечно, без помощи в продвижении моих произведений со стороны Милана и его друзей. В общем, в Словении и Австрии, где тоже живёт довольно много словен, у меня есть свои почитатели и даже последователи.

Когда я рассказывала об этом Евгению, он недовольно кривился и неизменно шутил про «широкие слои узкого круга». Ещё он терпеть не мог, когда я при нём начинала писать что-нибудь.

– Что это мы там кропаем? Шшихи? – Спрашивал Евгений со злорадной ухмылочкой, имея в виду стихи.

Мне в такие моменты очень хотелось двинуть ему копытом по зубам так, чтобы он произносил слово «стихи» всегда именно так: «шихи». Каждый раз мне удавалось сдерживаться, потому что я знала, что ругань собьёт творческий настрой, спугнёт рифму и возмутит до глубины души утончённую даму Музу.

Евгена, как я сейчас понимаю, бесит вообще всё, что мне нравится. На симпатичных мне людей это распространяется тоже. Однажды он назвал Милана «твой словенский выродок», после чего я не разговаривала с ним целый месяц, и Евгению пришлось тогда извиняться за свои слова, хотя ему ужасно этого не желалось.

С кем бы я ни подружилась из девушек или женщин, все они были для Евгена, кто «кошёлка», кто «старая дура», кто «наглая сопля». Не щадил он эпитетов и для моих сотрудников, приятелей, знакомых. Приятный Женечка человек, одним словом!

Правда, никто этого не ценит, и ни на одной работе мой многоуважаемый сосед по квартире дольше, чем на год-полтора, не задерживается. Благо, живём в столице, и вакансий по его специальности более чем достаточно. Кажется, я начинаю понимать, почему он шесть лет назад уехал из своего маленького, уютного городка, где вполне мог бы жить у мамы с папой под крылышком и горя не знать.

Впрочем, мне ли осуждать уехавших из дома обитателей съёмных углов?

Пять лет назад я тоже, вернувшись из Словении домой, не задержалась там и на месяц: повидалась кое с кем из родных и друзей, немного погуляла напоследок по родному городу и уехала, сначала в Австрию по делам, после в Индию ради интереса, а потом в столицу. Евгений сагитировал. Да, я и сама прекрасно понимала, что жить так, как мне хочется,

дома не дадут. За каждый свой самостоятельный шаг мне придётся стоять насмерть, а что это за жизнь, когда идёт непрекращающаяся война?

Мать и тётки запугивали меня разными ужасами проживания в мегаполисе: дуроломными квартирными хозяевами, безумными работодателями, брачными аферистами, хитрыми сутенёрами, нищетой, одиночеством, криминалом. Они даже моей тётушке Регине, которая уже давно здесь живёт, звонили с просьбой приглядеть за мной. Та, к счастью, ответила, что не собирается приглядывать за взрослыми тётками вроде меня, и мать с тётёй Линой благополучно с ней в очередной раз поссорились.

Страшилки о жизни в Москве я слушала вполуха, потому что за прошедший год, наконец, осознала, что я взрослый человек, и могу делать всё, что посчитаю для себя нужным и полезным. Вдобавок, я владела востребованной и горячо любимой профессией, тремя европейскими языками и солидной суммой от литературных гонораров, лежащей в банке.

О последней мне не стоило говорить родным, но тогда я этого ещё не понимала. Зато теперь у меня есть прекрасный повод не общаться с теми, кому я не дорога – не отданные долги. Из-за этих безответственных личностей я не смогла купить жильё в столице, но кое-что у меня всё же припасено. Помимо этого я иногда получаю авторские отчисления за использование своих текстов, в основном из Словении

и Австрии, конечно, и это очень неплохое подспорье. Я могу не думать каждую минуту о том, как мне выжить, и не набирать под завязку суточных дежурств.

Раньше я вынуждена была подрабатывать массажистом в свободные от дежурства дни, а теперь мне это не нужно. Я только изредка выхожу как массажист в клинику заболеваний опорно-двигательного аппарата на подмену.

Ещё я осуществила почти все свои мечты о путешествиях.

Ещё купила машину, на которой ездит преимущественно Евгений, конечно, но он всегда может меня привезти-отвезти, либо подбросить крупный груз, куда мне нужно. Кстати, не мешало бы забрать у него ключи.

Ещё я делаю всем дорогим мне людям хорошие подарки на праздники, не особо задумываясь об их стоимости.

Всё это благодаря Милану и его... нет, не дружбе даже, а настоящему покровительству.

Глава 3

Теперь у Милана несчастье.

Он закончил со своими воспоминаниями о нашей встрече и первых неделях безмятежной дружбы и перешёл к жалобам на жизнь. Надо бы его отвлечь, а то он такими темпами обязательно сегодня разревётся.

– Милан, кто с вами сейчас? – Прервала я поток его жалоб. – Надеюсь, вы не один в доме?

– Нет, не один. Со мной мой друг, Яромир. Правда, он скоро уезжает. Кажется, великий занудник Милан его совсем

закопал, – пошутил мой собеседник по-русски и горько рас- смеялся.

– Когда он уезжает? – Докопалась, в свою очередь, я.

– Не помню! – Милан беспечно махнул рукой. – После- завтра, кажется, или через два дня.

Это совсем нехорошо. У Милана начинается большой концертный тур по Латинской Америке примерно через две недели, и оставлять его одного на это время крайне нежела- тельно. Мало ли, что взбрeдeт ему в голову в одиночестве?

– А, у меня как раз через два дня начинается отпуск, – жи- во соврала я. Интересно, как я буду отпрашиваться с рабо- ты? Впрочем, ничего, как-нибудь справлюсь. Я уже три года не была в нормальном отпуске. Так, по неделе урывками.

– Это же замечательно! – Просиял Милан. – Приезжайте ко мне. Я забыл сказать... Мне вчера звонили с нашего теле- канала культуры... Хотят сделать передачу с вашим, Янич- ка, участием. Так, что отпуск очень кстати!

Милан оживился и снова начал болтать, на этот раз о те- левидении и новостях культуры. Я изо всех сил делала ра- достное лицо, кивала, а сама чуть не плакала, мысленно пе- ребирая свой гардероб. Ладно, как-нибудь разберусь. Сей- час главное – отпроситься на две недели с работы, остальное не так сложно и страшно.

Я уже порадовалась, что наша беседа вошла в мирное, приятное русло, но, как оказалось, рано.

Неожиданно в кухню вкатился Евгений и принялся выска-

зывать мне претензии по поводу ночной болтовни, мешающей ему спать, перерасхода электроэнергии, перегоревших пятьсот лет назад лампочек и прочих малоприятных глупостей. Мне, конечно, следовало бы ответить что-то нейтральное, чтобы ему было не за что зацепиться, но шёл уже четвёртый час утра, перед этим мне не дала выспаться после смены Наташка, вдобавок, я уже устала улыбаться в планшет, в то время как хотелось плакать, а теперь ещё...

– Пошёл вон отсюда! – Неожиданно, даже для себя самой, заорала я так, что в шкафчике зазвенела стеклянная посуда. – Ты разлѣгся, как недобитый барон, на двуспальной кровати, а я сижу, как задристанный щенок, в кухне на полу, почти всё время молчу и всем, чёрт побери, постоянно мешаю! Уйди с глаз моих, пока я тебе мусорное ведро на башку не надела!

Евген уставился на меня квадратными глазами, покрутил пальцем у виска и ретировался с кухни.

Надо описывать, какими глазами смотрел на меня с экрана Милан?

– Яничка, милая, зачем ты живёшь с этими ужасными людьми? – Спросил он, немного опомнившись. – Ты же собиралась купить себе жильё с гонораров... В чём дело, Яна? – Милан снова начинал заводиться.

Теперь он не отстанет от меня, пока я не расскажу всё.

В общем, разревелся в ту ночь, ближе к утру, не Милан, а кое-кто другой. В последние пять лет я почти ничего

не рассказывала ему о реальном состоянии своих дел.

Съёмная квартира в ближнем, но всё же Подмосковье.

Непонятное сожительство с первым попавшимся, более-менее приличным парнем.

Постоянно околачивающиеся у нас его родственники.

Крупная сумма денег, которую мне никто не собирается возвращать... Стыдно рассказывать о таких вещах!

Словенские друзья знали, что дела у меня идут сносно: работаю, встречаюсь с парнем, бегаю по утрам, посещаю спортзал, читаю, пишу. Без лишних, огорчающих подробностей.

Теперь Милан слушал мой грустный рассказ о несостоявшейся покупке жилья, не получившейся семье, не задавшемся разезде по разным квартирам. Он охал-ахал, иногда принимался ругать меня, иногда жалеть. В итоге заявил, что сегодня же вышлет мне сумму, необходимую для покупки однокомнатной квартиры в Москве.

Вообще-то, он готов был купить мне квартиру побольше, но забеспокоился на тему налогов. Я чуть не ляпнула, что налоги на обычную недвижимость у нас в стране по сравнению с Европой и Америкой копеечные, но вовремя наступила себе на язык.

– Хорошо, Милан, – сказала я. – Вы дадите мне в долг необходимую сумму, и я вам верну её частями в течение года-двух...

– Никаких долгов! – Отрезал Милан. – Я дарю вам эти деньги.

– Милан, но это слишком большая сумма! Я не могу принять от вас такой дорогой подарок.

– Ты не желаешь принять в дар паршивую однокомнатную клетушку от кровного брата?! – Вспылил Милан.

Тут мне следует объяснить некоторые вещи. Например, почему Милан обращается ко мне то на «вы», то на «ты», а заодно уж и наш с ним полный и безоговорочный отказ от алкоголя.

Однажды, во время того самого неполного года, проведённого мной в Словении, мы с Миланом, будучи в изрядном подпитии, побратались. Ну, то есть, это он со мной побратался, а я с ним... не знаю, посестрилась, видимо.

Побратались – не в смысле обнялись, поплакали от избытка чувств и объявили себя братом и сестрой, а сделали надрезы на коже и смешали свою кровь. Думаю, многие слышали об этом древнем обычае, но мало кто решается осуществить его на практике в наши дни. Нас с Миланом угораздило. До сих пор на наших правых кистях красуется по небольшому шраму.

Светку тогда передёрнуло, и она назвала нас дикарями. Полностью с ней согласна. Это было дико, глупо, нелепо, и с тех пор мы оба, не сговариваясь, отказались от алкоголя навсегда.

Мы с Миланом предпочитаем об этой истории братания не распространяться и не обсуждать её друг с другом, но, когда один из нас начинает кочевряжиться, отказываясь при-

нять помощь другого, тот, другой, по негласному правилу, установившемуся между нами, напоминает, кем мы друг другу теперь приходимся.

Вот и сейчас Милан заставил меня, уже в который раз, принять его помощь. Он перевёл на мою банковскую карту сумму, необходимую для покупки однокомнатной квартиры в более-менее приличном районе столицы и купил мне по Интернету билет в бизнес-класс на самолёт до Любляны. Милан взял с меня слово срочно приобрести квартиру и показать ему договор купли-продажи по приезду. Не подумайте, мой кровный брат вовсе не зануда. Он просто любит, чтобы всё было правильно.

В пылу благодарности и с большого недосыпа я выдала очередную нелепость. Пообещала найти Светку и заставить её вернуться к нему.

– Я не сомневаюсь, что ты сможешь это сделать, сестрёнка, – ответил Милан, немного помолчав, – только ты не сможешь одного: заставить её любить меня.

Он усмехнулся так горько, что я отдала бы всё, что имею и даже немного больше за то, чтобы никогда не видеть этой усмешки на его бледном, одухотворённом лице.

– Она не имеет права поступать так с вами! – Воскликнула я. – Вы сделали её великосветской дамой!

– Нет, Яничка, – спокойно возразил Милан. – Она всегда была великосветской дамой. Она родилась ею. Я только создал ей условия, чтобы она раскрылась.

– Да! Всего-навсего! – Съехидничала я. – Вы бы видели, где эта великосветская дама родилась, и в каком окружении прошли её детство и юность!

– Это всё неважно, – ответил Милан. – Где бы она ни родилась, она родилась принцессой. Как и ты, Яничка, родилась поэтом и прекрасным другом. Нет разницы, где ты при этом живёшь, и кто тебя окружает. Наступит время, и ты станешь тем, кто ты есть. Это неизбежно.

У меня немного другие взгляды на жизнь, но спорить с фаталистом Миланом я не стала. Во-первых, он очень красиво излагает свои мысли, и мне всегда жаль разрушать их строй какими-то нелепыми возражениями. Во-вторых, я скорее залепила бы сама себе пощёчину, чем расстроила Милана своим несогласием или какой-то иной глупостью. В-третьих, я не спала уже вторую ночь подряд, и язык мой медленно, но верно начал завязываться в узел.

Мы попрощались в пятом часу утра, и я даже успела часа три с половиной поспать, прежде чем отправилась на работу клянчить отпуск.

Глава 4

Мне было очень страшно, но страх притуплялся жуткой усталостью, а усталость превозмогалась чувством всепоглощающего сострадания к Милану. Вдобавок, на всё – про всё у меня было меньше двух суток, за которые я должна была отпроситься с работы, приобрести жильё и собрать вещи. Это был полный цейтнот, но я решила действовать, как ав-

томат, и эта тактика дала свои результаты.

Через два дня я сидела в самолёте и вспоминала прошедшие два дня до отъезда со смешанными чувствами.

На работе мне удивительно легко дали отпуск на... сорок пять дней! Дело в том, что, увидев мою зелёную, зарёванную физиономию, начальство и коллеги решили, что у меня кто-то умер. Я на всё кивала и соглашалась. Почему-то все они подумали, что у меня умер отец. Я не спорила, потому что мой биологический отец и впрямь мёртв, правда, случилось это полтора года назад.

О его смерти я узнала не сразу, потому что родители мои с незапамятных времён находятся в разводе, и с отцом всё это время я не общалась. Узнала случайно, постфактум, через пятые руки. Никому из столичных знакомых, кроме Евгена, об этом не рассказывала. Начальство же рассудило, что я нуждаюсь в длительном отдыхе, приплюсовало к обычному трудовому отпуску всё, что возможно, и получилось целых сорок пять дней! Фантастика!

Так же фантастически просто мне удалось приобрести однушку с дизайнерским ремонтом в пяти минутах ходьбы от метро в только что построенном доме, готовом к заселению. В этом мне помогла Маринка, с которой мы подружились однажды на вызове.

Я считаю, что отношение медика к пациенту должно быть сугубо профессиональным, но в тот раз девушка вызвала во мне такое восхищение своей стойкостью, что я потом при-

шла навестить её в больнице. Марина попала тогда в страшную аварию. Из четверых пассажиров легковушки, в которой она ехала, в живых остались только она и грудной ребёнок. Его в момент столкновения выбросило из салона вместе с детским креслом.

Марина застряла в грудё искорёженного металла, откуда её с огромным трудом извлекли спасатели. Её левая нога оказалась буквально разорвана на несколько частей, девушка могла её лишиться и стать инвалидом, и она это прекрасно понимала, потому что оставалась в сознании. Другая на её месте истерила бы так, что пыль столбом, а она сохраняла полное присутствие духа, да ещё и шутить умудрялась.

В общем, теперь о той страшной аварии напоминают лишь жуткие шрамы на левой ноге Марины да наша дружба.

Марина – юрист по профессии, причём работает в сфере оборота недвижимости. Это она два дня назад порекомендовала мне надёжную строительную фирму и помогла разобраться со всеми документами. Сама я ни за что не справились бы.

Выручило ещё и то, что мы живём в эпоху, когда предложение новой недвижимости в столице и её окрестностях из-за неоправданно высоких цен и неумённого строительства слегка превышает спрос. Иначе поиск жилья и его оформление растянулись бы на месяцы, а так мне есть теперь, что показать Милану по приезде.

По правде сказать, мне было безразлично всё, что связа-

но с моей новой квартирой. Сколько там квадратных метров, какого цвета плитка в ванной, чем отделана рабочая зона в кухне... Наплевать! Я словно чувствовала, что жить мне там не придётся, и относилась к вопросу выбора очень легко. Меня всё устраивало: и этаж, и подъезд, и район. Главное – скорее заключить договор купли-продажи и покончить с этим.

Что-то вроде радости от покупки жилья я ощутила лишь в тот момент, когда сообщала об этом Евгению. Он был немало удивлён: как так, то я не могла найти съёмный угол, чтобы уйти от него, а тут вдруг – раз! – и переезжаю в своё жильё. Он с радостью согласился помочь перевезти мои вещи, которые я успела собрать в мешки и коробки, в новую квартиру. Видимо, кого-то нашёл. Что ж, счастья ему полные... карманы! В конце концов, не такой уж он плохой человек, просто мы не совпали по каким-то таинственным показателям, вот, и не вышло между нами ничего путного. Жаль. Могли бы уже детей по музеям водить, но нет, так нет.

Только я успела подумать о Женечке в положительном ключе, как в мозг мой ввинтился ржавым шурупом его вопрос:

– Знаешь, в чём твоя беда, Янка?

– В чём же? – Вежливо поинтересовалась я.

– Ты думаешь, что представляешь собой какую-то ценность для других, а на самом деле нет.

От неожиданности я захлопала глазами, непонимающе

уоставившись на теперь уже бывшего соседа по коммуналке.

– Тебе кажется, что ты нужна кому-то сама по себе, потому что ты такая замечательная. Что все это видят и втайне восхищаются тобой. На самом деле в наше время все восхищаются только собой. Другой человек интересен только тогда, когда с него можно что-то получить. А, что с тебя можно получить, Янка?

– Шерсть, – невозмутимо ответила я, потрянув волосами. – Ещё я могу яйцо снести, если постараюсь. Начисто.

– Ты всё шутишь, красавица, – погрозил мне Евгений своим длинным, кривоватым пальцем, – а лет-то тебе уже давно не восемнадцать! Другие в твои годы...

Да, слышала я про то, что могут, умеют и имеют другие в мои годы уже много раз за жизнь! «Я в твои годы уже давно писала в горшок, а ты всё в штаны дуешь!» «Я в твои годы уже таблицу умножения наизусть декламировал, а ты едва по складам читаешь!» «У меня в твоём возрасте был студенческий билет самого престижного вуза, а ты всего-навсего спасаешь чьи-то жизни и занимаешься прочей подобной ерундой!»

Пытаясь соответствовать чьим-то представлениям о том, какая ты должна быть, всегда получаешь в итоге только одно – травму.

Вот, и сейчас Евгений пытается меня травмировать. Травмировать в очередной раз. Ему мало тех лет, что я на него потратила, получая взамен только жалкий букетишко к празд-

нику и килобайты нытья по поводу и без. Ему мало той любви, которую я дарила ему, непонятно, за что! Ему мало...

Ему вечно всего мало, и он всегда хочет получить ещё больше! Что ж, не в этот раз.

Дождавшись паузы во вдохновенном монологе Евгена, который нёс что-то как раз о том, что и Милану я тоже не нужна как класс и как личность, а интересна лишь как буфер между ним и Светкой, я с самым серьёзным видом спросила:

– Евгений, а не подскажите, какова точная глубина Марианской впадины в Тихом океане?

Женечка осёкся, и бледно-голубые глаза его часто-часто замигали.

– Сколько лет жизни человек тратит на моргание? – Эффектная пауза. – Как? Тоже не знаете? Вы даже не в курсе, сколько яиц в кладке утконоса?!

Евген ошалело потряс головой.

– Ну, знаете, Евгений! – Подытожила я. – Это переходит все границы!

Я развернулась и гордо пошла к выходу.

– Стой! – Крикнул мне вслед Евген. – Когда ты вернёшься из этой своей... Словении? – Последнее слово бывший сосед произнёс с таким презрением, что я едва удержалась от смеха. – В какой день тебе ключи занести?

– Мне они не нужны, можешь не заносить их совсем, – ответила я. – У меня есть свой комплект, чтобы войти, а, как только я буду дома, то сразу же поменяю замки. Машину

оставь там же на парковке. Запасные ключи у меня тоже есть, свои можешь выбросить.

Евген чуть не поперхнулся от моей предусмотрительности, которая на самом деле была и не моя вовсе, а Маринкина. Это она посоветовала сменить замки в квартире после заселения, а то мало ли, что? Насчёт автомобильных замков я уже додумалась сама по тому же принципу.

– И, пожалуйста, мне без фокусов вроде посуточной сдачи моего жилья и прочего подобного! Я могу вернуться в любой момент. Сделаю это сразу же, как только Милану станет лучше.

– У тебя не получится его охмурить! – Заорал вдруг Евген во всю силу лёгких. – У тебя в двадцать лет это не получилось, а сейчас тем более не получится! Ты никому не нужна! Ты была нужна только мне, но ты предала меня!

Надо же, сколько пафоса! Предала! Интересно, когда же я успела предать Женечку?

– Ты хочешь получить всё! – Надсаждался Евген. – Но, ты ничего, ничего не получишь! Такие, как ты, всегда остаются с краю! Рулят в наше время совсем другие!..

Он ещё долго что-то выкрикивал мне вслед, пока я выкапывала чемодан, вызывала такси и обувалась. Пусть покричит, может, легче станет. Однако меня очень неприятно царапнули его слова про это самое «наше время». Может, я и впрямь в него не вписываюсь? Как тогда мне быть? Куда вписать невписуемое?

Даже не знаю. Лично мне всегда казалось, что есть ценности на все времена, такие, как способность к любви, дружбе, состраданию. Ещё я думаю, что во все времена в чести доброта, красота, чистота. Оказывается, всё это нынче с краю. Что ж, значит, побудем с краю. Ведь, если все примутся рулить, то никаких рулей не напасёшься. Попробуем обойтись без руля, одними ветрилами. Вдруг выйдет что путное?

Впрочем, куда мне! Несовременная, глупая, наивная, никому ненужная ждунья, прождавшая четыре года непонятно чего – вот, кто я такая. Придётся с этим жить, деваться-то всё равно некуда.

Московский март провожал меня снежной крупой.

Прямо в лицо мне бросая
Горсти крупы ледяной,
Март откровенно желает
Ею делиться со мной.

Варит в огромной кастрюле
Там, глубоко, в облаках
Кашу свою ледяную,
Видишь – половника взмах!

Взмах – полетели крупинки,
Дробно стуча об асфальт.
Выюги запели сурдинки,

Скрипка метели и альт.

Щедро поделится с нами
Пищей своей ледяной,
Сдобренной всеми ветрами,
Март и с тобой, и со мной.

Он, нам богатства желая,
Сыплет крупу на весь мир,
Бурно и жёстко справляя
Белый прощальный свой пир.

Глава 5

В Любляну я прилетела поздним утром. Милан, как и обещал, прислал за мной машину, но сам встречать меня не приехал. Дела, видимо. Никаких обид по этому поводу нет и быть не может. Милан очень занятый человек, и это хорошо: меньше времени остаётся на иссушающие душу переживания, до которых он всегда был большой охотник.

Когда я уезжала из Москвы, там уже много дней стояла типичная мартовская погода: температура воздуха от лёгкого минуса до лёгкого плюса и обратно, то снег, то Солнце, кругом лужи вперемежку с грязноватыми, просевшими сугробами, с крыш капает, и сохраняется повышенная сосульечно-пришибательная опасность.

В Словении меня сразу же взяла в плотное кольцо поздняя

весна, и я не спеша плыла в её тёплых, ароматных волнах.

Спасибо Насте, соседке и доброй приятельнице, которая вызвалась меня проводить, и забрала в аэропорту мои тёплые вещи. Теперь на мне только чёрно-красное с коротким рукавом платье-футляр из плотного трикотажа, лёгкая кожаная куртка вишнёвого цвета и высокие чёрные с красной шнуровкой ботинки. Дашка, моя юная сотрудница, сказала, что это «последний писк». Что ж, последний так последний. Не будем спорить с признанными модными экспертами нашей подстанции.

Присланный за мной автомобиль оказался кабриолетом, и тёплый ветерок, напоённый ароматами цветов, нежно трепал мои распущенные волосы всю дорогу до дома моего кровного брата. Как он там? Сердце тревожно сжималось от мыслей о Милане. Вокруг было столько красоты, что даже не вполне верилось, будто кто-то, живя в этой благодати, может быть несчастен, особенно обитатели такого особняка, как у четы Котников. Оказывается, может. В жизни столько всего намешано, что порой ужас охватывает от этого бурлящего разнообразия.

Я порадовалась, что водителем оказался тот самый словоохотливый дедок, дядюшка Йозеф, с которым у нас в прошлые мои приезды сложились самые тёплые отношения. Поток его слов обо всём на свете, мягкий, беззлобный юмор и весёлый не по годам смех отвлекали меня от грустных мыслей.

Я отказалась от помощи Йозефа по доставке моего чемодана в дом и сама покатила его к крыльцу, оглядываясь по сторонам и отмечая про себя, что роскошный некогда сад приобрёл отчётливые признаки запустения. Здесь всегда было много клумб с самыми разными цветами, но в этом году никто не позаботился о том, чтобы засадить их к весне по-новому. В них в лучшем случае торчал какой-то самосев, в худшем – крапива. Деревья не обрезаны и не окопаны, дорожки не посыпаны свежим гравием.

Крыльцо, всегда такое нарядное и ухоженное, было теперь заляпано грязью, а с деревянных деталей кое-где заметно облупилась краска. От этого делалось ещё грустнее. Сердце моё готова была уже сдавить самая настоящая тоска, когда я заметила, что не одна на садовой дорожке. Чуть впереди и сбоку высится крупная, тёмная мужская фигура.

«Кузен Марио!» – Мелькнула на секунду мысль, но тут на волнистые волосы парня упал солнечный луч, и они вспыхнули золотистым пламенем. Я поняла, что это не Марио, потому что тот выраженный брюнет.

Стоящий у крыльца молодой человек был одет в тёмно-синие джинсы и чёрную джинсовую куртку. Ветер трепал его рыжевато-каштановые кудри. Роста парень был намного выше мужского среднего, а в руке его красовалась, как, собственно говоря, и в моей, ручка огромного чемодана на колёсах. Рядом высилась исполинских размеров спортивная сумка.

Он повернулся в мою сторону, и я обмерла. Это же Яромир Збогар, звезда словенского и мирового мини-футбола! По нему буквально сходят с ума сотни тысяч женщин и девушек во всём мире. Вот, это друзья у Милана! Впрочем, удивляться тут нечему. Милан Котник сам мировая знаменитость. Правда, области, которым посвятили себя Милан и Яромир отстоят друг от друга, прямо скажем, далековато, но жизнь есть жизнь, чего в ней только не бывает!

При виде меня лицо Яромира внезапно осветилось такой улыбкой, что в глазах моих чуть, было, не померкло Солнце, но этого всё же не произошло. Кто я, и кто он? Ответ на этот вопрос очевиден: мне ловить нечего.

– Яна? – Спросил вдруг Яромир. – Янина Рупник?!

– Так точно! – Отрапортовала я и рассмеялась его искреннему удивлению. – Вам Милан сказал, что я сегодня приезжаю?

– Милан сказал только, что сегодня приедет в отпуск его сестра Яна. Я никак не ожидал, что сестра Милана – это вы, Янина Рупник.

– Что же здесь особенного? – Удивилась я.

– В общем-то, ничего, – ответил Яромир, смутившись. – Следовало ожидать, что в такой семье, как Котники, много разных талантов.

– Вы интересуетесь поэзией, Яромир?

– Откуда вам известно моё имя? Милан сказал?

– В том числе и от него, – подтвердила я, – а ещё я интере-

суюсь мини-футболом, с вашего позволения, и даже немного играю.

– Ничего себе! – Удивился Яромир. – Оказывается, и такое тоже бывает! А, ещё, – добавил он, приободрившись, – бывает, что спортсмены иногда интересуются поэзией! Такто, – присовокупил он не без гордости. – Особенно, когда их лучший друг не расстанётся ни на день со сборником стихов одной современной поэтессы!

Мы оба рассмеялись, и я предложила Яромиру отправляться, куда он собирался, потому что «пост сдан – пост принят», но тот возразил, что никуда он, оказывается, не собирался, а просто забирал вещи из химчистки.

Легко подхватив свой огромный багаж, парень направился в дом, предложив мне следовать за ним.

– Оставьте свой чемодан на дорожке, Янина, – сказал Яромир. – Я сейчас за ним вернусь. Незачем вам обрывать свои нежные руки.

Я рассмеялась и отказалась от его помощи. Рассмеялась, потому что видел бы он, где и как я работаю, а отказалась от помощи оттого, что я ничего не хочу от этого милого парня и не собираюсь с ним кокетничать, строя из себя девушку-эльфа. Я не эльф, я фельдшер. Общего у этих двух понятий только буквы «ф» и «л».

Болтая о пустяках, мы вошли в дом, расположились на первом этаже в кухне-гостиной, и Яромир принялся варить для меня кофе. Он сказал, что в жизни я ещё красивей,

чем на фотографии в книжке, и я подумала, что парень настоящий знаток расхожих комплиментов. Нормальный человек, в общем, не поэт какой-нибудь!

Яромир, видимо, был убеждён, что я помираю от усталости и истощения, судя по тому, какой заботой он меня окружил и сколько продуктов повывкидывал на стол из холодильника. В итоге мы расположились за дубовым некрашеным столом и начали неспешную беседу за кофе с бисквитами и всем остальным.

Яромир был очень обеспокоен состоянием Милана, а ещё больше разозлён собственной беспомощностью перед лицом несчастья нашего друга. Он не знал, как тому помочь, и сердился сам на себя так, что иногда принимался грызть ногти.

Я, как могла, убеждала его в том, что вместе мы сила, что мы сейчас же, не сходя с места, разработаем стратегию и тактику и сделаем всё, чтобы вытянуть Милана из его хандры. Мы вытянем его оттуда, чего бы это нам ни стоило!

Збогар постепенно начал проникаться моей убеждённо-стью, и я поняла, что обрела в его лице надёжного и доброго помощника.

Неожиданно наш разговор был прерван стуком падающих в прихожей вещей и отборными словенскими ругательствами, которые азартно выкрикивал чей-то звонкий, молодой голос. Почти тотчас же в гостиную вбежала огромная чёрная собака и напрямик направилась ко мне.

Почему-то меня всю жизнь любят собаки, хотя сама я ни-

когда собачницей не была. Я считаю, что заводить животное в городской квартире – это издевательство и над собой, и над ним. Максимум, что можно там завести – это аквариум с рыбками, ну, или черепаху, или хомяка какого-нибудь.

Собака, вбежавшая в гостиную, явно не относилась к обитателям городских квартир. Было заметно, что пёс привык к свободе. Наличие в комнате тяжёлой, громоздкой мебели откровенно смущало его. Зато очень понравились мои поглаживания. До такой степени понравились, что он улёгся всей своей тяжелой тушей на мои ноги и принялся подставлять под руки то спину, то голову.

Наконец, в комнату вошёл владелец чёрного пса. Это был юноша, почти совсем ещё мальчик, чуть ниже среднего роста, светловолосый и зеленоглазый.

– Ну, и, чего вы тут расселись? – Спросил он без всяких церемоний. – Погода, вон, какая хорошая, пошли бы прогулялись.

– Здравствуйте, Иван! – Произнёс Яромир торжественно. – Мы тоже очень рады вас видеть. Вы только посмотрите, кто к нам приехал...

– Сам вижу! – Отрезал Иван. – Кстати, я к вам, Янина, сейчас обращаюсь по поводу прогулки. Ярека это предложение не касается.

Всё это было произнесено столь серьёзно и категорично, что мы с Яромиром оба так и покатались со смеху.

– Ничего смешного, – припечатал нас серьёзный не по го-

дам Иван. – Тебя тут быть уже не должно! – Палец, направленный прямо в грудь Яромира не оставлял никаких сомнений по поводу того, кого именно тут не должно быть. – Вот, и чемоданище твой стоит собранный, и баул. Прощай, дружище! – Иван притворно всхлипнул. – Нам будет тебя не хватать... примерно как Мареку пятой ноги! – И подросток захохотал собственной остроумной шутке таким пронзительным смехом, что зазвенели сосульки хрустальной люстры.

Лицо Яромира пошло красными пятнами. Мне стало жаль его, и я не придумала ничего лучше, чем ляпнуть:

– Яромир никуда не собирается! Он просто забирал вещи из химчистки.

– Правда? – Живо отреагировал Иван. – И эти вещи тоже? Он указал на огромную сумку Збогара, подскочил к ней и молниеносным движением расстегнул застёжку. Оттуда не замедлили раскатиться по всей кухне-гостиной многочисленные футбольные, и не только, мячи разной степени изношенности.

– Ты пытался сдать мячики в химчистку? – Участливо поинтересовался Иван. – Хм... А Ярек-то у нас... – Тут он выдержал эффектную паузу и громко, с расстановкой объявил: – Дурачок!

Яромир побагровел. Я положила свою руку поверх его руки и взглядом попросила прощения. Откуда мне было знать, что этот сопливый наглец... или наглый сопляк...

– Послушай, Иван, – начал Яромир, нечеловеческим уси-

лием воли взяв себя в руки, – мне кажется, что именно в твоём присутствии здесь нет никакого смысла. Ты почти всё время где-то ходишь, по хозяйству ничего не делаешь... Ехал бы ты домой, а? Мы с Яниной побудем здесь ещё недельку-другую до отъезда Милана, а ты сейчас поезжай!

Иван слушал Яромира с непроницаемым лицом, скрестив тонкие руки на своей цыплячьей груди. В ответ на реплику Яромира он помолчал немного, как раз столько, чтобы заставить того занервничать, и неожиданно выдал:

– Я сейчас никак не могу уйти! На мне теперь двойная ответственность.

– Какая на тебе двойная ответственность, дурень? – Вспылил Яромир. – На тебе сплошная безответственность вперемежку с глупостью и хамством!

Иван пропустил мимо ушей «дурня» и всё прочее и с серьёзнейшей миной выдал в продолжение своей фразы:

– Я теперь ещё и за Яничкой присматривать должен!

Я расхохоталась.

– За Яничкой не надо присматривать, Иван! Яничка сама за кем угодно присмотрит, потому как она медик, который ещё и на «Скорой» работает, – сказала я, отсмеявшись.

– Именно поэтому за вами и надо присматривать, Яничка, – принялся разъяснять Иван терпеливо. – Вы красивая девушка, профессия у вас благородная, вдобавок вы поэт! Вы тонко чувствуете, красиво выражаете свои мысли и всегда готовы прийти на помощь... всем без разбору. Но, вы

ничего не понимаете в реальной жизни! – Иван даже поводит указательным пальцем из стороны в сторону для убедительности.

– Знаете, Иван, в чём-то вы правы, – согласилась я с самым серьёзным видом, – но я ещё ни разу в жизни не устроила ни пожара, ни потопа...

– Пожара-то вы, может быть, и не устроили, – авторитетно перебил меня Иван, – но за вами всё равно должен приглядывать умный и надёжный человек. Иначе вас в два счёта охмурит какой-нибудь долбоклak вроде него, – небрежный кивок в сторону Яромира, – да, и бросит с ребёнком!

– Так, всё! – Взорвался Яромир. – Я не собираюсь больше терпеть выходки этого наглого щенка!

– Это ты о ком? – Невозмутимо поинтересовался Иван. – О Мареке? Так он не щенок, а вполне себе взрослый пёс.

– Это я взрослый пёс! – Продолжал бушевать Яромир. – А ты отвратительный, невоспитанный щенок!

– Ты пёс? Надо же! А, я думал, ты человек. Извини, ошибся.

Уже даже не багровый, а какой-то свекольно-малиновый, Яромир медленно поднялся и двинулся в сторону Ивана. Тот продолжал сидеть, где сидел, и когда Яромир приблизился к нему вплотную, неожиданно начал петь.

Голос его – довольно высокий и необыкновенно звонкий – заполнял собой всё свободное пространство, и в нём уже не оставалось места ни для чего, кроме песни Ивана. Это

была старинная словенская песня о любви, грустная и протяжная.

Яромир замер на месте, совершенно растерявшись. Я встала со своего места, взяла его за руку и усадила обратно за стол. Яромир не сопротивлялся.

Как только мы уселись поудобнее, песня оборвалась примерно на середине, и вместо неё в наши уши хлынули похабные куплеты, в которых неизменно фигурировали в том или ином виде спортсмен и медичка.

Почти уже успокоившийся Яромир снова побагровел, и с него градом полился пот. Он забормотал ругательства и попытался встать, но я удержала его за рукав.

Через некоторое время, довольно продолжительное, надо сказать, певец притомился, и в его припевках начали появляться паузы, становившиеся с каждым разом всё длиннее. В одну из таких пауз я принялась громко и бурно аплодировать, взглядом приглашая Яромира делать то же самое. Тот повиновался, и наши громкие, продолжительные аплодисменты, в конце концов, заставили юного исполнителя замолчать.

– У вас прекрасный голос, Ванечка! – Похвалила я. – Вы занимаетесь вокалом?

– Занимаюсь вокалом! – Повторил Иван саркастически. – У меня собственная рок-группа!.. Ванечка? – Неожиданно переспросил он. – Меня так ещё никто не называл!

– Это, должно быть, потому, что среди ваших знакомых

нет или почти нет русских девушек и женщин.

– Русских? – Переспросили Иван и Яромир одновременно.

– То-то я и слышу, у вас необычный выговор, – заметил Иван, – и речь такая правильная, литературная. Я думал, это оттого, что вы писатель, а вы, оказывается, русская, и словенский язык для вас не родной.

– Это не совсем так, – возразила я. – Словенский язык знаком мне с детства. Дедушка был словен.

– Для словенки вы слишком крупная и яркая, – произнёс Иван авторитетно. – Некоторые люди, ну, или как их там... – презрительный взгляд в сторону Яромира, – уже успели это оценить.

– Мы обязательно обсудим это после, – заверила я Ивана, – а сейчас давайте поговорим о том, из-за кого мы все здесь – о Милане.

– Я здесь вовсе не из-за Милана, – возразил Иван, скривившись так, словно его внезапно угостили кисленьким. – Я с предками полаялся, вот, и перекрываюсь от них у дядьки, – Иван замялся ненадолго, но, быстро овладев собой, выпалил: – но мне его жаль, всё же. Это надо, впасть в полнейший маразм из-за какой-то тупой курицы и двух её личинок! Ладно, уговорили. Я тоже за вас. С дядькой надо что-то делать, а то он так скоро выступить не сможет, скурвится и по миру пойдёт. Кто мне тогда денег подбрасывать станет?

Я положила руку поверх руки Ванечки, заглянула ему прямо в глаза и проникновенно сказала:

– Я очень рада, что вы с нами, Иван!

– Рано радуетесь, Янина! – Зловеще произнёс Яромир, испепеляя Ванечку взглядом.

От этого карающего взора, направленного на меня, я бы точно сползла под стол, а безбашенному подростку, хоть бы хны!

Надо сказать, глаза у Яромира весьма необычного цвета: светло-карие, отливающие жёлтым. Янтарные, можно сказать. Очень редкий оттенок! Когда Яромир злится, в них так и мечутся зелёные искры, и в этом кроется секрет его особенного, грозного очарования.

– И я рад, – ответил Иван, галантно целуя мне руку.

Реплики Яромира в свой адрес он, как и его взгляда, словно бы не заметил.

– Когда вернётся Милан? – Спросила я, не обращаясь ни к кому из парней конкретно.

– Никогда! – Отрезал Иван, и мной тут же овладело нехорошее предчувствие.

– Он дома, – пояснил Яромир. – Милан уже давно никуда не выходит. С тех пор, как ушла Светлана.

– Как дома?! – Воскликнула я, вскакивая со стула. – Где он?!

– Успокойтесь, Яна, – ответил Яромир. – Милан у себя в комнате. Он спит.

– Как спит?! – Не поняла я. – Середина дня на дворе, а он спит?! Он же всегда в пять утра вставал... Пробежка, потом занятия, потом...

– ...суп с котом! – Мрачно резюмировал Иван. – Я же сказал вам, Яничка, что дядька из-за этой своей драной козы впал в...

– Никуда он не впал! – Рывкнул Яромир, стукнув кулаком по столу так, что зазвенели чашки и блюдца, а тарелка с печеньем, стоявшая с краю, упала и разбилась вдребезги, засыпав пол крошками и осколками. – Прекрати оскорблять моего друга и его жену! Прекрати считать всех вокруг себя идиотами! Если с тобой разговаривают, как с человеком, это ещё не значит, что ты человек! Ты никто и звать тебя никак!

– Да, Ярек, – смиренно закивал Иван. – Ты абсолютно прав! – Яромир уставился на Ваньку в ожидании очередного подвоха, и тот не заставил себя ждать: – Тебя, например, тоже считают человеком, но это ничего не значит, потому как на самом деле ты пёс. – Яромир встал во весь свой немаленький рост, угрожающе нависнув над тщедушным Иваном. – Что? – Уставился на Яромира вредоносный наглец своими круглыми, зелёными глазами. – Ты сам сегодня в этом признался. У меня свидетели есть!

– Прекратите оба! – Твёрдо, с расстановкой произнесла я. Так нас учили разговаривать с охамевшими, скандальными пациентами. – Мы здесь не для того, чтобы выяснять, кто из нас щенок, а кто пёс. Мы должны помочь Милану сохра-

нить здоровье. Мы обязаны поддержать его морально. Сейчас вы оба сядете на свои места, и мы обсудим стратегию и тактику нашего поведения на ближайшие две недели, ровно до того дня, как Милан уедет в гастрольный тур.

Мои слова подействовали на неуёмных антагонистов отрезвляюще. Они уселись на тяжёлые, дубовые стулья, и я попросила Яромира рассказать всё, что он знает о нынешней жизни нашего друга.

Новости, надо сказать, были неутешительны. Милан окончательно перепутал день с ночью, плохо ел, перестал ходить по утрам на пробежки, как он делал это всю свою сознательную жизнь, и даже музыкой в последнюю неделю перестал заниматься совсем.

Яромир всерьёз опасался за психику Милана и старался не оставлять его надолго одного ни днём, ни ночью. Отправляясь спать далеко за полночь, он ставил будильник так, чтобы просыпаться каждые два часа и наведываться в комнату Милана. Ярек очень боялся попыток суицида с его стороны.

Мне стало понятно, почему друг Милана постоянно вспышивает, как порох, а под глазами его залегли тёмно-синие тени. Человек элементарно не высыпался.

Яромир рассказал, что по ночам Милан пытается читать книги, но обычно не может одолеть и двух страниц – отвлекается на свои мысли и часами сидит, либо лежит, уставившись в пространство. Иногда он разговаривает или переписывается по Интернету с кем-нибудь из своих знакомых, как

правило, из другого полушария Земли, где в это время день.

Милан почти перестал следить за собой и совсем не бывает на воздухе. Ему плевать на то, что творится в доме, а в доме и во дворе, как я уже успела заметить, царят разгром и запустение. Раньше за порядком следили горничная и повариха, но они, как выразился Милан, «утащились» вслед за своей хозяйкой.

Мы условились с парнями, что будем пытаться постепенно вытянуть нашего друга и родственника из ямы, в которую загнала его жизнь. Не хочет спать по ночам? И не надо! Мы будем все вместе и каждый по отдельности составлять ему компанию. Только сидеть в комнате и перебирать дурные новости с семейного фронта Милана мы не станем. Мы будем вытаскивать его из дома под любыми предлогами. Сегодня же устроим коллективную прогулку по центру города! Мы все должны увидеть родной город Милана его глазами!

Завтра мы будем смотреть Любляну глазами Яромира, послезавтра – Ванечкиным незамутнённым взором. Пойдём в театр, в музей, куда-нибудь ещё. Будем активно заниматься хозяйством. Главное – вымотать Милана, как следует, днём, чтобы он спал ночью.

Для пушшего эффекта мы решили заставить нашего страдальца возобновить утренние пробежки. Не в шесть утра, конечно, мы ведь не звери. Часиков в восемь будет в самый раз! Если кто-то до этого времени не выспался, это его проблемы. Никаких возражений и трепыханий не примем, пусть

даже не пытается нам их выдвигать.

В современном мире принято лечить бессонницу снотворным, а дневную сонливость производными амфетамина, но у такого лечения масса побочных эффектов. Вдобавок, человек расплачивается за него годами своей жизни в прямом смысле слова.

Дело в том, что во время сна наш мозг отключается не полностью. Те его зоны, которые ответственны за взаимодействие с внутренними органами и системами, наоборот, активизируются. Мозг корректирует их работу именно во время естественного ночного сна, устраняя сбои и ускоряя процессы регенерации.

Если же человек принял снотворное, то под его воздействием мозг отключается практически полностью. Активными остаются только структуры, отвечающие за поддержание элементарных функций организма, например, дыхания. Таким образом, работа внутренних органов пускается на самотёк, регенерация идёт вяло, и организм изнашивается гораздо быстрее. Не случайно люди с нарушениями сна живут намного меньше тех, кто спит хорошо, поэтому так важно наладить режим дня Милана и обеспечить ему полноценный ночной отдых.

Я со своей стороны пообещала следить за здоровьем Милана и делать всё, что могу, как медик и психолог. Яромир взял на себя спортивную программу. Иван пообещал, что нам всем, и Милану в частности, будет нескучно. Не знаю,

как Яромир, а лично я в этом нисколько не сомневалась: умереть от скуки в обществе несносного мальчишки возможным не представлялось.

Ещё мы условились, с моей, разумеется, подачи, что будем общаться исключительно на «вы» и не станем в присутствии Милана обсуждать ни свою, ни чью бы то ни было ещё личную жизнь и флиртовать друг с другом, дабы не травмировать его.

– С тобой я точно не буду флиртовать! – Заявил Иван Яромиру. – Ты не в моём вкусе. Вот, Яна – совсем другое дело... Но, нельзя, так нельзя! – Осёкся он, наткнувшись глазами на мой «арктический» взгляд.

Я встала и объявила, что отправляюсь в комнату Милана. Во-первых, узнаю, проснулся он или нет, во-вторых, мне как медику и психологу важно взглянуть на него спящего.

Иван сразу же поднялся и преградил мне путь.

– Я пойду с вами, Янина, – на мой безмолвный вопрос тут же был выдан исчерпывающий ответ: – вы не можете оставаться наедине с мужчиной в его комнате! – Это было сказано так чопорно, что я не удержалась и прыснула в кулачок.

– Милан – мой брат!

– Вы с ним очень дальние родственники, Яна. Не спорьте! Я это точно знаю. Милану на днях пришли какие-то бумажки из архива, подтверждающие шестую степень вашего с ним родства. – Милан посылал запрос по поводу нашего

с ним родства в архив? Интересная новость! – Как вы думаете, Яна, зачем ему понадобилась эта бумажка? – Спросил Иван, прищурившись.

Яромир слушал нас, раскрыв от изумления рот. Правда, он рано начал изумляться. Ещё не то ждало его впереди!

– Не знаю, – искренне ответила я. – Возможно, Милан сделал это, потому что любит точность и порядок во всём...

– Вот, именно: во всём! – Отрезал Иван. – Думаю, у него на вас планы! – Сообщил он заговорщически.

В ответ я залилась смехом, чем привела обоих парней в лёгкое замешательство тяжёлой степени. Отсмеявшись, я продолжила:

– Давайте расставим все точки над «i» здесь и сейчас. Дело в том, что я и Милан – *кровные* брат и сестра, – я нарочно сделала ударение на слове «кровные», и, чтобы до парней лучше дошёл смысл этого слова, продемонстрировала шрам на своей правой кисти. – У Милана есть точно такой же, – сообщила я своим обалдевшим собеседникам, – и какая там у нас степень родства по документам, никакого значения уже не имеет, и иметь не может!

– Класс! – Выдохнул Иван. – Ну, вы и дикари! – Произнёс он с восторгом, и это была первая искренняя эмоция, которую я увидела на его лице с момента знакомства.

Яромир уронил голову на стол и спрятал лицо.

Я не ожидала другой реакции, поэтому безразлично пожала плечами и отправилась в комнату Милана. Если до этого

мои шансы покорить сердце Ярека стремились к нулю, то теперь они, кажется, сползли к устойчиво отрицательным отметкам.

– Вы сделали это по пьяни? – Выстрелил мне в спину Иван. – Да, Яна?

Я медленно обернулась и произнесла:

– Ну, раз уж я начала говорить начистоту, то признаюсь: да. С тех пор ни я, ни Милан алкоголя не употребляем.

– То-то я думаю, с чего это дядька трезвенником заделался! – Хохотнул Иван. – Даже пиво не пьёт... Послушайте, Яна... Можно задать вам ещё один нескромный вопрос?

– Задавайте, – разрешила я. – Задавайте все нескромные вопросы, которые вертятся на вашем, Ванечка, языке, и покончим с ними!

– Скажите, Яна... Когда Милан уедет на гастроли, не согласились бы вы провести остаток отпуска в Словении... со мной! – Последние два слова Иван буквально выплюнул и покраснел от собственной смелости.

– Нет, конечно! – Ответила я невозмутимо. – Ещё меня не привлекли за совращение малолетних!

– Я не малолетний! – Вспылил Иван. – Мне скоро двадцать исполнится! И, я, между прочим, столько за эти двадцать лет перевидал, сколько другим не выпадает за сорок! Вот, смотрите, у меня прядь волос седая... – Ванечка наклонил голову, и я разглядела довольно крупную седую прядь, которая была почти незаметна на его светлых волосах.

Меня удивило, что Иван не настолько юн, как мне показалось. Для двадцати лет он очень инфантилен, конечно, и вряд ли это проистекает от избытка благополучия. Скорее, наоборот. Мне стало жаль Ванечку, и я решила его приободрить:

– Я тоже пережила многое за свои тридцать лет. Жизнь не щадит никого, Иван. Этим она страшна и интересна одновременно.

– Вам тридцать лет?! – Воскликнули Иван и Яромир одновременно.

– На самом деле сорок пять, – ответила я, не моргнув глазом. – Я просто сбавляю себе возраст. Моложусь.

– А, вы весёлая! – Заметил Иван. – Шутите постоянно...

– С вами тоже не заскучаешь, Ванечка!

– Так, может, мне и вам...

– Нет! – Отрезала я.

– Так я и знал! – Возмущению Ивана не было предела. – Вам приглянулся, вон, тот... взрослый пёс! – Высказался Иван, указывая рукой себе за спину.

– Да, – согласилась я незамедлительно, – ваш Марек – просто чудо! Всегда мечтала завести собаку, но, думаю, ей будет плохо в городской квартире.

– А мужа вы себе завести не мечтали в городской квартире?

– Иван, прекрати! – Подал голос Яромир. – Ты замучил Янину своими вопросами.

Яромир сидел уже в кресле, а у его ног уютно примостился Марек. Они очень хорошо смотрятся вместе, и даже чем-то похожи: оба крупные, тёмные, серьёзные. Собаки обычно похожи на своих хозяев, но Марек – полная противоположность своего молодого владельца.

– Почему же замучил? Я отвечу, чтобы потом не было ко мне никаких претензий. Да, я мечтала одно время о собственной семье и даже пыталась её создать, но из этого вышло одно недоразумение напополам с болью. Поэтому в ближайшее время вступать в отношения с мужчинами не намерена. Есть ещё вопросы?

Зря я это спросила.

– Так, то в ближайшее время, Яна! – Гнул своё Иван. – А, потом?

– А, потом – суп с котом! – Выдала я одну из его любимых фразочек.

– Вы собираетесь уйти в монастырь, Янина? – Спросил вдруг Яромир, улыбаясь.

До чего умопомрачительная у него улыбка! Жаль, что она, как и всё остальное в нём, не для меня.

– Хорошая мысль, – закивала я с серьёзным лицом. – Обязательно обдумаю её на досуге.

– Яна, вы что? – Испугался Яромир. – Я же пошутил!

– Ты дурак, и шутки у тебя соответствующие! – Вскипел Иван. – Яничка, не слушайте его! Нельзя всерьёз воспринимать слова психа, который объявляет, что он пёс, и сдаёт мя-

чи для мини-футбола в химчистку!

– Вам нельзя в монастырь! – Воскликнул Яромир, игнорируя реплики Ивана в свой адрес.

– Почему это нельзя? – Возмутилась я. – Очень даже можно! Я свободна. Детей нет. Физически крепкая. У меня даже есть, что внести в монастырь в качестве вступительного взноса!.. Нет, я обязательно подумаю о монастыре всерьёз, – пообещала я и отправилась, наконец, на второй этаж в спальню Милана.

Поднимаясь по лестнице, я заметила, что Иван тяжело рухнул в кресло, не забывая при этом прожигать взглядом Яромира, а тот снова уронил голову на руки.

Глава 6

Я поднялась в комнату Милана и вошла без стука. Он спал одетый, вытянувшись на кровати во весь рост. Дышал Милан ровно и глубоко, но сон его был нервным.

Мой кровный брат никогда не был красавцем, а сейчас всё стало ещё хуже, чем всегда.

Милан не отличается богатырским телосложением: рост чуть выше среднего, кость тонкая. При этом у него достаточно широкие плечи, жилистые руки и крепкие ноги. Обычно Милан стрижётся не совсем коротко, создавая этакий богемный имидж, а сейчас его не очень густые светло-русые волосы отросли почти до плеч. Вдобавок, лицо его «украсилось» какой-то невнятной бородёнкой и странными усиками. Ска-

зять, что всё это ему не шло – не сказать ничего.

В комнате, как и во всём доме, царил беспорядок, и это при любви-то Милана к тому, чтобы всё было правильно! На прикроватных тумбочках лежали несколько раскрытых книг разной степени запылённости. Разной степени загрязнённости одежда валялась на полу, кучками и поодиночке. На комод, тумбочках и конторке заблудились грязные чашки и стаканы. Тут и там «подмигивали» обёртки от конфет и других сладостей.

Бедный Милан! Что происходит в его душе, если такое творится вокруг!

Я собрала книги, отряхнула их, закрыла и поставила на полку. Может быть, конечно, и не в порядке, установленном Миланом, но, так всё же лучше. Я заметила, что одной из книг был сборник моих стихотворений. Яромир не обманул.

Впрочем, сомневаться в правдивости его слов не приходилось. По всему видно, что он хороший, открытый парень, как и многие профессиональные спортсмены. За свою медицинскую практику я успела в этом убедиться. Они с детства растут в достаточно закрытой среде, и дурное влияние внешнего мира в большинстве случаев обходит их стороной. Отчасти именно поэтому после окончания спортивной карьеры многие из них не могут приспособиться к жизни «на гражданке», попадая по своей наивности в такое!.. Хорошо, если рядом есть более приспособленный к жизни и быту человек,

а если нет, пиши – пропало.

Интересно, есть ли у Яромира девушка?..

Тьфу! Ну, какая мне разница?

Я не спеша раскладывала по местам вещи в комнате Милана. Обёртки от конфет, обрывки бумаги и прочий мелкий сор – в пакет, а после в мусорное ведро. Грязную одежду – в кучу, а после в прачечную. Грязную посуду – на вон тот симпатичный поднос, а после в посудомойку. Надо будет поменять постельное бельё на кровати Милана и запустить стирку. Кроме меня всё равно сделать это некому.

Покончив с вещами, я открыла окно в сад и присела около него, залюбовавшись розовыми цветами какого-то диковинного дерева. Воздух прогрелся почти до летней температуры и тёплым потоком вливался в комнату, разбавляя её духоту. Повсюду жужжали пчёлы, и, то тут, то там мелькали невероятной красоты бабочки.

Я заметила в конце улицы удаляющиеся силуэты мальчика и собаки, в которых узнала Ивана и Марека. Как странно... Я только что приняла в саду Яромира за Марио. Марио здесь нет, зато есть Марек, тоже брюнет и тоже крупный. Хорошо, что у Милана гостит сейчас именно Марек-пёс, а не Марио-человек, и хорошо, что милый пёс со своим задиристым хозяином куда-то ушли. Ярек отдохнёт хотя бы пару часов от нескончаемого потока Ванькиного остроумия. Кажется, мой приезд добавил дровишек в топку его искромётного юмора.

– У тебя золотые волосы, сестрёнка, – послышался за моей спиной голос Милана, – и сердце тоже золотое!

Я встала и направилась к нему, улыбаясь:

– Да, ты настоящий поэт, братец! Какие красивые обороты!

Мы оба рассмеялись, Милан легко вскочил с кровати, сгрёб меня в объятия и наградил самым невинным, дружеским поцелуем. После, отодвинувшись на расстояние вытянутых рук, как следует, рассмотрел и резюмировал:

– А, ты всё хорошеешь!

Я рассмеялась. Почему-то дома на меня не обращают столько внимания, как здесь, в Словении. Там я никому особо не интересна ни как поэт, ни как существо женского пола. Здесь же я каждый раз буквально купаюсь во внимании! Именно в Словении со мной и происходит масса интересных вещей. Как-нибудь в другой раз расскажу. Думаю, дело здесь в психологическом феномене под названием «шарм иностранца».

– Ты сильно похудел, Милан, – заметила я. – Как ты себя чувствуешь?

Милан начал жаловаться на бессонницу, отсутствие аппетита и головокружения. Я внимательно выслушала его и пошла вниз за своим медицинским чемоданчиком. Мои вещи и вещи Яромира лежали там же, где мы их оставили. Кто-то, скорее всего Яромир, убрал мячи обратно в сумку и подмёл пол, усыпанный осколками тарелки и крошками пече-

нья. Сам он спал на диване в кухне-гостиной перед работающим телевизором, сжимая в руке пульт от него.

Я аккуратно извлекла пульт из руки Ярека, выключила телевизор, а его самого укрыла лежавшим в кресле пледом. Бедняга! Он тоже не спит почти по всей ночи, опасаясь за жизнь Милана. Тот вроде бы не похож на потенциального самоубийцу, но в жизни бывает всякое. Обязательно нужно наладить его режим дня!

Уходя, я задержалась на секунду, не в силах оторвать взгляд от спящего Яромира. Это надо же быть таким красавцем даже во сне!

Вернувшись наверх, я начала осматривать Милана. У меня возникло ощущение, что ему приятно моё внимание. Видимо, за последние недели мой несчастный брат устал чувствовать себя покинутым и ненужным. Эти ощущения знакомы и мне, причём, лучше, чем хотелось бы.

Осмотр не выявил ничего катастрофического. Так, умеренно выраженное снижение жизненного тонуса. Всё-таки Милан – очень стойкий человек. Другой на его месте уже мог бы «отдохнуть» в психиатрическом отделении. Видимо, годы жесточайшей самодисциплины музыканта и спортсмена-любителя не прошли даром.

– Ты познакомилась с моим племянником? – Поинтересовался Милан. – Иван может иногда довольно жёстко подшутить, но в душе мальчишка очень добрый.

– Да, познакомилась, – подтвердила я, – и с Яромиром

познакомилась...

– Как с Яромиром? – Не понял Милан. – Он собирался уехать сегодня в первой половине дня!..

Я пожала плечами:

– Передумал, видимо.

– Увидел мою красавицу-сестрицу и передумал! – Рассмеялся Милан. – У него случайно не подогнулись колени, как тогда у меня при виде...

Тут горло его перехватил спазм, и лицо опасно напряглось. «Только не это!» – Подумала я, опасаясь, что Милан сейчас расплечется. Я торопливо подошла к нему, обняла за плечи, усадила на стул и принялась болтать о каких-то пустяках, попутно исследуя его плечевой пояс. Да, напряжён. Нужны срочные меры, иначе ни в какой тур по Латинской Америке Милан Котник не поедет, а останется дома и, чего доброго, загремит в неврологию. Вместо полноценной, насыщенной гастрольной жизни выйдет сплошная боль и накрутка нервов.

Вы, должно быть, подумали, что я так тщательно оберегаю Милана от слёз потому, что боюсь, когда плачут мужчины. Нет, и ещё раз нет. Я не боюсь мужских слёз, равно, как и соплей, и крови, и прочих жидкостей человеческого тела. Просто последнее – настолько занятная штукавина, что порой диву даёшься!

Вот, есть человек разумный как биологический вид. У каждой особи две руки, две ноги и прочий набор систем

и органов. Казалось бы, и действовать всё это должно примерно одинаково, но, нет: каждый организм индивидуален до такой степени, словно внутри единого вида находится ещё масса подвидов и подвижков.

Организм Милана, например, работает так, что, когда мой благодетель плачет, его плечевой пояс и шея испытывают адово напряжение! Пять-семь минут плача – и, вуаля! – на следующее утро получите ужаснейший приступ невралгии. Милан в такие дни даже одеться самостоятельно не может, и кормить его приходится с ложки, потому как плечи, спину до лопаток и верхнюю часть его рук сковывает сильнейшая боль. Может в таких случаях идти речь о репетициях, концертах и просто нормальной жизни? Вот, и стараемся изо всех сил не допустить плача. То же касается и других сильных отрицательных эмоций, например, гнева.

По правде сказать, отправляясь сюда, я была морально готова к тому, что мне придётся одевать и кормить Милана, и то, что он ещё «на ходу» – большая радость. Теперь главное, чтобы не стало хуже.

Я заставила Милана снять рубашку, зажгла свечку в аромалампе, заправив её маслом грейпфрута, и принялась делать своему многострадальному брату массаж. Мягко разминая плечи, верхнюю часть спины и рук Милана, я старалась отвлекать его от мрачных раздумий приятным разговором обо всём и ни о чём конкретно. Постепенно наш дружеский трёп перешёл, конечно же, на других гостей Милана.

Надо сказать, гостеприимный хозяин был крайне удивлён поведением Яромира. Когда я упомянула вскользь, что тот угощал меня кофе собственного приготовления, Милан аж подпрыгнул на стуле.

– Яромир варил для вас, мадемуазель, кофе?!

– Да, – ответила я, смеясь, – а ещё угощал бисквитами, ветчиной, конфетами... В общем, всем, что нашёл в холодильнике!

– Хм... Странно! Очень странно... – Промолвил Милан задумчиво.

– Что же здесь странного?

– Яромир вообще-то не очень любит женщин.

Ну, вот! Он ещё и голубой, оказывается! Какая прелесть! Мне вдесятерне ничего не светит. Отличная новость!

– Нет, ты не подумай, он не гей, – словно прочитав мои мысли, заверил Милан. – Он, как бы это помягче сказать... Придерживается очень традиционных взглядов... Его за это нередко обвиняют в шовинизме. В прошлом году...

Милан принялся пересказывать события прошлого года, и я всё вспомнила. Тогда европейская общественность была крайне возмущена высказываниями Яромира Збогара, направленными против феминизма и феминисток. Он так и сказал, то те вконец охамели, потому что у них есть все мыслимые и немыслимые права и свободы, но феминистки хотят, кажется, полного истребления мужчин.

За это Збогар поплатился потерей фемистски настроен-

ной части своих фанаток, новым костюмом, в котором его закидала яйцами и шариками с краской группа оголтелых девчонок, а также своей почти безупречной до этого случая репутацией.

Ещё Милан поведал, что в ранней молодости Яромир пережил тяжелейший любовный опыт. На него положила глаз дочь председателя совета директоров одного крупного футбольного клуба, за который Ярек играл в то время. Сначала всё складывалось хорошо, но после нескольких месяцев встреч девчонка начала откровенно пытаться доминировать. На какие уступки парень ни шёл, ей всё равно хотелось большего. Судя по всему, она хотела полной власти над игроком папашиного клуба.

В итоге – бурная ссора, вылет из клуба, невозможность устроиться куда бы то ни было, нервный срыв, больница... Именно после тех безрадостных событий Яромир вынужден был уйти из большого футбола в мини-футбол.

Ещё его мать во время распада Югославии, оказавшись в районе боевых действий, сошла с ума и однажды сутки продержала малолетнего Ярека голым на балконе поздней осенью.

Ещё ему мотает нервы кое-кто из женской родни.

В общем, другу Милана было, с чего невзлюбить женский пол.

Яромир, как и Милан, ненавидит войну в любых её проявлениях. Воспоминания о событиях девяностых годов, когда

единая Югославия с кровью и болью распалась на части, навек объединили друзей. Оба они тогда были ещё детьми, но детство их закончилось с началом военных действий.

Я заметила Милану, что его племянник, похоже, объявил Збогару самую настоящую войну. Если дело и дальше так пойдёт, то я всерьёз опасаясь за психическое здоровье одного и физическое – другого.

Милан ответил на это, что характер Ивана сформировался таким ершистым тоже не на ровном месте. Во-первых, будучи шестилетним ребёнком, он наблюдал воочию бомбёжки Белграда. Во-вторых, в восемь лет он потерялся и три с лишним года провёл... в лагере цыган!

– Какой ужас! – Невольно воскликнула я. – Бедный мальчик!

– Да, – согласился Милан. – У моего брата и его жены кроме Ивана ещё трое детей, но второго такого больше нет. Он постоянно доводит мать до белого каления, ссорится с отцом и сбегает из дома. Хорошо, что в последнее время ко мне. Раньше сбегал обратно к цыганам.

Я и до этого слышала, что со старшим племянником Милана не всё ладно, но чтобы до такой степени!..

Милан рассказал также, что Иван в прошлом году с грехом пополам получил школьный аттестат, но поступать в колледж не пожелал категорически, заявив родителям, что хочет год или два отдохнуть от «этого вонючего ада». Так он «почтительно» именовал учебный процесс. Работает от слу-

чая к случаю официантом в дешёвых забегаловках и постоянно где-то пропадает.

Иван – это боль его родителей. Брат Милана – Роберт Котник, известный оперный певец. Жена Роберта, Марта, искусствовед, большой знаток живописи позднего Возрождения. Их младшие дети получают хорошее воспитание, увлекаются, кто музыкой, кто живописью, кто спортом, а Иван... Это Иван!

После массажа я отправила Милана в душ, снабдив его специальным расслабляющим гелем и чистым бельём, а сама тем временем поменяла постельный комплект на его кровати, аккуратно застелила её покрывалом, ибо нечего на ней валяться день и ночь, отнесла в кухню поднос с грязной посудой, бельё в прачечную, мусор в ведро. После выложила на кресло из гардероба чистую рубашку и чёрные джинсы Милана.

Выйдя из ванной, братец на миг остолбенел. Он переводил взгляд с меня на заправленную кровать и обратно, а я, улыбаясь, как ни в чём не бывало, поинтересовалась самым невинным тоном:

– Скажите, Милан, сейчас в Словении модно ходить мужчинам с длинными волосами и полностью заросшим лицом?

– Не знаю, – отозвался Милан. – Почему вы спрашиваете?

– Я смотрю, вы отрастили волосы...

– Я их не отращивал! – Рассмеялся Милан. – Сами выросли.

– Не хотите ли постричься? – Поинтересовалась я.

Милан замялся и выдал:

– Я не против, но это надо ехать в салон...

– Одевайтесь! – Скомандовала я. – Едем!

– Туда нужно сначала записаться, – запротестовал Милан, – и надо знать, что ты хочешь...

– Разве вы не знаете, что хотите? – Съехидничала я. – Вы капризная девушка, да, Милан?

Он рассмеялся и погрозил мне пальцем. Я сказала, что жду его, одетого, вниз и отправилась в прихожую.

Подкрашивая у зеркала губы, я вслушивалась в сопение Яромира, раздумывая, будить его или нет. Мои сомнения неожиданно разрешились в пользу первого.

Я услышала приближающиеся лёгкие шаги Милана и повернула голову в сторону лестницы. Очень вовремя я это сделала, потому что Милан неожиданно побледнел и начал заваливаться набок. Он стоял почти на самом верху лестницы, и если бы упал с неё... Даже не хочу об этом думать!

Бросив на пол всё, что было у меня в руках – косметичку и открытый блеск для губ, я кинулась вверх по ступенькам навстречу Милану и успела подхватить, не дав ему пересчитать ступени своим костлявым телом. Дробный стук моих резвых копыт по деревянной лестнице разбудил Яромира, и он, сразу поняв, что происходит что-то неладное, молниеносно взбежал наверх, где мы с Миланом стояли, застыв в вынужденных неразрывных объятьях.

Оказавшись рядом с нами, Ярек легко подхватил Милана на руки и отнёс на диван в гостиной. Я побежала дальше наверх, в его спальню за своим медицинским чемоданчиком.

Тонометр показал, что у Милана довольно резко упало давление. Показатели были низкими, но не смертельными. Видимо, дни, проведённые безвылазно в комнате, и последующая непривычная физическая активность сделали своё дело.

Я попросила Яромира сварить кофе и сделать бутерброд для Милана. Тот не сопротивлялся нашим заботам. Ему стало заметно лучше, и он с аппетитом ел свой «завтрак» около четырёх часов дня.

Покончив с едой, Милан заявил, что, наверное, будет правильнее никуда сегодня не ходить, но мы с Яромиром были непреклонны, и ему пришлось подчиниться. Вызывая машину, он посматривал на нас искоса, словно надеясь на нашу милость, ну, или, в крайнем случае, собственный побег.

Мы не дали Милану ни единого шанса. Окружив его с двух сторон, мы усиленно развлекали нашего друга приятной беседой, отделаться от которой не было никакой возможности.

Глава 7

Перешучиваясь и пересмеиваясь, мы буквально тащили Милана под руки по садовой дорожке к машине. Блистая остроумием, мы не дали сказать ему ни одного слова и в ито-

ге приехали совсем не в тот салон, в который собирался по-пасть Милан.

Это был любимый салон Яромира, куда ходили, в основном, спортсмены всех мастей. Его интерьер оформлен соответствующим образом: светильники в виде футбольных-волейбольных-баскетбольных мячей, по стенам подсвеченные фотографии лучших спортсменов мира и Словении, пуфы в виде хоккейных шайб. Ярека, судя по тому, как нас встретили мастера и администраторы, там хорошо знали и любили. Друг-футболист сам выбрал для Милана стрижку в каталоге, потому что моему кровному брату и благодетелю было уже всё равно, как стричься – так мы его достали своими заботами.

Из оцепенения он вышел только тогда, когда мастер закончил своё дело. Стрижка получилась изумительной: модная и стильная, она очень шла Милану, правда при этом была очень короткой и до ужаса спортивной и молодёжной.

– Это что?! – Грозно спросил Милан, указывая на себя в зеркало.

Мастер, седоватый, пожилой араб схватил каталог и принялся доказывать Милану, что сделал всё, как его просили.

– Кто просил?! – Бушевал Милан. – Я просил?

Мастер смутился и опустил глаза.

– Милан, ты классно выглядишь! – Принялся успокаивать его Яромир. – Все девчонки будут твои!

Тут Яромир ойкнул и покраснел, потому что я легонько

пнула его в мускулистый зад. Милан сидел в кресле, ошарашенно переводя взгляд с меня на своего друга и обратно. Видимо, наш контрастный вид – до предела смущённый Ярека и до крайности деланно бодрый мой – насмешил его, и Милан принялся истерически хохотать, чем ещё больше смутил, и даже напугал мастера.

Позднее парикмахер высшего класса Кадир Экрами признался Яреку, что подумал в тот день, будто я его сестра, а Милан – наш общий, не вполне вменяемый родственник. Он искренне посочувствовал Яреку: молодой, успешный спортсмен, красавец и добряк, а сестра совершенно отбилась от рук, дерётся, вдобавок ненормальный брат капризничает. Узнав, кого он стриг на самом деле, мастер едва не лишился дара речи во второй раз.

– Вам очень идёт эта стрижка, Милан, – сообщила я, когда мой кровный брат, наконец, отсмеялся. – Яромир знал, что выбрать. У него прекрасный вкус, – подлизывалась я, пытаюсь загладить неловкость от поджопника, отвешенного при всём честном народе спортивной знаменитости.

– Ладно. Обратно уже всё равно не вернёшь... Пойдёмте! – Резюмировал Милан.

Он расплатился и оставил мастеру щедрые чаевые, видимо, как компенсацию за моральный ущерб от своей не в меру экспрессивной реакции.

После мы поехали в другой салон, в котором из беспорядочной растительности на лице Милана сделали аккуратные

усики и бородку-эспаньолку. Он стал похож на испанского гранда, только очень светлого.

Как ни странно, приключение со сменой имиджа развеселило Милана, и его весёлость легко и быстро передалась мне и Яромиру. Мы оба были несказанно рады видеть его таким. Думаю, особенно рад был Яромир, который вот уже десять дней наблюдал Милана пассивным и измождённым. Мы гуляли по дорожкам парка Тиволи, и оба они веселились, как дети.

После мы ужинали втроем в милом ресторанчике в Старом городе, и Милан порадовал меня и Ярека отменным аппетитом. К нам неоднократно подходили разные люди с просьбой дать автограф. Чаще, конечно, к Яромиру. Среди его поклонников было больше молодёжи, особенно парней, а среди наших с Миланом – женщин предпенсионного возраста. Многие поначалу не узнавали Милана из-за его нового имиджа, а, узнав, делали ему комплименты.

Находились и те, кто принимался сочувствовать Милану из-за предстоящего развода. Видимо, сведения о его семейной ситуации успели просочиться в жёлтую прессу. Милан реагировал на удивление спокойно в отличие от Яромира, который моментально свирепел и готов был броситься в атаку.

Ближе к полуночи мужчины неожиданно вспомнили, что я у них, оказывается, с дороги и, должно быть, невероятно устала. В ответ я только рассмеялась, потому как под воз-

действием волны новых впечатлений уже не чувствовала никакой усталости. Да, и годы медицинской практики с её точными дежурствами закалили меня до состояния медного гвоздя. Тем не менее, они решили, что нам пора домой, и мы дружно туда отправились.

В гостиной нас поджидал Иван. Он сидел на диване перед телевизором, закинув ногу на ногу, и бесцельно щёлкал пультом по каналам.

– Явились? – Равнодушно поинтересовался он. – О, дядька, ты постригся? Тебе идёт! Я уж думал, вы всё, с концами ушли. Только к утру вернётесь, как все нормальные люди.

– Такие, как ты? – Спросил Яромир насмешливо.

– Ну, да, хотя бы, как я. Давайте в клуб как-нибудь сходим, что ли, затусим.

– Мы собираемся завтра пойти в театр, – сообщил Милан. – Яничка очень хочет сходить. Давно там не была.

При слове «театр» лицо Ивана скривилось.

– Подумаешь, в театр! Яничка намерена в монастырь собиралась. Вот, где настоящая скукота! А, вы – «театр»! Мелко плаваете!

При упоминании о монастыре я опустила глаза, а Яромир густо покраснел, и Милан заподозрил неладное. Он обвёл внимательным взглядом нас всех троих и произнёс примирительно:

– В монастырь ещё успеем. Завтра – в театр!

– А послезавтра можно пойти в клуб, – вклинилась я. –

Должна же я гульнуть напоследок, перед уходом в монастырь!

Никто не засмеялся моей шутке. На лицах Ивана, Яромира и Милана застыло совершенно одинаковое тревожное выражение. Я пожала плечами и отправилась наверх, в свою комнату. Какая-то добрая душа уже позаботилась о том, чтобы доставить туда мой багаж. Видимо, Иван постарался в наше отсутствие. Чемодан и сумка Яромира по-прежнему красовались в гостиной.

Поднимаясь по лестнице, я услышала за своей спиной звук, подозрительно напоминающий шлепок от поджопника. Сдавленное ругательство подсказало, кто и кому его отвесил.

Бедный зад Ярека! Доколе ему ещё страдать из-за бестактности хозяина?

У себя в комнате я помыла руки, разложила и развесила по шкафам свои вещи, приняла душ и переоделась в длинное домашнее платье из мягкого, тёмно-синего трикотажа в мелкий белый цветочек. Эти хлопоты навели меня на мысль о том, что мне не в чем завтра идти в театр. Надо бы днём пробежаться по магазинам.

Я услышала шаги Милана в коридоре. Он явно прошёл в свою спальню. Настало время для моей активной деятельности. Я взяла аромалампу, набор масел, пару мягких полотенец и отправилась в комнату Милана.

На этот раз я постучала, прежде чем войти. Милан живо отозвался. Когда я вошла, он возлежал одетый на заправлен-

ной кровати. Спасибо, хоть ботинки снять соизволил!

Видимо, мы опять впали в задумчивость и рефлексировали, уставившись в потолок, на самые опасные темы. Этого следовало ожидать. Не могла одна несчастная вылазка в город излечить Милана от его хандры полностью. Нужны дополнительные меры.

– Я к вам! – Бодренько сообщила я. – Сейчас будем делать массаж, заниматься ароматерапией...

– Не надо, – отозвался Милан. – Вы устали с дороги, Яничка. Вам нужно одохнуть.

– А, вам не нужно? – Грустно поинтересовалась я. – Со всем, ведь, день с ночью перепутали!

– Я уже привык, – сообщил Милан. – И, вообще, я скоро буду жить в другом полушарии. Там сутки сдвинуты.

– Вы сами рискуете сдвинуться до того времени, Милан! – Горько заметила я. – Вы можете заболеть, и тогда ваш тур плакал горькими слезами.

– Что это за история с уходом в монастырь? – Задал Милан вопрос совсем на другую тему. – Тебе и впрямь настолько плохо в этой жизни сестрёнка?

– Вовсе нет! – Бодро отозвалась я. – Это была просто глупая шутка, а парни её восприняли слишком серьёзно.

– Знаю я тебя! – Милан погрозил мне пальцем. – Ты умеешь так шутить, что собеседник уверен в твоей полной серьёзности. Не пугай нас так больше.

Он сказал «нас», а не «их». Значит, и сам всерьёз испу-

гался.

– ...Ярека. Он хороший и добрый парень. Не надо с ним так! – Я упустила начало фразы, но поняла, что меня только что попросили не шутить так больше с Яромиром.

А, с Иваном, значит, можно! Или тоже нельзя?

Меня уже порядком достали все эти грустные разговоры, вдобавок, нервировал вид полностью одетого Милана, разлёгшегося на красивом, белом, шёлковом покрывале. Именно для того оно и предназначено, чтобы на нём валялись печальные мужики в уличной одежде!

– Раздевайтесь, Милан! – Скомандовала я.

– Что? – Не понял он.

– Снимайте рубашку, братец. Будем делать массаж воротниковой зоны и головы, – сказала я, как можно спокойнее, зажигая аромалампу, заправленную маслом лаванды.

– Не надо, – повторил упрямый музыкант. – Лучше поговорите со мной о чём-нибудь, если не хотите спать. Почитайте мне свои новые стихи.

– Обязательно почитаю, – обещала я, – но, только после того, как сделаю вам массаж, и вы примете ванну.

– Чёрт побери, Яничка! – Милан начинал заводиться. – Вы понимаете, что...

– Не понимаю! – Рывкнула я командирским басом. – Не понимаю и понимать не хочу! Живо встал с кровати, снял рубашку и сел на стул!

От неожиданности Милан подчинился, и я приступила

к массажу, погасив бьющий по глазам яркий верхний свет. Комнату уже успел заполнить аромат лаванды, а ещё я включила индийскую музыку для релаксации. Постепенно пациент расслабился под моими руками, и мы лениво переговаривались на разные приятные темы.

После я отправила Милана в ванную, снабдив его успокаивающей пеной и чистой пижамой из его шкафа. Последнюю он, кажется, не надевал и даже не держал в руках очень давно.

Оставшись одна, я проветрила комнату, разобрала постель, взбила подушки. В общем, сделала всё, чтобы Милан, вернувшись, сразу же захотел погрузиться в сон, но, не тут-то было.

Вернувшись из ванной, Милан принялся показывать мне ту самую архивную справку, подтверждающую шестую степень нашего с ним родства. Он радовался этой информации, как ребёнок. Видимо, усмотрел в дальнем родстве некое оправдание нашего с ним дикого обряда братания.

После Милан захотел, чтобы я почитала ему вслух свои последние стихи. Я ответила, что почитаю, если он ляжет в кровать... Детский сад «Лошадка», честное слово!

После серии мягких препирательств Милан согласился лечь, и я принялась читать. Я старалась делать это как можно монотоннее, чтобы навеять сон, но Милан возмутился:

– Яничка! Это никуда не годится! Разве можно читать столь унылым голосом такой прекрасный стих!

Пришлось, как говорила руководительница нашего школьного драмкружка, «включить эмоции».

Во всех этих милых хлопотах и чудесных разговорах незаметно прошло два часа, и в дверях появился заспанный, едва держащийся на ногах Яромир. Бедняга! Я совсем забыла сказать ему, чтобы не ставил сегодня будильник на каждые два часа, потому что я совершенно спокойно могу сама в эту ночь присмотреть за Миланом. Надо бы нам установить дежурства.

Убедившись, что всё в порядке, и в петле никто не висит, Збогар удалился.

– Бедный Ярек! – Изрёк Милан после того, как за его другом закрылась дверь. – По всей ночи не спит, ходит туда-сюда! Ты бы осмотрела его, сестрёнка. Вдруг с ним не всё ладно?

«Ты это серьёзно? – Завертелся мелким бесом на языке каверзный вопрос. – Интересно, а из-за кого это Ярек у нас не спит?»

Мы пообщались ещё минут пятнадцать, и я собралась уходить, предварительно погасив свет, но Милан запротестовал:

– Не выключай, сестрёнка! Я ещё немного почитаю.

Нет, ну, что с ним прикажете делать?!

– Почитай, только недолго, – разрешила я, но при этом подумала, что утром кое-кто у меня попляшет, ибо пощады не будет.

Пожелав Милану спокойной ночи, я отправилась в свою

комнату.

Только я закрыла за собой дверь и собралась двинуться по коридору налево, как мои ноги наткнулись в темноте на что-то мягкое, и я чуть было не перелетела через нечто большое и тёплое, доходившее мне почти до груди. Я так испугалась, что горло перехватил спазм, и я была не в силах даже закричать.

Глава 8

Раньше свет в коридоре второго этажа зажигался сразу же, как только кто-то туда заходил. Теперь система сломалась, лампочки перегорели, и никакого света в этом коридоре не было от слова «совсем», только далеко впереди светила слабенькая лампочка на лестнице. Видимо, дом Котников уже не первый месяц, а, возможно, и год, приходил в упадок, как и их брак.

Мои глаза постепенно привыкли к темноте, и я поняла, что куча непонятно чего, о которую я запнулась на полном скаку, это, на самом деле, Яромир. Он решил подождать меня возле комнаты Милана, присел на пол, да, и заснул, положив голову руки, а их, в свою очередь, на согнутые колени. Как он потом рассказывал, ему показалось, что его, спящего, огрели сверху мешком непонятно за какие грехи.

Яромир вскочил на ноги, увлекая меня за собой, и, мы, сцепившиеся руками и бормоча извинения, потащились на свет, к лестнице.

Спустившись в гостиную, мы оба уже немного пришли в себя, и Збогар заявил, что хочет со мной поговорить. Самое время, конечно!

Я ему так и сказала, но Яромир утверждал, что дело не терпит никаких отлагательств и принялся извиняться за давешнюю шутку про монастырь. Нашёл что вспомнить! Лично я уже начала забывать её. Ярек напомнил мне своими извинениями, что я обещала Милану не шутить с ним больше на тему монастырей.

Очень не вовремя я дала это обещание, потому что после извинений Яромир принялся называть меня ангелом и говорить, что сам Бог меня им послал и ещё какую-то белиберду в этом духе. Меня так и тянуло спросить, а не самое ли место ангелу в монастыре? Какая жалость, что нельзя! Вот, смеху-то было бы!

Я оборвала поток красноречия спортсмена-антифеминиста заявлением о том, что он может не вставать больше этой ночью. Через час с небольшим я сама навещу Милана, а с завтрашнего дня установим дежурства.

Однако Яромир не согласился уступить мне сегодняшнюю ночь, ни под каким предлогом.

– Вы устали с дороги, Яничка! – Упорно твердил он. – Вдобавок, вы столько сделали за сегодня! Нет. Этой ночью я сам прослежу за Миланом.

Пришлось мне согласиться и взять на себя завтрашнюю ночь.

Ночь – это крайне интересное время суток. Вроде бы, темно, страшно, в голову лезет всякое. Тут бы поскорее заснуть или, по крайней мере, думать и говорить исключительно о чём-то светлом и добром, но, нет. Ночью всегда тянет на разговоры о чём-то страшном, о смерти, например. Видимо, поэтому я, после того, как мы с Яромиром установили график дежурств, спросила его, почему он решил, будто Милан может наложить на себя руки. Может быть, Милан обещал это сделать сгоряча? Или он много говорил о смерти, пока меня не было?

– Моя мать покончила с собой, – буднично сообщил Яромир. – Она повесилась ночью, ближе к утру. Перед этим её долго лечили в психоневрологической клинике, и лечение, вроде бы, дало результаты, а потом... Знаете, Яна, самоубийство – это самое ужасное, что есть в мире!

Я не могла не согласиться. Мне как фельдшеру «Скорой» приходится время от времени иметь дело с мёртвыми, но ни одна другая смерть не выглядит столь устрашающе, как самоубийство. Бедный Яромир! Пережить самоубийство самого близкого человека!.. Родной матери... Ужас!

Милан ничего подобного, оказывается, не обещал и не говорил о смерти, но мало ли что может прийти в голову человеку, потерявшему любовь всей жизни? Конечно, будет лучше, если мы станем за ним присматривать.

Я пожелала великолепному спортсмену и замечательному другу Яромиру Збогару спокойного остатка ночи и подня-

лась, чтобы идти к себе, но он догнал меня и удержал за руку.

– Янина... – Начал он. – Мне очень неловко об этом говорить... Эта моя утренняя ложь про химчистку!.. По правде сказать, я ляпнул первое, что пришло в голову. Не надо было...

– Вы взрослый человек, Яромир, и не должны ни перед кем обосновывать свои поступки, – оборвала я его излишняя. – Захотели – уехали, не захотели – передумали. Кому какая разница?

Яромир обрадованно закивал и продолжил:

– Я не уехал, потому что...

– Потому что вы устали от выкрутасов Милана и насмешек Ивана. Вы не видели, чем можете помочь своему другу. Вы извелись, Яромир. Узнав, что приезжает сестра Милана, медик и психолог по образованию, вы почувствовали облегчение и решили, что спокойно сдадите его с рук на руки и отправитесь восвояси, – Яромир кивал моим словам, улыбаясь. – Однако, стоя в саду под цветущими деревьями, вы передумали уезжать, потому что... – напряжённый кивок, – устыдились своей слабости! – Лицо Яромира заметно вытянулось; он явно не ожидал такого заключения моей оправдательной речи. – Спокойной ночи, Яромир! – Пожелала я и чмокнула его в лоб с расчётом на то, что он отпустит, наконец, мою руку, которую до сих пор нервно сжимал в своей.

Так оно примерно и произошло. Яромир ослабил хватку, но при этом потянул меня на себя. В последние доли секун-

ды я разгадала его манёвр и, вместо того, чтобы сопротивляться, подалась вперёд и вбок, пролетев мимо своего нового друга. При этом я вырвала свою кисть из его, сделала на прощанье книксен и быстро взбежала вверх по лестнице.

Поищите лёгкую добычу в другом месте, господин Збогар! Здесь вам ничего подобного не светит. Человек, который днём собирался идти в монастырь, ночью не... Впрочем, не будем об этом. Милан запретил.

Я вбежала в свою комнату, на всякий случай заперла дверь, поставила будильник на половину восьмого утра, переделалась в пижаму и скользнула под одеяло. В восемь часов утра все идут на пробежку. Кто не выспался, я не виновата!

Глава 9

Утром выяснилось, что его величество Иван Робертович Котник куда-то ночью (С утра?) подевались, поэтому в логово тигра по имени Милан Котник мы с Яромиром Збогаром отправились вдвоём, «подбадривая» друг друга смущёнными взглядами.

Как и следовало ожидать, Милан спал сном праведника. Интересно, во сколько он заснул? Это произошло явно позднее четырёх утра, потому что, когда Яромир заходил к нему в это время, Милан ещё не спал, хотя уже клевал носом над книгой.

Я включила «Имперский марш» из «Звёздных войн» на телефоне и сунула его прямо под ухо своему кровному

брату и благодетелю. Яромир тем временем убрал с него одеяло. Не начал стягивать, а именно сложил и убрал подальше, дабы предотвратить никому не нужную борьбу за этот любимый всеми недоспавшими гражданами предмет.

От наших хлопот Милан недовольно сморщился, открыл глаза и резко сел на кровати.

– Что случилось? – Выпалил он. – Который час?

– Восемь утра, Милан, – буднично сообщила я. – Нам с вами пора на пробежку.

– Зачем? – Удивился Милан. – Я не хочу!

Он попытался откинуться обратно на подушки, но был заботливо удержан Яреком в сидячем положении. Я тем временем аккуратно извлекла подушки из-за его спины и отнесла их в другой конец комнаты, где пристроила на банкетку. Милан рассвирепел, но ещё как-то пытался держать себя в руках.

– Почему вы хотите идти на пробежку непременно со мной? – Зло поинтересовался он. – Неужели больше не с кем пойти? В конце концов, вы вполне себе самостоятельны и можете...

– Не могу! – Отрезала я. – Я одна стесняюсь.

– Так, идите с Яромиром!

– Яромир тоже стесняется, – сообщила я Милану под большим секретом.

Збогар тихонько приснул, но сумел удержаться от смеха.

– Вставайте, Милан! Нам без вас никак не обойтись! – Се-

рѣзко изрекла я и принялась выкидывать из шкафа Милана на его кровать всё, что хотя бы отдалённо напоминало спортивную одежду.

– Что вы себе позволяете, Янина?! – Взорвался Милан. – Вы постоянно командуете и манипулируете мной!

Я замерла с поднятой рукой, обернулась к Милану и радостно воскликнула:

– Милан, вы гений! От вас ничего не утаишь! Вы видели, как он раскусил меня, а? – Обратилась я к Яромиру, уже уставшему сдерживать смех. – Да, Милан, я командую и манипулирую вами! Но, согласитесь, я делаю это красиво...

Ярек сделался красным, как помидор, и отвернулся к окну, сами, мол, разбирайтесь, кто у вас тут кем манипулирует.

– Ну, знаете!.. – Злился Милан. – Я от вас такого не ожидал. Чтобы вы, мои так называемые лучшие друзья!.. В частности, вы, Янка!..

Я уставилась на Милана укоряющим взглядом и, неотрывно глядя в его глаза цвета разбушевавшейся морской пучины, тихо, но очень отчётливо поинтересовалась:

– Янка? Вы, Милан, только что назвали меня Янкой?!

Милан смутился и, кажется, даже испугался. Надо сказать, Яромир тоже выглядел немного испуганным. Милан, однако, быстро овладел собой и выпалил:

– Да! Я назвал вас Янкой! И, что?

Я продолжала гипнотизировать Милана взглядом кобры, готовящейся к прыжку, и добилась своего – он в смущении

опустил глаза.

– Ничего, – ответила я, наконец, так же тихо. – Мне нравится. Всегда меня так называйте.

Тут моё внимание отвлекли какие-то странные хрюкающе-булькающие звуки. Это Яромир, корчась и заливаясь слезами от смеха, тихо сползал по стене.

– Вот, видите, что вы наделали? – Грозно спросила я Милана, указывая на Збогара. Всё это время я держала в руках какую-то вещь, то ли спортивные штаны, то ли толстовку. – Приводите в чувство вашего друга, и я жду вас обоих внизу. Одетых! – Внесла я ценное уточнение, швыряя эту вещь прямо в Милана.

Он поймал её на лету, всё так же сидя на кровати и ошалело моргая мне вслед. «Надеюсь, у него не начнёт дёргаться глаз от наших неусыпных забот», – подумалось мне.

Пробежка удалась на славу. Мы обежали квартал, потом сквер. После погоняли мячи Яромира по лужайке и вернулись в дом, необыкновенно довольные собой и друг другом. Я сказала, что приму душ и приготовлю завтрак для всех. Это свершится примерно через тридцать – сорок минут. Милан завёл песню, что он не ест так рано, но я опять взглянула на него взглядом василиска и повторила, что жду к завтраку всех, сделав на последнем слове особое ударение. Он устало махнул рукой и отправился в свою комнату. Яромир, идущий следом за ним, неожиданно обернулся и показал поднятый вверх большой палец, радостно улыбаясь при этом. Я

улыбнулась в ответ и подумала, в который раз, какая у него хорошая, открытая улыбка.

Приняв душ и переодевшись, я взялась готовить завтрак: смешала два яйца с молоком и, обмакивая в эту смесь кусочки батона, жарила гренки. Ещё нарезала овощной салат, выставила паштет, джем, потёрла сыр, заварила чай и приготовила кофе. Милан спустился довольно скоро и принялся таскать гренки прямо из-под моей руки. В ответ я улыбалась ему доброй, сестринской улыбкой, но при этом очень хотелось спросить, кто это у нас там не ест в такую рань? Конечно, я не стала этого делать. Пусть кушает. Вон, он какой худой!

Завтрак обещал быть восхитительным, и он был таким до тех пор, пока мы, расположившись втроём за дубовым столом Милана, не спеша поглощали гренки с овощным салатиком, пили чай-кофе и вели неспешную беседу обо всём на свете. В самый её разгар явился вдруг Иван в сопровождении верного Марека. Он нёс в руках кипу каких-то бумаг.

Бумаги оказались жёлтыми газетами. Ванька эффектно швырнул их на стол и произнёс:

– Полюбуйтесь, что про вас пишут!

Вообще-то, в наш век высоких технологий он мог бы открыть нам пару ссылок на соответствующие сайты, но паренёк, видимо, решил, что так будет нагляднее. Как в старых фильмах!

Впрочем, он оказался прав: так нагляднее, потому как

видно всё и сразу. Вся жадность журналюг до сенсаций, вся их богатая и не совсем чистая, а местами откровенно грязная фантазия, вся пестрота их представлений об отношениях мужчины и женщины... Читать это было одновременно смешно, грустно и гадко, а ещё поневоле охватывала жалость к потребителям подобных статей.

Мы все трое одновременно склонились над стопкой газет и принялись без спешки перебирать их. Милан и Яромир были опытными, можно сказать, матёрыми звёздами и видели много подобной печатной продукции за свою жизнь. Мне было, честно говоря, начхать, что там пишут, но любопытно взглянуть себе в глаза, отпечатанные на страницах газет.

Что же ты, Янка, натворила на этот раз?

Натворила я, как вскоре выяснилось, изрядно.

Одна из газетёнок утверждала, что я покорила сердце закоренелого холостяка, шовиниста-антифеминиста-мини-футболиста Яромира Збогара, и скоро выхожу за него замуж. Даже фотография прилагалась, где Яромир, дурачась во время прогулки в парке, стоит передо мной на одном колене и целует мою руку.

Другая провозглашала меня новой девушкой Милана, который, оказывается, развёлся со своей женой ещё в прошлом году. Правда, ни он, ни Светка тогда ещё не подозревали, что они уже не муж и жена. Только разве такие мелочи остановят коней безудержной фантазии, готовых растоптать всё и всех на своём пути? Авторы этой заметки тоже не забыли

проиллюстрировать её. На газетном фото мы с Миланом сидели рядом за столиком в том самом ресторанчике и радостно улыбались.

Третья утверждала, что я, молоденькая разлучница, разбила семью известного музыканта, и им было плевать, что я не такая уж молоденькая. О том, что я в своей жизни ничего ценнее вазы из магазина сувениров и подарков не разбивала, даже не хочется начинать. Здесь с газетного фото на зрителя вполоборота смотрела загадочно-стервозная Янина Рупник. Я так и не поняла, где и когда это фото было сделано.

Яромир реагировал на выходки жёлтой прессы совершенно спокойно. Ещё бы! После скандала, пережитого им в прошлом году, всё, что мы сейчас просматривали, казалось ему детским лепетом.

Милан немного нервничал, но пока справлялся. Психанул он после того, как взглянул на газетку, лежавшую в самом низу стопки. Называлась она простенько и со вкусом – «Жёлтый тюльпан», а статейка в ней была, сказать, что мерзкой и грязной – не сказать ничего. Это был огромный ушат не помоев даже, а содержимого выгребной ямы. Видимо, Иван специально положил её в самый низ стопки. На десерт, так сказать.

На наши головы вылилась информация о том, что мы трое – я, Милан и Яромир – оказывается, уже давно проживаем под одной крышей в доме Котников, устраивая чудовищные оргии. На нас жалуются соседи, потому что наши

адские развлечения в виде попок, прилюдного занятия извращённым сексом втроём, не говоря уже о громкой музыке и диких криках, мешают им спать по ночам.

Самое ужасное заключалось в том, что мы пытались втянуть в свои безумные развлечения ангела Светусика и её малолетних детей, что и заставило нежную мать и любящую жену покинуть этот дом-содом, а заодно и непутёвого мужа, притворяющегося великим деятелем культуры.

Помимо всего прочего в статейке упоминалось наше с Миланом якобы близкое родство.

На одной иллюстрации к статейке мы были запечатлены все трое с отвратительно перекошенными лицами за столиком ресторана, а с другой на читателя смотрела пресвятая Мадонна – Светусик, прижимающая к груди своих ангелочков. Взгляд её был нежно-испуганным.

Всему есть предел.

Яромир с размаха кинул газетёнку на пол и принялся топтать её ногами. Милан сначала сидел неподвижно, стиснув виски, а потом поднялся, сказал, что хочет побыть один и ушёл в свою комнату.

Ванька сидел в кресле в позе великодержавного монарха и молча наблюдал за нами.

Отпсиховавшись, Яромир тоже рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

Я не знала, как на такое положено реагировать, поэтому молча уставилась в окно. Руки непроизвольно теребили бу-

мажную салфетку. В голове – полнейший вакуум, в сердце тоже он, но какой-то странный. Мне было по-прежнему безразлично, что там обо мне пишут, но не покидало чувство, будто я и впрямь совершила что-то дурное.

Мою рефлексию на тему чувства вины непонятно за что прервал вызов мобильного. Звонила мой литературный агент, Марженка Рупель. Она уже всё видела.

– ...страшного! – Говорила она успокоительным тоном. – Конечно, ты теперь, скорее всего, лишишься части своих поклонников... в основном, поклонниц, конечно... Ну, знаешь, есть такие престарелые тётеньки, вроде меня, которые полностью отождествляют автора с лирической героиней... Они теперь тебя точно невзлюбят: такие красивые, чистые стихи и вдруг – оргии! Да ещё и... кровосмешение! – Последнее слово Марженка произнесла с видимым усилием.

Называя себя престарелой тётенькой, мой литературный агент кокетничает. Ей, конечно, немало лет, а, точнее, целых сорок семь, но выглядит она при этом моей ровесницей. Стройная, модная, ухоженная Марженка всегда благоухает дорогим парфюмом, может очаровать кого угодно и способна впарить издателям буквально всё. Она нередко даёт советы своим подопечным по имиджу и поведению в обществе, и к ней стоит прислушиваться, потому что ерунды Марженка не советует.

– Ты как? – Поинтересовалась она. – Сильно переживаешь?

– Я переживаю из-за Милана, – честно призналась я. – Сама я немного не та величина, чтобы день и ночь страдать на эту тему.

Услышав имя Милана, Ванька скривился и вышел во двор, увлекая за собой Марека.

– Узнаю мою дорогую Яничку! – Рассмеялась Марженка. – Для нас всегда наш дорогой братец на первом месте!

Марженка не знает о нашем побратимстве, но думает, что мы приходимся друг другу родственниками. Ну, да, приходимся. Шестая вода на киселе. У нас и справка есть! Мы ведь любим, чтобы всё было правильно.

– Ничего, мы что-нибудь придумаем! – Пообещала Марженка. – Главное, ведите себя, как обычно. Ни в коем случае не запирайтесь в четырёх стенах и никаких комментариев прессе без совета с адвокатами! – Посоветовала она, попрощалась и отключилась.

Отличный совет. Нам всем троим сейчас, как никогда, хочется выйти на люди и при этом молчать, как рыбы об лёд. Однако Марженку послушаться нельзя, потом дороже выйдет.

Я поднялась, чтобы идти к себе.

– Яна, вы куда? – Спросил вдруг Яромир.

– К себе в комнату, а что?

– Не оставляйте меня одного, пожалуйста! Я уже устал быть один! – Взмолился он вдруг.

– Ярек, но вы же взрослый мальчик... – начала я и осеклась.

Давно не видела столько тоски в человеческих глазах.

– Пойдёмте, прогуляемся по саду, – предложила я, и Яромир с радостью согласился.

Глава 10

Сад был таким же унылым, как моё настроение, и выглядел столь же никому не нужным, как я сама. Яромир, видимо, и впрямь озверел от одиночества, если льнёт ко мне. Да, и к кому тут ещё льнуть, не к Ивану ведь!

Сначала мы бродили по дорожкам молча, но постепенно разговорились. Я сказала, что неплохо было бы устроить в саду Котников хороший ленинский субботник.

– Ух, ты! Что вы вспомнили! – Рассмеялся Яромир.

– Мы этого и не забывали! – Просветила его я. – У нас каждую весну школьники, студенты и служащие в добровольно-принудительном порядке выходят на территорию своих организаций и убирают весь зимний мусор. Ещё сажают цветы и деревья. Даже жители многоквартирных домов устраивают по весне субботники!

– Здорово! – Откликнулся Яромир.

Он загорелся идеей устроить субботник в саду Милана. Можно, конечно, вызвать службу благоустройства территории, но порядок, наведённый своими руками, больше ценится. Так сказал Яромир, и я не могла с ним не согласиться. Помимо этого, физический труд на свежем воздухе должен взбодрить Милана и облагородить Ваньку. Всё, решено.

В ближайшие дни субботнику быть!

Неожиданно Яромир замер на месте и слегка побледнел.

– Милан! – Вскрикнул он. – Милан уже полчаса, если не больше, там один!

Яромир развернулся и поскакал в сторону крыльца резвой, футбольной рысцей. Я за ним едва поспевала. Отговаривать Яромира от похода в комнату Милана я даже не пыталась, потому, как это не имело никакого смысла.

Прискакав вслед за Яромиром на второй этаж, я остановилась и тормознула своего спутника.

– Будет лучше, если вы пойдёте сперва к нему один. Мужской разговор, и всё такое... Я к вам чуть позже присоединюсь.

Яромир торопливо кивнул и побежал дальше. Это надо – так переживать за друга! Видимо, перед моим приездом Милан и впрямь неслабо его «закопал», если Яромир решился уехать, оставив друга на попечение сестры-медсестры.

Я вошла в свою комнату и молча уставилась в зеркало. «Ну, и что мы такое сотворили?» – спросила я мысленно у своего отражения. Ответов на этот вопрос была масса, но ни один не приносил облегчения.

Мы – в смысле, мы с отражением, – приехали в Словению из самых благих побуждений, а именно, поддержать нашего друга и благодетеля в его несчастье, а заодно не дать ему свалиться с жестоким приступом невралгии. Мы делали всё возможное, чтобы вытянуть его из той апатии, меланхолии,

унылой грусти, в которой он пребывал. Поход в салон с последующей прогулкой в парке, завершившейся ужином в ресторанчике. Какой в этом грех? В итоге – цистерна отборного дерьма на наши головы.

Думаю, та статейка в «Жёлтом тюльпане» заказная. Даже наверняка заказная! Никакая фантазия журналюг не пошла бы дальше разбитой мной семьи и давно состоявшегося развода. Легенда об оргиях явно была сочинена под заказ каким-то совершенно беспринципным борзописцем. Вопрос в том, кто мог заказать это произведение.

Светка? Для чего оно ей? Было бы понятно, если бы Милан от неё ушёл, отомстить ему, так сказать, за бездарно потраченные на путешествия по всему миру и ненавистные светские приёмы годы жизни, но она ушла сама.

Должно быть, у Милана есть недоброжелатель. Впрочем, они у всех есть, и «недоброжелатель» – это мягко сказано. Подобное мог заказать только враг. Кому и чем мог насолить музыкант Котник до такой степени?

Мои размышления в стиле мисс Марпл прервал телефонный звонок. На этот раз звонила наша королева, мадам Светусик. Интересно, что она нам скажет?

– Сука! – Послышалось из телефонной трубки, как только я отозвалась на звонок.

– Приятно познакомиться. Янина Рупник, – парировала я.

– Рупник... Херупник! Клизма паршивая! – Резанула Светка. – Одни неприятности от тебя!

– У тебя неприятности? – Участливо поинтересовалась я.

– Это у тебя, у дуры, в первую очередь, неприятности! – Жажнула Светка. – Кто теперь будет твою высокую поэзию приобретать после такого, а? – Злорадно поинтересовалась моя заклятая подруга. – Нет своего мужика, так ты чужого охмурять явилась! Вползла, как змея, в мой дом!..

Я не собиралась выслушивать вопли задетой за что-то там истерички, а оскорблений, почерпнутых из «Жёлтого тюльпана», мне вообще хватит на десять лет вперёд, чтобы я ещё от этой выдры их выслушивала. Вдохнув-выдохнув три раза, я произнесла в трубку самым спокойным тоном:

– Во-первых, мужик, о котором ты сейчас изволила держать речь, не твой. Он ничей. Милан свободен. Ты его бросила. Во-вторых, я, в отличие от некоторых, не беру чужого. Я пришла забрать своё.

После этих слов на том конце трубки воцарилась мёртвая тишина, и я вдохновенно продолжила:

– Ты думала, отбила у меня классного парня восемь лет назад, и на этом всё? Твоя неземная красота победила? Как бы, не так! Такому мужчине, как Милан, надо со-о-ответствовать! – Я специально произнесла это слово по слогам, чтобы лучше доходило. – А как ты можешь соответствовать ему? Ты, недоучка! Ты сколько книг за жизнь прочла, две или три с половиной? Ты чем интересуешься, кроме косметики и тряпок? Сумочками? Туфельками? Ты кто вообще? Ушла и правильно сделала! Нечего над хорошим человеком

измываться!

– ...это я?! Я не соответствие... вавью?! – Задыхалась и косноязычила от возмущения Светка. – Ты, можно подумать, соот... сссс...

– Я? – Переспросило моё отражение, возмущённо подняв брови. – Я соответствую полностью: образованный человек с большим стажем в медицине, вдобавок литератор. Женская версия Антон Палыча, можно сказать. Ещё я люблю Милана больше жизни и никогда не нанесу ему вреда. Я скорее отрежу сама себе палец без наркоза, чем причиню боль ему! И не смей стоять на моём пути, ты, жалкая, истеричная недоучка!

– А как же ваше братство? – Ошарашенно поинтересовалась Светусик.

– Это дикость и глупость. Ты сама нам об этом сообщила раз пятьдесят. Меня ты убедила сразу, а, вот, Милан понял это только недавно. Он даже справку из архива заказал, подтверждающую, что мы с ним не состоим в близком родстве. Так, что, иди, готовься к разводу, а я пошла, свадебное платье себе присматривать!

– Ну, всё! – Злобно изрекла Светка. – Только попадись мне, гадина! Я тебе рожу разобью!

– А, допрыгнешь? – Саркастически поинтересовалась я. Светка, хоть и была волшебной красивой, но по росту далеко не дотягивала даже до нижнего предела модели, чего не скажешь обо мне.

– Допрыгну, не волнуйся!

– Интересно, – завела я свою любимую песню, – а какие шансы у эльфа выжить в схватке с фельдшером?

Светка ещё что-то пыталась вякать, но я расхохоталась демоническим смехом, как нас учили в драмкружке, и отключилась.

Всё. Жребий, так сказать, брошен. Рубикон ко всем чертям перейдён. Сейчас она нажалуется Милану, тот выгонит меня взащей, и они помирятся. Надо подыскать приличный, недорогой отель. Сразу уезжать домой я не собираюсь, потому что хочу увидеться с Марженкой, Викой и ещё кое с кем из своих люблянских знакомых. Ещё я съездила бы на пару дней в горы... собирать помидоры! Для начала надо срочно одеться, потому что быть выставленной на улицу в тапочках и домашнем платье, пропахшем жареными гренками, как-то... глупо, что ли.

Я быстро скинула с себя всю одежду, побрызгалась туалетной водой и влезла в облегающее голубое платье. Собрала волосы в ракушку. Накрасилась. Милан всё не шёл и не шёл меня выгонять. Я достала чемодан из-под кровати, и тут меня охватила тревога. Почему он не идёт? Может, случилось что? Хотя, что ещё может случиться?

«Сердечный приступ, например, ослица!» – Безмолвно рывкнуло моё отражение в зеркале.

Подорвавшись, как ужаленная, я побежала в комнату Милана.

Успела только выбежать в коридор и развернуться в сторону Милановой спальни, как увидела, что навстречу мне бежит Яромир с вытаращенными глазами и машет руками, мол, давай, назад. От неожиданности я застыла на месте, а он сгрёб меня и затолкал обратно в мою комнату, ввалился туда сам и дверь за собой закрыл.

– Какого... – начала я, но Ярек перебил меня громким шёпотом:

– Вам нельзя туда идти, Яничка! Там такое!

– Какое? – Спросила я устало, догадываясь о том, что именно сейчас происходит в комнате Милана.

Это всё пустяки. Главное, чтобы с Миланом не случилось дурного. Остальное можно преодолеть или просто пережить.

– Он злой, как собака! – Сообщил Яромир с таким восторгом, с каким обычно рассказывают, например, о том, как гром и молния разнесли в щепки соседский сарай.

Ну, надо же. Милан рассердился. Рассердился на милую сестричку Яничку за её гнусные проделки. Сейчас Яничке дадут метлой под зад, она откроет поисковик, быстренько найдёт себе пятый угол и уползёт в него зализывать в очередной раз за жизнь свои старые и новые раны. Только бы Яромир или Иван за мной не увязались! У меня масса планов, и они в них никак не вписываются. Куда я их дену?

– ... а он ей: «Хватит врать! Твоё враньё уже оскомину набило! Не могла Яничка сказать тебе такого! Ты её ненавидишь! Ты всех ненавидишь, кто мне дорог!...» – Разорвался

Яромир, пересказывая свежие новости из спальни Милана.

Что-о-о? Милан не поверил Светке?! Своему нежному эльфу! Горному эдельвейсу! Любви всей его жизни!..

Видимо, знатно наш цветочек отравлял Милану последние месяцы их совместной жизни! Хотя, может быть, и не только последние. Кто их знает?

Дверь в мою комнату резко распахнулась, и на пороге возник до предела взвинченный Милан.

– Мало мне было дерьма за сегодняшнее утро! Теперь ещё и она!

Он подошёл ко мне, порывисто обнял, поцеловал в щёку и горячо произнёс:

– Вот, кто больше всех обо мне переживает! А, ещё Ярек! – Поворот головы в сторону друга. – Пойдёмте в мою комнату, у меня там просторнее. Надо обсудить некоторые вещи.

– Может, не надо к вам? – Подала я голос. – У вас там бардак.

– Это у вас бардак! – Оскорбился Милан, указывая на мой распахнутый чемодан, успевший выползти из-под кровати. – У меня полный порядок! Кстати, Яна... куда это вы собрались, такая нарядная?

– Хотела прогуляться по магазинам, – выдала я Милану свои давно переменившиеся планы.

Убеждать его в том, что Светка сказала правду, у меня не было ни сил, ни желания. Сказать по совести, я вообще

не представляла, что мне делать с этой информацией. Я задала жару Светке. Она пожаловалась Милану. Милан не поверил. И, что? Да, ничего! Так ей и надо. Если бы Милан сейчас или после спросил меня о том, правду ли сказала ему его пока-ещё-жена о нашем с ней телефонном разговоре, я бы рассказала всё, как на духу, но он не спрашивал. Получается, мой номер по примирению Милана со Светкой не прошёл. Ну, и чёрт с ним! Придумаю ещё какую-нибудь дурость при случае. У меня очень богатая фантазия на такие вещи.

Круглые, зеленовато-голубые глаза Милана горели жаждой действия. Он буквально подпрыгивал от нетерпения и толкал меня и Яромира в сторону двери. Что ж, подчинимся. Старших надо слушаться.

В спальне Милана и впрямь царил идеальный порядок. Он успел разложить-развесить по местам свои вещи, аккуратно застелить кровать, убрать в ящики комода разную мелочь. Кажется, даже гардины расправил красивыми складками! Видимо, события последних часов волей-неволей работают на него, приводя нашего гостеприимного хозяина в чувство.

Милан сообщил, что он уже отдал распоряжение своему адвокату о подаче коллективного иска от нас троих на «Жёлтый тюльпан» за клевету. Никаким опровержением они у нас не отделаются! Так сказал Милан, а с моим кровным братом шутки плохи.

Забегая вперёд скажу, что выплата компенсации Милану,

Яромиру и мне, назначенная судом через три месяца, поставила «Жёлтый тюльпан» на грань разорения. За этим последовал процесс, инициированный Министерством Культуры Словении. Министерство было крайне возмущено тем, что газетка уже не в первый раз мажет несусветной грязью знаменитых музыкантов, писателей и художников. Через два года тюльпанчик тихо увял на обочине издательского бизнеса.

Отвратительное поведение Светусика также рассердило Милана, и он пообещал, что эта «вручая бессовестница» скоро от него «получит калошей», видимо, имея в виду русскую поговорку «сядет в калошу». Её бесконечные манипуляции Милана уже «уканалы».

Я рассказала мужчинам о звонке Марженки и передала её совет не запираяться в четырёх стенах, вести себя так, словно ничего не произошло и, главное, не давать никаких комментариев прессе без одобрения юристов, дабы всё сказанное не было использовано против нас же. Они согласились, что так для нас будет лучше. Исполнить, конечно, сложновато, но мы очень постараемся.

Вечером решено было идти в театр, где у семейства Котников была собственная ложа. Я поведала свою печаль насчёт вечернего наряда, и Милан, вскочив с кресла,скомандовал:

– Полный вперёд! По магазинам!

В дорогуший торговый центр мы отправились вчетвером. Иван не пожелал остаться дома, и охранять жилище остал-

ся только Марек. Кажется, он не очень расстроился. На редкость спокойный и умный пёс, хоть и беспородный. Ванька специально подобрал щенка дворняжки два года назад в каком-то захолустном дворике, чтобы позлить своих высококультурных родителей. Злились они недолго, потому что почти сразу же полюбили Марека. Этого умного, доброго пса нельзя было не полюбить.

Милан и Яромир вели себя в торговом центре как типичные представители мужского пола, то есть нечеловечески скучали. Потом они набрали на рыболовный отдел и зависли там, а мы с Иваном отправились выбирать мне одежду. Ванька не отставал от меня ни на шаг и, возможно, потащился бы за мной в примерочную, если бы я не окинула его одним из своих «фирменных» взглядов.

Мне понравились два длинных вечерних платья: одно чёрное, кружевное, с длинным рукавом и высоким стоячим воротником, другое красное, атласное, с асимметричным верхом. Одна сторона его была с длинным рукавом из красного кружева в цвет атласа, другая – без рукава и с открытым плечом. Последний писк, как сказала бы Дашка.

Ещё я прихватила по пути пару коротких платьев, оранжевое и мятно-зелёное. Иван говорил что-то насчёт клубы, и мне показалось, что это самое то, что нужно. Все четыре платья подошли по размеру, но купить я собиралась только два.

Очень кстати явились Милан и Яромир, и я решила посо-

ветоваться с ними, тем более что всё равно больше не с кем. Конечно, можно было бы сделать это виртуально, передав снимки кому-то из подруг, либо Марженке, но я решила не отвлекать их от дел своими тряпичными сомненьями.

Я надела красное платье, поправила причёску и макияж и гордо выплыла из примерочной. Я ожидала чего угодно, только не этого.

Ванька сделался красный, как помидор, круглые глаза Милана стали квадратными, а у Яромира... подогнулись колени! Чтобы удержаться на ногах, он ухватился за плечи Милана, и они стояли так, застыв в суровых мужских объятьях, словно скульптурная группа с монумента спортивной славы.

Немного опомнившись, все они вразнобой подняли вверх большие пальцы, но могли бы этого и не делать. Едва выйдя из примерочной, я уже по реакции продавцов и публики поняла: надо брать!

Чёрное тоже понравилось, но на этот раз никто не падал. Правда, набежали продавцы и другие покупательницы. Все меня рассматривали, эмоционально комментировали увиденное и советовали тоже брать.

Короткие платья я даже демонстрировать не стала, ибо, ну их в баню с их впечатлительностью! «Кстати, о впечатлительности, – ехидно начало моё отражение в зеркале, – не думаешь ли ты, что рисоваться перед парнями в красном платье с оголённым плечом несколько провокационно? Уж не хочешь ли ты взаправду охмурить кого-то из них или всех тро-

их сразу?»

Нет. Я не хочу никого охмурять, но не купить красное платье после того, как оно всем понравилось, было бы странно, и я решила, что возьму все четыре штуки. Да, недёшево, конечно, но я могу себе это позволить, тем более что в последний раз я делала такие покупки... Уже не помню, когда!

Дома, в Москве я, как и большинство моих ровесниц-современниц, одеваюсь очень скромно и неброско: на повседневку джинсы, толстовка, куртка; на выход платье классического кроя. Однако я всё же не москвичка!

В моём родном городе на Волге принято наряжаться и делать макияж всегда, куда бы ты ни шла. Я много где успела побывать, в России и в мире, но наши женщины самые ухоженные, красивые и яркие, без ложной скромности. Поэтому моя любовь к сочным цветам нет-нет, да и прорывалась сквозь московские серо-чёрную и бежево-коричневую гаммы яркими вещами наподобие куртки вишнёвого цвета, голубого платья, красной сумки... Не могу я жить без яркого! Никакого настроения нет.

Когда я собиралась расплачиваться на кассе, ко мне подошёл Яромир и изъявил желание оплатить мои покупки. Я недоумённо взглянула на него. Он объяснил, что хочет сделать мне подарок, во-первых, в качестве компенсации морального ущерба за неудачную шутку, а, во-вторых, за то, что я ему помогаю смотреть за Миланом. Без меня он бы уже точно сошёл с ума.

Нет, господин Збогар! Вы уже сошли с ума, хочется сказать мне, но я промолчу. Это кто кому здесь помогает?! Однако вслух я сказала совсем другое:

– Извините, Яромир, но я не принимаю подарков от мужчин... – тут я немного запнулась, вспомнив о своей новенькой московской однушке, – ...если это не мой родственник или очень близкий человек!

Я гордо расплатилась сама и не менее гордо понесла свои пакеты в двух руках, цокая каблуками по мраморным плиткам пола. В тот момент я казалась себе такой сильной-независимой женщиной! Даже не забыла откинуть назад выбившиеся из причёски пряди волос без помощи рук, одним только резким движением шеи вбок и назад, и тут...

Неожиданно кто-то выхватил из моих рук все покупки, и я увидела впереди со всех ног бегущего Ваньку. Он оглядывался, строил мне рожи и хохотал.

Ты что же думаешь, я тебя не догоню?.. Не догоню, конечно. Какой-то чёрт угораздил меня надеть сегодня туфли на каблуках, но они ведь не приклеены к моим ногам, верно?

Я сняла туфли и припустила за Ванькой. И догнала, чем немало удивила его. Мы с ним ещё долго дурачились в том торговом центре. Сначала бегали наперегонки, потом строили смешные рожи и фотографировали друг друга на телефон, дико при этом хохоча. Катались на эскалаторе. Вели себя как поросята в кафе, перемазавшись, чем только возможно... Милан и Яромир только головами качали.

Забегая вперёд скажу, что на следующий день в жёлтой прессе появилась заметка под названием «Скандално известная тридцатилетняя писательница Янина Рупник развлекается во время шопинга с молодым любовником». Фотокарточки прилагались. С большим приветом.

Кажется, я начинаю понимать, откуда берётся вся эта «бурная» личная жизнь звёзд. Она рождается в головах потерявших совесть журналюг жёлтых изданий и выплёскивается на сайты и печатные страницы пенной, мутноватой волной.

Глава 11

Поход в театр удался на славу. В тот вечер давали «Снегурочку» в исполнении нашего Большого театра. Стоило ли ехать за тридевять земель, чтобы попасть на спектакль своего же театра? Безусловно! Большой есть Большой, и неважно, где и с кем ты смотришь представление.

В антракте мы прогуливались по одной из галерей, смеялись и шутили, правда, не так бурно, как в торговом центре несколько часов назад. Надо сказать, что Иван и в театр увязался с нами и даже согласился надеть один из костюмов Милана, хоть тот и был ему великоват. Парень вёл себя на удивление прилично.

Неожиданно в конце галереи показалась наша эльфоподобная дама Светлана в компании таких же, как она, разряженных нимф неопределённого возраста и молодых людей,

подозрительно напоминающих богатых бездельников, либо очень старающихся на них походить. Я демонстративно взяла Милана под руку и принялась болтать с ним, обсуждая спектакль.

Он принял эту игру и слушал меня, ласково улыбаясь и поглаживая кисть моей руки, покоившуюся на его предплечье. Со стороны мы выглядели безмятежно счастливой парой, в чём вскоре нас убедили публикации в жёлтых газетах.

Светка готова была лопнуть от злости. От её замечательного самоконтроля, коим она отличалась с юности, не осталось и следа. Видимо, нервы красавицы были изрядно потрепаны в последние год-полтора, что мы не виделись. Мне даже стало жаль её. Ничего. Пусть знает, что такое сокровище, как Милан, не засидится в одиночестве. Ты думала, он сходит с ума в тиши вашего облупленного особнячка? Зря ты так думала! Красивый, обновлённый Милан прекрасно проводит время с друзьями и не только с ними.

Светку, конечно, жаль, но Милана ещё жальче. Сердце его при виде Светки готово было выпрыгнуть из груди, а лицо, как только Светка и её компания прошли мимо нас, превратилось в маску боли. Я отчаянно гладила его руку, стараясь отвлечь от черноты, заполнявшей сейчас его душу.

– Ничего, – бормотал Милан, сжимая до боли мою кисть и не замечая этого в упор, – я начинаю привыкать. Я уже привык.

Удастся ли мне помирить их? И надо ли это делать? Хочет ли этого сам Милан? Вопросы буквально разрывали мой мозг. Надо бы сегодня, во время сеанса вечернего массажа, мягко выпросить у Милана, каков его настрой в отношении беглой жены.

Домой мы возвратились всё же в приподнятом настроении. Даже Иван не ссорился с Яромиром, а по большей части обсуждал с Миланом голоса и манеру исполнения артистов и музыкантов. Идиллия какая-то! Я подумала, что сейчас все разойдутся по своим комнатам, я уложу Милана и отправлюсь спать, разумеется, не забывая о своём ночном дежурстве. Но, не тут-то было! День, начавшийся в восьмом часу утра, и не думал заканчиваться в одиннадцать ночи, посчитав, видимо, что нам недостаточно на сегодня событий.

Едва я вошла в свою комнату и собралась сменить своё чёрное вечернее платье (Я выбрала на тот вечер всё-таки его, как менее провокационный вариант.) на что-то более удобное, как в дверь мою постучали. Я подумала, что это Милан хочет поторопить меня с массажем, либо снова начать отказываться от него, но за дверью стоял, переминаясь с ноги на ногу, Яромир.

– Вы впустите меня, Янина? – Спросил он, смущённо улыбаясь. – Я...

– Разумеется, не впусцу! – Обрадовала я его.

– Почему? – Живо поинтересовался Ярек.

– Потому что, во-первых, я должна делать массаж Мила-

ну, во-вторых, что он может подумать, если увидит, как вы входите ко мне посреди ночи, в-третьих...

– В-третьих, в-шестых и в-десятых, вы меня избегаете, Яна! Я почему-то противен вам! – Выпалил вдруг Яромир. – Что я вам сделал плохого?

– Ничего вы мне не сделали, – залепетала я, смутившись.

– Может быть, вы думаете, что, если дьявол при рождении наградил меня привлекательной внешностью, я от этого непременно кобель и подлец? Вы глубоко ошибаетесь, Янина! У меня исключительно серьёзные намерения в отношении вас! И, заметьте, я говорю это вам наедине! Милана здесь нет! – Яромир распался всё больше и больше.

Надо бы его как-то охолонуть.

– Что значит «серьёзные намерения»? – Спросила с насмешкой. – Какой смысл вы вкладываете в это понятие?

– Такой же, как все нормальные люди! – Кипятился Яромир. – Я хочу встретить человека, с которым мне захочется провести всю оставшуюся жизнь! – Припечатал он. – И, мне кажется, что я такого человека уже встретил, Яничка, – добавил он гораздо мягче и попытался взять меня за руку.

Я быстро убрала руку за спину и ответила с самой доброй, сестринской улыбкой:

– В тёмное время суток, Яромир, нам всегда кажется невесть что, а...

Договорить я не успела, потому что Яромир сделался багровым, пожелал мне спокойной ночи и кинулся вниз по лест-

нице, едва не сбив по пути Ивана, который поднимался ему навстречу. Через несколько секунд мы оба – я и Ванька – услышали, как хлопнула входная дверь.

– Вы поссорились? – Спросил Иван.

– Куда его понесло, на ночь глядя? – Ответила я вопросом на вопрос.

Иван небрежно махнул рукой и ответил:

– А! Сейчас пойдёт в бар и напьётся.

– Что-о?! – Переспросила я.

– Напьётся, – повторил Иван буднично. – Вы думаете, если Ярек спортсмен, то он не пьёт? Как бы, не так! Он всегда напивается, как свинья, когда расстроен. Потом привяжется к кому-нибудь, подерётся...

Я его не дослушала, кинувшись вниз по лестнице к входной двери. По пути схватила с вешалки первую попавшуюся куртку, сунула ноги в свои растоптанные кроссовки и побежала к калитке, заметив, что на улице ужасно похолодало к ночи.

Иван выскочил вслед за мной на крыльцо.

– Яна, вернитесь! Ничего с ним не сделается! Погуляет и придёт! Что я Милану скажу?

– Скажите Милану правду, – ответила я. – И, ни в коем случае не оставляйте его одного. Если я вернусь, а вас дома не будет, я вас достану из-под земли и прикончу, так и знайте, Иван.

Ванька одиноко стоял на крыльце. Ветер трепал его свет-

лые волосы, и вид юного наглеца был растерянным и жалким. Ничего. Должен же он когда-то начинать взрослеть!

Я выбежала на улицу и порадовалась, что дом Милана находится в самой её середине: оба конца улицы прекрасно просматривались, и я увидела довольно далеко справа от себя быстро удаляющуюся высокую мужскую фигуру. На мне были удобные, разношенные кроссовки, а юбка расходилась книзу широкой оборкой. Ничто не мешало бегу, и я бросилась во всю прыть догонять Яромира.

Когда-то я точно так же бежала по этой улице, догоняя обиженного друга. Результат в тот раз оказался хуже всяческих ожиданий, но меня это не остановило.

Ярек явно не ожидал такого поворота событий. Видимо, заслышав позади себя стук догоняющих его ног, он обернулся и застыл на месте. По лицу парня было заметно, что он всё ещё сердится. Добежав до Ярека, я коснулась его руки и с самым невинным видом засыпала его вопросами:

– Вы куда, Яромир? Прогуляться на сон грядущий? Можно я с вами?

– Нельзя! – Резко ответил он.

«Ну, вот!.. – С досадой подумала я, окунаясь в неприятные воспоминания. – На том же месте, хоть и не в тот же час...»

Яромир тем временем снял со своей шеи шарф, повязал его мне и, улыбаясь, произнёс:

– Вот, теперь можно!

Я рассмеялась, взяла его под руку, и мы отправились в наше необыкновенно увлекательное, полное приключений, ночное путешествие.

Яромир вёл меня тихими, спящими улочками, и мы любовались красивыми особняками и симпатичными домиками люблянских обывателей. И дома, и домики утопали в цветущих садах. Палисадники украшали клумбы с самыми разными цветами, и мы с Яромиром вели неспешную беседу о том, как и чем мы вскоре украсим сад нашего друга.

Вдоволь напетлявшись по частному сектору, мы вышли к набережной реки, самому глухому и дальнему её концу. Отсюда, если посмотреть направо, хорошо видны были огни Старого города. Яромир пустился в приятные воспоминания детства, и я с удовольствием слушала, как они с мальчишками после школы ловили раков, дразнили соседских собак, как он отдыхал летом в деревне у бабушки. О войне и прочих бедствиях Ярек не говорил ничего, словно этого не было. Оно и понятно. Человек, переживший настоящий ужас, будет стараться лишний раз не ворошить травмирующие воспоминания.

Мы вплотную подошли к парапету набережной. Ветер здесь был сильным и холодным, но он нёс с собой чистоту и свежесть гор. Нам было приятно подставлять свои лица под его студёные струи. Огни города отливали золотом. Звёзды дарили нам все алмазы мира.

– Вы мне снились, Яничка, – тихо произнёс вдруг Яромир,

вплотную придвигаясь ко мне.

– Я приснилась вам прошедшей ночью? – Поинтересовалась я, собираясь пошутить, что сон этот оказался не к добру, но не успела, потому, как Яромир так же тихо ответил:

– Нет. Вы снились мне задолго до нашей встречи. Это были сказочные, волшебные сны!

После таких слов ничего другого быть не могло, кроме как слияния наших губ в поцелуе. Так это и начало происходить, но...

– О, кого я вижу! Да это же наша мини-футбольная звезда! Или футбольная мини-звезда?.. – Раздался наглый и резкий мужской голос где-то рядом с моим левым ухом.

– Не звезда, а звездун, – поправил его другой мужской голос, низкий и чуть гнусавый.

– Звездюк, – добавил третий сорванным фальцетом, и множество мужских глоток расхохоталось нестройным, немного пьяным смехом.

– Звездец! – Грянул вдруг гром Яромирова голоса, перекрывая весь смех и возгласы. – Я ваш большой, мини-футбольный звездец!

Голоса стихли. Главарь местных гопников, невысокий мужичок в грязноватой тёмно-красной куртке, с тем самым резким и наглым и голосом, опомнился первым:

– Это мы ещё посмотрим, какой ты там звездец, большой или так себе... звездечишко!

И под одобрителный гул своих соплеменников вождь

предложил сыграть два мини-футбольных тайма. Команды набирались с лихвой, даже запасные игроки оставались.

– Если твоя команда продует, – загнусил гнусавый, – мы забираем твою бабу, а если...

Договорить гнусавый не успел. Резкий, неожиданный толчок в грудь с одновременной подсечкой ещё ни разу меня не подводили.

– На твою жопу будет вся игра! – Выплюнула я сквозь зубы по-русски, присовокупив парочку отборных матюков.

Гопники затихли, а меня окатило сзади волной тепла. Это Яромир подошёл ко мне вплотную и стал плечом к плечу со мной. Ничего, как-нибудь отобьёмся. В меня однажды настоящий гамадрил кидал табуреткой в приступе белой горячки. И попал, между прочим. Всего месяц лечения, полгода реабилитации, и вот она – я, опять, как новенькая! А тут какие-то гопники. Да, тьфу!

Меня обуял настоящий боевой азарт. Яромира, судя по его дыханию, тоже.

– Русская что ль? – Спросил гнусавый.

– Русее не бывает! – Запальчиво ответила я.

– Так бы сразу и сказали. А то ходите тут, народ смущаете.

Он уже поднялся с земли и торопливо отряхивал свою выдавшую виды коричневую куртку от пыли.

– Мы играть сегодня будем или как? – Спросил кто-то из толпы.

– Будем, – успокоил его главарь. – На команды сейчас по-

делимся, и вперёд.

Откуда-то взялся старый, облезлый мяч, гопники спокойно поделились на две команды, словно и не было никакого инцидента, и все мы отправились на пустырь, расположенный неподалёку.

В команде главаря гопников царил идеальный порядок. Судя по всему, он забрал себе лучших игроков. В команде Яромира сразу же разгорелся спор по поводу того, кто пойдёт на ворота. Мне это быстро надоело, я сняла с себя Миланову куртку, которую прихватила впопыхах с вешалки, кинула её в общую кучу и взяла на себя функцию голкипера. В конце концов, я лучший вратарь нашей подстанции! Мы никому не скажем, что другого просто нет, ибо это неважно.

Восторгам гопников по поводу моего вида и поступка не было предела.

– А, если платице запылится? – Спросил чей-то насмешливый, молодой голос.

В ответ на это я закатала рукава и небрежно сплюнула. Получилось эффектно. Благо, я сама себя при этом не оплевала.

Мы с Яромиром расставили наших обтрёпанных футболистов, и игра понеслась.

Сначала нашей команде не везло. Потом я обложила отборным матом защитников, отвесив при этом пару ощутимых пенделей, Яромир оборал нападающих, вселив в их сердца уверенность в их медленной и нелёгкой кончине

в случае проигрыша, и игра заметно оживилась.

Мы победили со счётом 15:8.

Яромир доказал, что он самый большой и самый что ни наесть народный мини-футбольный звездац.

Я подтвердила славу лучшего вратаря нашей подстанции, правда, моё великолепное кружевное платье обрело при этом вид серой, пыльной дерюги.

Ещё Яромиру сказали на прощанье, что у него самая су-перская на свете жена, какую только можно вообразить.

– Спортсменка? – Спросил главарь.

– Фельдшер! – Гордо ответила я, чем вновь сорвала бурю восхищённых возгласов и аплодисментов.

Гопники предложили нам выпить с ними пива, и у меня тревожно зануло сердце, но Яромир отказался, чему я была очень рада.

Как я уже говорила, куртка моя лежала в общей куче, а телефон, который я схватила в последний момент с комода в своей комнате, был в её кармане. Достав его, я обнаружила пять пропущенных вызовов от Милана. Неужели Ванька ничего ему не сказал?! Задушу гадёныша!

Я кинулась перезванивать. Милан ответил сразу же:

– Яна, где вы ходите? Ивану плохо!

– Бегу! – Живо отозвалась я.

– Что случилось? – Спросил Яромир встревоженно.

– Ванечке плохо! – Сообщила я. – Надо скорее домой!

– Побегали, – выдохнул Яромир, и мы, как были, пле-

чом к плечу, побежали вдоль спящих улочек частного сектора в сторону дома Милана.

Прибежали красные, словно раки, которых варили в большой кастрюле Яромир и его товарищи в далёком детстве, и дышали, как два паровоза. Я сразу бросилась в комнату Ивана. Там был Милан. Он сидел на стуле и тревожно смотрел на часы. Иван лежал на кровати, повернувшись лицом к стене и, кажется, спал.

– Наконец-то! – Довольно сердито вымолвил Милан, едва заведя меня на пороге. – Где вы были, Яна? Почему вы такая запыхавшаяся и... пыльная?

– В футбол играла! – Небрежно отмахнулась я, не придумав ничего умнее.

Глаза Милана округлились.

– С кем играли?

– Да, так... С какими-то местными гопниками.

– Янина! Эти ваши шуточки!.. – Милан начинал всерьёз заводиться.

– Яничка говорит правду, – послышался голос Яромира. – Мы и впрямь играли в футбол с гопниками. Было забавно, – Яромир улыбнулся, вспоминая наше нелепое приключение. – Как Иван?

– Кажется, я слишком скучно живу, – изрёк Милан. – Иван заснул, – сообщил он, указывая на мирно сопящего Ванечку. – Перед этим он жаловался на боли в животе.

Я встревожилась. Это может быть что-то серьёзное. Когда

я убегала вслед за Яромиром пару часов назад, с Ванечкой было всё в порядке. Самые опасные заболевания развиваются, как правило, внезапно.

– Как это было? – Спросила я Милана.

– Я сидел у себя в комнате, – начал Милан, – и услышал, как хлопнула входная дверь. Потом ещё раз! Я решил посмотреть, что происходит, и спустился в гостиную. Там был совершенно растерянный Иван. Он сидел на диване в куртке и сжимал в руках пульт от телевизора, – Милан так подробно и красиво рассказывал! Вот бы, кому быть писателем, но судьба сунула ему в руки виолончель. – Я спросил Ивана, куда все подевались, и тут ему стало нехорошо. Его буквально скрутила боль!

– Почему вы не вызвали «Скорую»? – Поинтересовалась я.

– Я подумал, что вы, Яна, дома, либо вышли в сад подышать свежим воздухом. Я обыскал всё, но нигде не нашёл ни вас, ни Ярека. Это было ужасно! Я совсем было собрался вызвать бригаду, но Иван сказал, что ему уже лучше. Он пошёл к себе в комнату, прилёг и вскоре заснул. Если бы его терзала боль, он бы не смог заснуть, верно?

– Верно, – ответила я, – но это не значит, что человек вне опасности. Существует даже специальная практика осмотра во сне.

К слову говоря, этим я как раз и занималась: мяла Ванькин живот, пока он спал, и не находила ничего угрожающе-

го – мышцы расслаблены, дыхание ровное, сон спокойный, пульс в норме. Возможно, Иван просто перенервничал из-за нашего с Яромиром ночного побега, либо слегка объелся. Такое с ним время от времени случалось, по словам Милана.

Бедный Ванька! Всё это не от хорошей жизни. Сейчас пусть отсыпается, а завтра я его понаблюдаю.

Я велела Милану идти в свою комнату и готовиться к массажу, Яромиру пожелала спокойной ночи и заверила его, что пригляжу сегодня за Миланом, пусть он отоспится, а сама отправилась к себе.

Вчера ночью я забыла свои масла, аромалампу и всё прочее в комнате Милана, а сегодня утром он мне всё это принёс и аккуратно сложил на комод. Узнаю его прежнего, хотя до идеального состояния, конечно, ещё очень и очень далеко.

Я сняла с себя пропотевшее, запylённое чёрное платье. Хорошо, что я пошла именно в нём, а не в красном. Я и так чуть не убила гопников своим видом, когда сняла куртку, а, если бы это было ещё и асимметричное красное платье с оголённым плечом... не знаю, что с ними было бы!

Надо днём постирать свои вещи.

Я приняла душ, переоделась в домашний костюм – широкие штаны и футболка с длинным рукавом – собрала всё, что нужно, и отправилась к Милану.

На этот раз пациент не сопротивлялся и не капризничал. Я размяла его шею, плечи, руки, помассировала волосистую

часть головы под аромат ромашки и музыку для релаксации. После Милан без возражений отправился в душ, затем лёг в кровать, позволил мне выключить свет и поинтересовался на прощанье:

– Мне идти с вами утром на пробежку?

– Это мне с вами идти, Милан, а не вам со мной! – Ответила я со смехом, пожелала спокойной ночи и вышла.

На этот раз я не забыла свой массажный набор, и никто не подкарауливал меня под дверью. Я зашла в свою комнату, поставила свои «волшебные средства» на комод, завела будильник так, чтобы он срабатывал каждые два часа, и решила проветрить свою спальню перед сном. Выглянув в окно, я заметила, что в комнате Яромира всё ещё горит свет. Неужели ему и впрямь не спится? Что-то вчера он не был похож на человека, страдающего бессонницей!

Свет в комнате Ярека продолжал гореть и через пятнадцать минут, когда я собралась закрывать окно. Странно. Я думала, он заснёт крепким сном сразу же, как только попадёт в свою обитель.

После некоторых колебаний я решила всё же узнать, не случилось ли чего. Подойдя к двери, я постучалась как вежливый человек, но ответа не получила. Моё сердце тревожно заколотилось, и я толкнула дверь в комнату Яромира.

То, что я увидела, напугало меня до темноты в глазах.

Глава 12

Яромир лежал на кровати лицом к стене, скорчившись от боли. Несмотря на свои огромные размеры, он выглядел сейчас до ужаса маленьким, просто комок боли какой-то!

Я подлетела к нему и всё поняла: у Яромира страшно болит колено. Он не в состоянии встать, не в силах дотянуться до телефона, лежащего на тумбочке, чтобы позвать на помощь. Яромир не может не то чтобы закричать, а даже застонать в полный голос, потому что боль буквально затопила его, так, что парень едва дышал.

Вот, она, доля спортсмена, во всей её красе!

Мы с удовольствием смотрим разные матчи и соревнования с участием молодых, сильных парней и девушек. Мы с восторгом взираем на их красивые тела и одухотворённые лица, восхищаемся их азартом, страстью, яркими эмоциями. С насмешкой, а порой и с открытой неприязнью, разглядываем их машины, дома, дорогую одежду и богатые аксессуары... Но, кто видит обратную сторону всего этого?

Что-то могут заметить внимательные зрители, как правило, фанаты. Многие видят родные и близкие спортсменов. Ещё больше знают медики. Всё об обратной стороне большого спорта знают только сами спортсмены, но они не станут об этом рассказывать.

Если они пожалуются на боль, обыватель сочтёт их нытиками. Обыватель живо напомним им об их гонорарах, размере имущества, путешествиях, курортах и прочих возможностях. Именно поэтому спортсмен страдает за закрытой две-

рю, преодолевая боль с помощью медиков, своих близких и фармакологических средств.

Конечно, у Яромира должны быть сильные обезболивающие, но, видимо, боль скрутила его неожиданно, уложив лицом к стене, и он не в силах взять препарат и вколоть его себе.

– Ярек, – начала я, как можно мягче, – где лежат ваши обезболивающие?

– В комод... в верхнем ящике... справа... – Прохрипел Яромир, задыхаясь.

Он даже положил лекарства так, чтобы они в случае необходимости были под рукой, но это не помогло. Такие вещи непредсказуемы.

Я легко нашла коробочки с ампулами, вколола Яромиру две инъекции, но любому препарату требуется время, чтобы подействовать, и боль не уйдёт в один миг.

Я принесла и зажгла аромалампу, заправив её маслом эвкалипта, запах которого снижает болевые ощущения. После достала массажное масло и принялась тихонько разминать поясницу Яромира. Это отвлекает от болей в нижней половине тела.

– Ярек у нас добрый, хороший, сильный, – тихонько повторяла я. – Ярек надёжный, смелый. Ярек прекрасный друг.

Я убеждена в том, что человек – это не просто мыслящий и передвигающийся кусок мяса. Человек обладает сложнейшей психикой, и от того, как она настроена, зависит его спо-

способность к преодолению невзгод, трудностей, болезней. Лежит человек себя сам, а когда не справляется, зовёт на помощь лекаря, и тот вытаскивает его из ямы недуга. Лекарства, физиотерапия и прочие меры – это только средства. Главное – настрой пациента. Если человек сам не желает выбираться или не верит в самую возможность спасения, никакие средства не помогут.

Через пятнадцать минут, показавшихся мне сутками, а Яромиру, должно быть, вечностью, боль его отпустила. Мышцы расслабились, распрямились, и Ярек снова стал добрым, красивым гигантом, каким он был всегда.

Я отёрла салфеткой пот, градом катившийся по его лицу, и погладила Ярека по волосам. Я так давно об этом мечтала, только не хотела признаться даже себе самой! Оказалось, что волосы Яромира сказочно приятны на ощупь и пахнут Солнцем, ветром и степными травами. Хотелось гладить и гладить их до бесконечности, но он поймал мою руку и принялся целовать её своими горячими, немного потрескавшимися губами, приговаривая:

– Яничка... добрая моя... милая... нежная...

Да, Яничка у нас очень добрая и нежная! Сначала обидела Ярека, потом отваляла дяденьку в пыли, после отматерила защитников... Это ещё не вспоминая о том, что Яничка наговорила с утреча Светусику!

Спорить я с ним, однако, не стала. Пусть говорит, что хочет, главное, чтобы не болел.

С последним дела у нас обстояли, как вскоре выяснилось, неважно.

Осматривая красное, распухшее колено Яромира, я заметила на нём не то чтобы очень свежие, но недавние послеоперационные рубцы. Два месяца назад Ярек перенёс сложнейшую операцию на колене, и сейчас находился в стадии реабилитации. Доктора строжайше запретили ему участие в матчах, только лёгкие нагрузки на уровне любительского спорта. Яромир Збогар выпал из своей команды примерно на год, и буквально не знал, куда себя деть.

Матч на вытоптанном пустыре и последующая длительная пробежка по асфальту... Какой ужас!

Я сказала Яромиру, что днём он обязательно должен наведаться в клинику. Он нехотя согласился после того, как я пообещала поехать с ним.

– Вам надо хорошо выспаться, Ярек, – сказала я, поглаживая его по руке.

– Почему ты до сих пор говоришь мне «вы», Яничка? – Спросил Яромир, глядя мне прямо в глаза.

В его глазах светились сейчас тёплые, золотистые огоньки. Не было никакой возможности сопротивляться его обаянию, да, и желания, в общем-то, не было никакого.

– Я боюсь сказать лишнего при Милане. Боюсь при нём обратиться к тебе на «ты». Боюсь показать своё чувство к тебе при нём или Ваньке...

– Ты испытываешь ко мне чувство? – Спросил Яромир

обрадованно. – Это правда?

В ответ я смогла только кивнуть, потому что спазм перехватил моё горло.

Я легонько поцеловала Яромира в губы. Он выпустил мою руку от неожиданности, и я встала, сходилла, несмотря на его активный протест, за своим медицинским чемоданчиком и начала накладывать на его больное колено повязку с компрессом.

Лаской и уговорами мне удалось уложить Яромира и упросить, чтобы он перестал, наконец, сопротивляться сонливости, которую даёт усталость и его обезболивающий препарат. Я немного помассировала ступни Ярека, и он заснул.

Посидев у его кровати какое-то время, я услышала мелодию будильника, напоминающего, что пора бы проведать Милана.

Милан тоже спал. Видимо, вымотался за день, что немудрено.

После я навестила спящего Ивана и ещё раз осмотрела его во сне. Всё в порядке.

Весь мой лазарет крепко спал.

Я вернулась в комнату Ярека, собрала свои массажные принадлежности, ещё раз осторожно, чтобы не разбудить, погладила его по волосам и отправилась к себе. По дороге в свою комнату я почувствовала, как сердце моё заколотилось буквально на ровном месте, а в голове сами собой на-

чали складываться строки:

Разжигают пожар в моём сердце
Золотые огни твоих глаз
И вечернего города скерцо...

Я поспешила в свою комнату, торопливо распихала всё, что несла в руках, по местам, схватила блокнот и ручку и записала:

Разжигают пожар в моём сердце
Золотистые отблески глаз
И вечернего города скерцо,
Баритон, что срывается в бас...

Учащается резко дыханье,
И звенит напряжённо в ушах.
Песня города нам отвечает
Рваным ритмом мелодии в такт.

Снова руку сжимаешь до боли,
И в глазах полыхают огни.
Я не стану расписывать роли.
Будь, что будет, мы в мире одни!

Если хочешь, прижми меня тесно

К своей крепкой, надёжной груди.
Расскажи о проделках из детства,
О высотах, что ждут впереди...

Обнимай меня до исступленья,
Чтоб не взвидела тьмы и огня,
Всех стихий чтоб услышала пенье,
Чтоб забыла, как звали меня!

Если девушка всё же другая
В твоём сердце построила дом,
Пусть об этом сейчас я узнаю
И уйду, хоть, признаться, с трудом.

Неожиданно жаркие губы
Взорвались поцелуем в ночи...
Сбились города скрипки и трубы...
Что ты мелешь, дурак?! Замолчи!

Последняя строчка относилась к Бронеку, главарю гопников, прервавшему наш едва начавшийся волшебный поцелуй. Получилось необычно. Утром нужно показать стихотворение Яреку. Интересно, что он скажет?

Записав стих, я улеглась в кровать. Если вы думаете, что я

так и не сомкнула глаз в ту ночь, то глубоко ошибаетесь. Едва коснувшись головой подушки, я отключилась, как электроприбор, отторгнутый от розетки. Разбудил меня верный будильник в три тридцать утра. Я проведала всех парней по очереди, поправила сползшие одеяла и, шатаясь, отправилась восвояси. Сегодня моя очередь шататься по дому заспанной. Ярек должен хорошо отдохнуть.

После пятичасового сигнала будильника я уже не ложилась. Умывшись и почистив зубы, я оделась для пробежки и отправилась навестить сначала Ваньку, который спал сном фермера в период жатвы, потом Милана, укрывшегося с головой одеялом и тихонько сопевшего оттуда, а затем Ярека, снова скорчившегося от боли.

Я ввела ему препараты, помассировала спину, посидела с ним, как накануне. Когда Яреку стало лучше, он объявил, что голоден, как волк. Оно и понятно. В последний раз мы основательно ели ещё до посещения театра.

Я отправилась в кухню готовить завтрак. Вытащила из холодильника молоко, яйца, растительное масло, достала из шкафчика муку, соль, сахар и развела тесто для блинчиков.

Я пеку блинчики сразу на двух, а иногда и на трёх сковородах. Когда делаешь так, не надо стоять, как часовой на посту, с кулинарной лопаткой, нервно зажатой в руке, и ждать, пока зарумянится одна сторона блинчика. При много-сковородочном способе готовки процесс идёт непрерывно, и го-

ра блинчиков растёт с фантастической скоростью. Этому научила меня одна знакомая, инженер по образованию. Бауманку в своё время окончила. Общаясь с ней, отчётливо понимаешь, что абы кого в знаменитой академии не держат! Талант инженера-рационализатора, если уж он есть, проявляется во всём, даже в таких бытовых мелочах, которые на самом деле, конечно, никакие не мелочи.

Повариха семейства Котников, судя по всему, тоже тот ещё рационализатор. Всё у неё в кухне устроено настолько по уму, что диву даёшься! Самое необходимое находится под рукой, так, что даже впервые попавший сюда человек без труда отыскивает то, что ему нужно. Кулинарных инструментов – целая коллекция, сковородок – по несколько штук каждой разновидности, а одинаковых, словно сёстры-близнецы, блинниц – целых три! Именно, как мне надо.

Всё это превращает процесс готовки в несказанное удовольствие.

Скоро блинное тесто в тазике иссякло, а горка блинчиков, напротив, выросла до внушительных размеров. Этого должно хватить для завтрака троих оголодавших парней и одной фельдшерицы-мини-футболистки.

Я положила на большую, красивую тарелку пять блинчиков, свёрнутых треугольниками, плюхнула на неё же по ложке сметаны, джема и мёда, натёрла по небольшой горке сыра и шоколада. Получилось красиво и аппетитно. Ещё я сварила большую чашку кофе, как любит Яромир.

Водрузив на поднос тарелку блинов, чашку кофе, сахарницу и стопку бумажных салфеток, я отправилась с ним к Яреку. Проходя мимо комнаты Ванечки, я заметила, что от двери слегка тянет сквозняком. Неужто следит за мной? Что ж, с него станется! Впрочем, возможно, мне это просто показалось, либо дверь закрыта недостаточно плотно.

Войдя к Яреку, я нашла его свежим, умытым и улыбающимся. Он перемещался по комнате прыжками на одной ноге и делал вид, что находит это забавным. Ярек постоянно шутил, я улыбалась в ответ, но мне сразу же подумалось, что такими темпами у него непременно разболится второе колено, потому что нагрузка на него возросла в разы.

Впрочем, думать о плохом сейчас не нужно. Это может отразиться на моём лице и расстроить Ярека. Пусть он лучше с аппетитом уплетает свой завтрак и шутит, как может.

Я зачитала Яромиру своё последнее стихотворение, сразу пояснив, что последняя строчка к нему отношения не имеет. Он слушал с горящими глазами, позабыв о своём голоде.

– Это обо мне стихотворение? Правда? – Спросил Ярек ошарашенно. – Ещё никто не посвящал мне *таких* стихов!

– Каких это – таких? – Поинтересовалась я с улыбкой.

– Настоящих! – Выдохнул Ярек, заставив меня почувствовать волну удовольствия.

Надо сказать, Яромир в то утро не уставал поражаться мне. Он очень удивился, когда увидел, что я принесла ему на завтрак блинчики, а не пару бутербродов с тем, что зава-

лялось в холодильнике.

– Когда ты успела за ними сбежать, Яничка? – Поинтересовался Ярек, набрасываясь на еду. – Или ты заказала доставку?

Когда я сказала, что напекла блинчиков только что сама, Яромир чуть было не рухнул со стула.

– Да, ты у меня не только великий медик, голкипер и поэтесса, а ещё и волшебница! – Воскликнул он.

Смеясь, я обняла Ярека сзади за плечи, нежно поцеловала в висок и пожелала ему приятного аппетита.

– Я должна идти, – сказала я. – Мне нужно ещё осмотреть Ванечку перед пробежкой.

Яромир не удерживал меня, не просил побыть с ним ещё хотя бы часика два, а лучше весь день. Так ведут себя, надо сказать, многие пациенты, но Ярек серьёзно кивал в ответ на мои слова, не забывая при этом целовать мне руку. Я ещё раз поразила его выдержке и чувством ответственности и, поцеловав любимого в губы, с большой неохотой вышла из его комнаты.

За дверью меня ждали его величество Иван Робертович собственной персоной. Его зелёные, как крыжовник, глаза были нехорошо прищурены.

– С добрым утром, Ванечка! – Приветствовала я его, ощущая лёгкую панику, зарождающуюся где-то в глубинах грудной клетки. – Как вы себя чувствуете?

– Отлично! – Объявил Иван торжественно и тут же сар-

кастически поинтересовался: – А, что это у нас тут происходит? Гордый, неприступный фельдшер носит завтраки в постель человеку-псу?

– Что вы городите, Иван? – Возмутилась я. – Яреку почти всю ночь было плохо! У него недавно операция была на колене!

– Он вам уже пожаловался? – Ванька скукондил жалостливую рожицу и притворно всхлипнул. – На что только не пойдёшь, чтобы охмурить девчонку! – Закончил он зло.

– Я вам не девчонка, и никто меня не охмурял! Не мелите чушь, Иван! – Рассердилась я.

– Так уж и никто? – Насмешливо спросил юный злыдень. – Не лгите, Яничка! Вы и сами к нему равнодушны, а он... этот дурак и запойный пьяница... Он только и смотрит, кого бы ему охмурить! всю жизнь такой был, таким и останется!

Большая часть этого содержательного разговора происходила между нами на ходу. Топоча ногами и активно жестикулируя, мы с Иваном постепенно переместились в кухню-гостиную. Ванька увидел горку свежеспеченных блинчиков и изрёк:

– О! Вот, вы как для него стараетесь! Поднялись пораньше, чтобы напечь любимому блинчиков? Думаете, он это оценит? Думаете, он женится на вас? До чего же вы наивны, Яничка!

После таких слов мне страстно захотелось съездить соп-

ливому наглецу по физиономии. Желательно, чем-нибудь тяжёлым.

Вместо этого я вдохнула-выдохнула три раза и самым спокойным тоном, на какой сейчас была способна, спросила:

– Что же вы предлагаете мне делать, Ванечка?

– Я предлагаю вам забыть о нём раз и навсегда! – Последовал незамедлительный ответ. – Ещё я предлагаю вам усвоить, Яничка: Яромир не совсем свободен.

Последнее было произнесено очень тихо и веско.

Тяжёлый дубовый стол, стоявший передо мной, вдруг легко сдвинулся со своего места и поплыл в сторону. Я помотала головой из стороны в сторону, и он снова оказался там, где был. Какой-то подозрительный туман неожиданно окутал все предметы вокруг.

– Что значит «не совсем свободен»? – Спросила я, крепясь из последних сил, чтобы не разреветься. – Яромир женат?

– Почти, – согласился Иван.

– Он помолвлен? У него есть невеста?

– Они живут вместе почти три года, Яничка, – буднично сообщил Иван.

Вот, оно как! Оказывается, я убежала два месяца назад из своего гражданского мрака именно для того, чтобы с размаху вляпаться в чужой! Как в рвоту пациента. Как в кучку собачьего дерьма на пробежке. Как... неважно, во что ещё! Больше этот звездун мини-футбола ко мне не подойдёт!

Слёзы прорвали все плотины и уже в открытую неслись по щекам, капая на шею, руки и грудь. Капли солёной жидкости красиво расплывались на ярко-красной ткани моей футболки.

Я больше не хочу носить красное! Мне плевать на кружева и блёстки. В гробу я видала всю эту любовь-морковь, я для неё не создана!

Едва не сбив с ног Ваньку, моловшего теперь, словно радиоприёмник старой бабки, что-то поучительно-успокоительное, я кинулась вверх по лестнице, заперлась в своей комнате и бросилась на кровать.

В то утро Милан поднялся в семь часов, решив всем нам сделать сюрприз. Он хотел перехитрить меня и Ярека, явившись к нам раньше, чем мы планировали прийти к нему. Вот, он полюбуется сейчас на наши заспанные физиономии! Вот, кое-кто у него сегодня поплатится за свою вчерашнюю жестокость!

Как жаль, что старания Милана пропали даром! Лучше бы он ворвался в мою комнату в половине седьмого утра, подняв меня, не выспавшуюся и угрюмую, на пробежку. Лучше бы Яромир, несмотря на всё, был здоров. Лучше бы не было этого нелепейшего ночного матча! Лучше бы... Судьба же, как всегда, распорядилась иначе.

Милан был очень огорчён состоянием своего друга. Только он собрался поговорить об этом со мной, как перед ним возник вездесущий Иван и сообщил, что у Янички приступ

мигрени. Лучше её сейчас не тревожить и дать выспаться. Очень благодарна за это Ваньке. Не хватало мне ещё объяснить Милану, почему я реву так, что всё моё тело сотрясают конвульсии.

Именно этим я и занималась в своей комнате битых полчаса, пока не вырубилась ещё часа на полтора.

Глава 13

Проснувшись, я сразу же захотела собрать чемодан и уехать ко всем чертям, подальше от лицемера Ярека, злыдни Ивана и даже ни в чём не повинного Милана. В конце концов, у него есть Светка. Судя по тому, что она говорила и как вела себя вчера в театре, никуда она от него денется: придёт не сегодня-завтра.

Совість мягко подсказала мне в жёсткой форме, что я недалёковидная, безответственная эгоистка, думающая только о собственном психологическом благополучии. Во-первых, ещё неизвестно, когда вернётся Светка и вернётся ли вообще, и как примет её Милан. Возможно, просто выгонит взащей. При этом распахнется, наобзывает её «вручей бессовестницей» и «грустной ложкой», и его непременно разобьёт невралгия. Как раз то, что нужно в преддверии длительных заморских гастролей.

Во-вторых, плевать мне на выходки Ванюши! В конце концов, он каждый раз выводит меня на чистую воду, хоть и делает это достаточно грубо, а порой даже очень больно.

Если бы он не сказал мне о том, что Яромир «не совсем свободен», я позволила бы бесчестному спортсмену, прикидывающемуся простаком-добряком, и дальше морочить мою многострадальную рыжеволосую головушку, и куда бы всё это завело в итоге, подумать страшно.

В-третьих, никакого бегства! Остаёмся на месте и продолжаем бороться до конца: за здоровье Милана, за честь писателя, за своё человеческое достоинство и женскую гордость. Если кто-то думает, что я буду перед ним плакать, он глубоко ошибается. Если кто-то считает, что обо мне и дорогих мне людях можно безнаказанно сочинять гадкие вещи и публиковать их, где ни попадя, тот вскоре поплатится за это своей отвратительной журналюгской шкурой. Если...

Очередной лозунг отважного борцуна ускользнул, насмешливо высовывая на бегу язык. Причиной тому стал неожиданный телефонный звонок. Звонила Марженка. Интересно, что гадкого случилось на этот раз? Что бы ни случилось, отважный борцун, засевший во мне с тех пор, как я себя помню, сдаваться не собирался. Он им всем покажет, когда найдёт, что показать, разумеется.

– ... ещё один тираж! Срочно! – Верещала Марженка в трубку. – Голос её был восторженным, настроение приподнятое. – ... смели с полук! Что самое интересное! По моей просьбе провели срочный блиц-опрос покупателей, и выяснилось, что это совсем другой контингент!... Алло, Яничка... Ты меня слушаешь, детка?

– Да-да! – Бодро подтвердила я. – Вам нужна моя подпись на документах, чтобы заказать дополнительный тираж? – Проревевшись и отдохнув, я сделалась на редкость сообразительной.

– Безусловно, Яничка! – Согласилась Марженка. – Только у меня ещё масса дел! Нужно организовать для тебя автограф-сессию, договориться насчёт творческого вечера в Центральной Библиотеке, а ещё мне оборвали телефон пять телевизионных каналов, три косметические фирмы и четыре крупных магазина одежды. Они хотят, чтобы ты прорекламирровала кое-что из их продукции, а «Горный ручей» твёрдо вознамерился сделать тебя своим лицом.

Вот, это новости! Вот тебе и «широкие слои узкого круга»!

– Куда и во сколько мне подъехать, Марженка? – Спросила я самым деловым тоном на свете.

– Я предлагаю поужинать в «Рыбном Доме», – сказала Марженка. – Ты ведь всё равно ничего не решаешь без совета Милана, так что, приходите с ним вместе! Я тоже буду со своим братом, только не старшим, а младшим, – последнее предложение было произнесено таким призывно-кокетливым тоном, что я сразу поняла: мне хотят пристроить маленького братика в качестве бойфренда, а, возможно, и мужа в дальнейшем. Что ж, тут как карты лягут, а всё остальное вполне себе годится. – Во сколько тебе удобно? – Спросила Марженка.

– Может, в семь вечера? – Предложила я.

– Да, давай в семь. До вечера, моя девочка! Тёте Марженке надо срочно бежать!

Мы попрощались и отключились практически одновременно.

Да, дела. «Тётя Марженка» «кря» не скажет, если это не сулит ей каких-то выгод, а, точнее, не каких-то, а вполне существенных. Значит, продажи моих книг серьёзно выросли по вине скандальных борзописцев. А мы-то с Марженкой вчера переживали из-за каких-то тётенок!..

Плохо мы знаем современных тётенок! Да, и дяденок, судя по всему, не очень.

Моё внимание привлёк какой-то шелест, и я заметила рядом с дверью на полу несколько всеми любимых жёлтеньких газеток. Их было меньше, чем вчера, всего-то штуки четыре или пять. Интересно, что нам там приготовили?

Помимо уже всем известной информации о том, что «Знаменитый музыкант впервые вывел в свет новую возлюбленную» с прилагающейся фоткой, где мы с Миланом стоим с безобразно счастливыми лицами, намертво сцепившись локтями, и моего вчерашнего весёлого шопинга, газеты писали, например, о том, что «Известная писательница взяла питомца из собачьего приюта». Наша с Марекком совместная фотография, где мы с радостными лицами носимся по лужайке около дома Милана, прилагалась.

Ещё та же самая «Известная писательница рассталась

со своим бойфрендом. Известный спортсмен в (... хм...) недоумении». Внизу статьи Яромир смотрел на зрителя несчастными глазами. Оказывается, вчера в магазине, когда я отказала ему в оплате моих покупок, он расстроился сильнее, чем мне это представлялось. Видимо, подумал, что я феминизднутая. Что ж, он недалёк от истины. Благодаря ему, Евгену и прочим подобным персонажам, я точно скоро феминизднусь на всю башку.

Как же мне с ним теперь быть? Больше всего, конечно, хочется пойти к Збогару немедленно и высказать ему всё, что я о нём думаю, но это было бы слишком просто. Я побью гадкого лицемера его же оружием. Он у меня получит... калошей! Я преподам пару уроков сволочизма этому... вручому бессовестнику!

Я умылась, слегка припудрила лицо, подкрасила губы прозрачным блеском и отправилась в гостиную. Надо было найти Милана, чтобы передать ему приглашение Марженки.

В гостиной я нашла одного угрюмого Ивана. Впрочем, не совсем одного. С ним, как всегда, был Марек.

– Ванечка, вы не знаете, где Милан? – Спросила я, как ни в чём не бывало.

– Милан у Ярека, – буркнул Ванька. – Они сегодня с утра не расстаются. Парочка гомиков!

Я никак не стала комментировать последний Ванькин выпад. Очевидно, он ревнует дядю к Яромиру. Он ревнует к нему меня, Марека, фонарный столб. Он всех и всё ревну-

ет к Яромиру. Милан рассказывал, что он и родителей жутко ревнует к нему, младшим сестре и братьям и, вообще, всем подряд. Бедный Ванька! В каком неприглядном мире он живёт!

– Вы уже выкинули свою дурь из головы? – Выстрелил Ванька в обычной своей манере вопросом в спину.

Я замерла на месте, а после медленно развернулась к нему лицом.

– Я не понимаю, о чём вы говорите, Ванечка, – произнесла я тихо и веско. – Не понимаю и понимать не хочу.

– Так тоже канает! – Одобрил Иван. – Главное, не ведитесь на подкаты этого долбоклака. Он вам не пара.

Очень захотелось пошутить про монастырь, но по понятным причинам я не стала этого делать. Улыбнувшись Ванечке нарочито фальшивой улыбкой, я отправилась в логово жестокого, коварного зверя по имени Яромир Збогар.

Очень вовремя, потому что встревоженный Милан уже бежал мне навстречу. Действие препарата закончилось, и его друга снова одолела боль.

Я сказала, что постоянно колоть обезболивающие – не выход. Надо везти его в клинику. Скорее всего, Яромира госпитализируют, но это даже хорошо, потому что он будет получать лечение, и за ним там будет круглосуточный присмотр.

Милан отправился в гараж, чтобы дать распоряжение дядюшке Йозефу. Нужен был самый просторный автомобиль, чтобы больному было в нём комфортно.

Я спокойно вошла в комнату Яромира Збогара. При виде его, в очередной раз скрученного болью, я не испытала ничего особенного. Так, обычное сострадание медика к пациенту, но тут он, приложив нечеловеческие усилия, развернулся ко мне лицом и прохрипел:

– Прости меня, Яничка!

Я, признаться, растерялась.

– За что вы просите прощения, Яромир? – Спросила я, привычно доставая ампулы и шприцы.

– Вы почти не спали сегодня из-за меня, – выдавил он. – Потому вас и атаковала мигрень.

Надо же, до чего можно дойти в своём лицемерии! Изображать сострадание, преодолевая собственную боль! Красиво, конечно. Ещё пару часов назад я бы поплыла киселём, но времена меняются.

Массируя Яромиру поясницу, я молчала.

– Поговори со мной, – попросил он. – Твой голос успокаивает меня.

– Вам лучше сейчас помолчать, Яромир, – ласково произнесла я. – Поберегите силы.

Когда препарат подействовал, Ярек попытался взять меня за руку, но я сделала вид, что отвлеклась на звуки, доносящиеся с улицы, и прилипла к окну. Вскоре пришли Милан с дядюшкой Йозефом, чтобы помочь ему дойти до машины. Я велела им переодеть больного, потому что его футболка была насквозь мокрой от пота. Не хватало ещё подхватить

воспаление лёгких!

Збогару казалось, что дурочка по-прежнему у него на крючке. Он заговорщически мне улыбался и постоянно пытался ненароком схватить и прижать к губам мою руку. На самом деле с моей стороны не было никакой нежности, это были самые обычные действия и рекомендации фельдшера «Скорой».

В машине я уселась на переднее сидение, чтобы никак не соприкоснуться с телом «не совсем свободного» спортсмена. Я заметила, что он от этого погрустнел. Ничего. Скоро ты у меня ещё не так погрустнеешь!

Приняли Збогара почти сразу же. Персонал клиники буквально выплясывал вокруг него. Это хорошо. Без внимания, значит, наш дорогой друг не останется.

Мы с Миланом остались ждать в приёмной. Он заметно нервничал.

– Всё будет хорошо, – успокаивала я его. – Подержат несколько дней в больнице, подлечат и отпустят. Не переживайте так!

Милан уставился на меня и неожиданно изрёк:

– Странно!

– Что странно, Милан? – Не поняла я.

– Странно, что ты успокаиваешь меня, а не наоборот.

– Ничего странного, – заверила я Милана. – Это ведь ваш друг, а не мой.

– Мне показалось, что между вами проскочила искра,

Яничка. А уж как Ярек переживал, когда узнал, что у тебя мигрень! Надо было видеть...

– Так это ведь Яромир переживал, а не я, – безразличное пожатие плеч. – И потом, любой вежливый человек на его месте расстроился бы.

Милан ничего не сказал на это, и я принялась развлекать его разговором ни о чём, упомянув попутно, что вечером мы приглашены Марженкой и её братом в «Рыбный Дом». Конечно, Милан согласился пойти со мной, но я видела по его лицу, что идти ему на самом деле не хочется. Ему хочется валяться весь вечер на кровати и переживать за друга, но ничего у него не выйдет. Да здравствует светская жизнь!

Через некоторое время к нам вышел седой, как лунь, доктор и сказал, что дела Яромира не хороши, но и не критичны. Нужен абсолютный покой на ближайшие три дня, целый комплекс процедур, набор препаратов...

– ...и внимание молодой пани! – Улыбнулся доктор одними только пронзительно голубыми глазами. – Господин Збогар просит вас зайти к нему, Янина. Вы ведь Янина?

Деваться было некуда, потому как выдать за Янину Милана возможным не представлялось. Доктор продолжил говорить что-то Милану, а я в сопровождении молоденькой медсестры отправилась в палату Збогара.

– Яничка! – Лицо Яромира выражало бурную радость, что меня уже не удивляло: с его-то талантами я ещё не то имела возможность наблюдать! – Посиди со мной немного, прошу

тебя. Ты ведь будешь навещать меня?

– Обязательно буду! – Пообещала я, изображая лицом собачью преданность.

«Во сне. Если тебе сильно повезёт,» – добавила я мысленно.

– Обними меня, Яничка, родная моя!.. Я так рад, что мы с тобой встретились!

– Лучше повременить с объятиями, – заметила я. – Сюда в любой момент может кто-то зайти. Например, Милан. И, вообще, Яромир, с вашей стороны было неосторожно приглашать меня в палату одну. Вы хотите расстроить Милана ещё сильнее, чем он уже расстроен?

Збогар сник. Так тебе и надо, бабник!

– Ну, всё, пойду, – произнесла я буднично. – Я сегодня встречаюсь с моим агентом. На ближайшие дни у нас с ней очень многое намечено.

– Я буду рад, если ты выкроишь немного времени для меня, Яничка! – Столько надежды в голосе! Надо у него поучиться.

– Думаю, вы здесь не будете скучать в любом случае, Яромир. Здесь столько красивых медсестёр!..

– А мне нужен только один фельдшер, – мечтательная улыбка, та самая, которая уже столько раз обманывала меня, словно первоклашку. – Самый красивый, добрый и нежный во всём мире!

Как ты заговорил!

Я дружески потрепала бессовестного лгуна по щеке и сделала вид, что отправилась к выходу из палаты. У порога я неожиданно остановилась и резко обернулась. Я так всегда делаю, когда хочу узнать, какие чувства испытывает ко мне человек на самом деле.

Тут мой номер не прошёл, потому что Збогар успел натянуть на лицо кислую мину. Молодец! Справляется!

– Знаете Яромир... – Начала я, и лицо спортсмена вновь озарилось надеждой. – Думаю, нам не стоит говорить друг другу «ты» даже наедине. Привыкнем ещё, и это вылезет, где не надо. – Снова кислая мина. – Выздоровливайте! – Пожелала я и быстро вышла из палаты.

После друга навестил Милан. Я ждала его минут пятнадцать в коридоре.

– Яничка, ты должна что-то сделать как психолог! – Заявил он, едва покинув палату. – Ярек угнетён тем, что с ним случилось!

– Конечно, он угнетён, – согласилась я. – Молодой, сильный парень и вдруг – раз, и полная беспомощность! Да, ещё и боль. Ничего, за сутки доктора снимут отёчность, ему станет лучше, и настроение выправится.

– Обожаю твой оптимизм! – Улыбнулся Милан. – Завтра обязательно надо навестить его, – завёл он снова свою шарманку. Милана вообще нелегко сбить с темы, которая его волнует. Что ж, потерпим немного! – ... напечёшь блинчиков! – Разорвался Милан. – Ярек столько про них говорил!

Ему будет приятно, если ты...

– Нет! – Обрубила я.

– Что «нет»? – Не понял Милан.

– Я не стану печь блинчики для Яромира, – пояснила я с охотой, – и навещать его не пойду.

Удивлению Милана не было предела, а я тем временем продолжила:

– Не хватало ещё, чтобы ваш друг подумал, будто я в невесты ему набиваюсь! Хозяйственные таланты демонстрирую! Это будет выглядеть неуместно и глупо, Милан. Сейчас главное, чтобы Яромир поправился. Остальное – пустяки!

Так, постепенно, шаг за шагом мне удалось свернуть упрямого Милана с разговора о его друге-бабнике и направить нашу беседу в другое, более насущное русло. Нам нужно было закупиться продуктами и обсудить предстоящий субботник в саду. О последнем Милан ещё не слышал. Он очень удивился и обрадовался этой идее.

– Ещё неплохо бы навести чистоту в доме, – сказал он, – а то уже паутина развелась по углам.

Мы решили, что каждый из нас, кроме «отдыхавшего» в больнице Яромира, отмоет свою комнату, а для уборки остальных квадратных метров, коих в доме Милана немало, вызовем службу чистоты. В саду будем трудиться сами. Даже хорошо, что Яромир временно отсутствует, иначе они с Иваном переубивались бы лопатами.

Остаток дня до вечера мы посвятили закупке продуктов

и других вещей, необходимых в хозяйстве, уборке своих комнат и приятному разговору за скромным чаепитием.

Глава 14

Вечером, разрядившись, как на бал-карнавал, я отправилась на встречу с Марженкой в роскошный «Рыбный Дом» в сопровождении своего немного уставшего и мрачноватого кровного брата. Иван с Марексом остались дома. Мы с Миланом мало разговаривали по дороге в ресторан, потому что он почти всё время переписывался по телефону с Яреком.

Тому стало к вечеру хуже. Поднялась температура, и пришлось сменить обезболивающее, потому что прежнее практически перестало действовать. Мне было жаль его, несмотря на то, каким человеком он оказался. В конце концов, его отношение к девушкам – это только одна сторона его личности, не самая лучшая, а, возможно, и худшая из всех. Помимо этого Ярек неплохой человек и отличный друг. Может быть, мне удастся сделать его и своим другом тоже. Я была бы не против. Мы, ведь, не враги!

Встреча с Марженкой и её братом отвлекла меня от мыслей о дружбе, любви и прочих высоких материях, направив мой ум в сугубо деловое русло. Мы обсудили новый тираж, подписали все необходимые для него документы. Обговорили условия сотрудничества с косметическими фирмами и одёжными магазинами.

Мы с Марженкой, Миланом и Борисом – так звали брата

Марженки – решили принять предложение «Горного ручья» о сотрудничестве и продвижении товаров этой неплохой, в общем-то, косметической фирмы. Я пользовалась некоторыми их продуктами и была вполне довольна ценой и качеством.

Из одёжных магазинов в качестве основного партнёра мы решили выбрать «Супер-базар». Это огромная сеть, разбросанная по всему миру. Сотрудничество обещало быть насыщенным и интересным.

Не столь радужно обстояли дела со словенским телевидением. Меня приглашали в основном мутные телеканалы для работы на каких-то скандальных проектах. Культурный канал, пожелавший сделать передачу с моим участием пару недель назад, теперь загадочно молчал. Это было огорчительно. Выходит, прав был Евгений: рулят в наше время совсем другие.

Однако сидеть, грустно склонив голову над своим бокалом, я, во-первых, не собиралась, а, во-вторых, мне не давали этого делать мои спутники, особенно Борис, и вся обстановка заведения.

С первых секунд знакомства брат Марженки не сводил с меня глаз и старался постоянно поддерживать разговор. На вид Борис был обычным сорокалетним дядькой с прямыми, гладко зачёсанными назад каштановыми волосами. Средний рост, средний возраст, средняя внешность... но, каким он оказался интересным собеседником!

Борис возглавлял юридический отдел крупной австрийской фирмы, занимающейся покупкой-продажей предметов искусства. За столом он мало говорил о своей бумажной работе, зато как эмоционально описывал свои впечатления от предметов искусства, которые проходили через его руки! В который раз убедилась, что род деятельности человека далеко не всегда характеризует его со всех сторон. «Скучный бухгалтер», «занудный юрист», «экспрессивный художник»... Сколько стереотипов сидит в наших головах! Бухгалтер может оказаться весёлым и жизнерадостным человеком, художник – нытиком и ипохондриком, а юрист, бывает, так свежо и нестандартно рассуждает об искусстве, и не только о нём, что его заслушивают буквально все.

Борис, как и я, находился сейчас в трудовом отпуске и приехал в гости к Марженке из Вены. Он порой не знал, куда ему себя деть, пока сестра на работе. Мне бы его заботы! Мой брат и его друзья почти всегда дома, и хлопот у меня немерено. Несмотря на это, мы условились с Борисом сходить послезавтра днём на выставку одного молодого художника, открытую недавно в Центральной картинной галерее Любляны. К слову сказать, Борис был разведён.

Когда мы договаривались с братом Марженки о встрече, мне показалось, что Милан посмотрел на меня неодобрительно. Что это с ним? Никто ведь ни с кем не флиртует! Мы и его, и Марженку звали с собой на выставку, но оба они отказались по разным причинам. С Марженкой всё ясно, она

по уши в делах, а вот Милан... Милана я попробую дома уговорить пойти с нами.

Мы могли бы сходить на выставку и завтра, но на четыре часа дня у меня назначена автограф-сессия в самом крупном книжном магазине города, а в семь часов вечера начинается творческий вечер в конференц-зале Центральной Библиотеки. До четырёх часов надо было успеть поработать в саду и проконтролировать работу службы чистоты, вызванной на одиннадцать утра.

Завтрашний день обещал быть насыщенным. Мы даже не представляли в тот момент, насколько!.. Но, обо всём по порядку.

Блюда из рыбы были настолько вкусными и необычными, что я их долго рассматривала, прежде чем начать есть. Я силялась понять, как так можно приготовить самую обычную, не элитных сортов, рыбу, что на первый взгляд и первую пробу вообще не понятно, из чего приготовлено блюдо. Сочетание специй тоже было весьма необычным, наполняя воздух просто одуряющими ароматами. Вдобавок оформление блюд было невероятно красивым. Одним словом, не ужин, а вся гамма вкусовых, обонятельных и зрительных удовольствий!

Надо сказать, я пришла в тот вечер в ресторан в самом своём роскошном платье, красном асимметричном. Мужчины за соседними столиками с интересом рассматривали меня, и это нисколько не смущало, потому как для чего на-

ряжаться в красное, если стесняешься, а если стесняешься, то для чего вырядилась? Я не стеснялась. Я вела себя в тот вечер, как королева, ибо не фиг было кое-кому обращаться со мной, как с насекомым. «Теперь вы все у меня попляшете!» – Злорадно думала я, и они поплясали, потому что после девяти вечера явился живой оркестр, и начались танцы.

Сначала я танцевала с Борисом, а Марженка с Миланом, потом мы поменялись партнёрами. После меня пригласил милый дедок из-за соседнего столика, потом выдавший виды сорокалетний мачо, дальше симпатичный молодой человек лет тридцати, похожий на банковского служащего, после юнец в тёмно-синем вечернем костюме, затем снова Борис, потом опять Милан!..

В общем, развлеклась я в тот вечер очень хорошо, правда, закончилось для меня празднество в «Рыбном Доме» очередной нелепостью.

В какой-то момент я выскочила из зала ненадолго в дамскую комнату, прихватив с собой клатч. Между делом решила проверить, не звонил ли мне кто. В конце концов, у нас с Миланом Ванька один дома остался. Он, конечно, под присмотром Марека, но, мало ли, что?

На телефоне было три пропущенных вызова с незнакомого номера и пять голосовых сообщений с него же. Мне стало любопытно, и я решила прослушать самое первое из них.

– Добрый вечер, Яничка! – Послышался голос Збогара, и у меня задрожали колени. – Я вам звонил три раза, но вы

не брали трубку. Видимо, были очень заняты. Я помню, что вы собирались встретиться со своим агентом... – пауза. – Знаете, Яничка... Я, кажется, всё понял, – интересно, что ты там понял? Что мне всё известно о твоём «не совсем свободном» семейном статусе? – ... напугал вас. Да, наши отношения прошедшим вечером и ночью, а потом утром... начали развиваться слишком быстро. Скромные девушки вроде вас не любят такого. Простите меня, Яничка. Я не буду ни на чём настаивать. Я готов подождать, только не отворачивайтесь от меня навсегда, прошу вас. Дайте мне ещё один шанс.

Дослушав до конца, я загрустила. Какой актёрский талант пропадает!

Интересно, кто просил Милана давать этому лицемеру мой номер?

Следующее сообщение было совсем коротким:

– Скачал ваш последний сборник стихов, Яничка. Читаю, и слышится ваш голос. Он успокаивает и внушает надежду.

Надо сказать, что голос самого Яромира был нездоровым. Впрочем, Милан говорил, что у его друга поднялась к вечеру температура. На меня неожиданно нахлынула волна острого сострадания.

«Это я виновата в том, что с ним случилось!» – Пронеслось в мозгу.

Если бы я впустила Яромира и поговорила с ним вместо того, чтобы язвить, он не убежал бы из дома, на ночь глядя, и не было бы дурацкого матча на пустыре, не говоря уже о гу-

бительной пробежке после него, и не случилось бы обострения...

«А ему для чего надо было лезть к нам со своими „серьёзными намерениями“, имея вполне себе устроенную личную жизнь?» – Спросил отважный борцун.

«И, всё же, надо было быть повежливее!» – Завела свою песню совесть.

Они крайне редко бывают согласны друг с другом, и чтобы пресечь их вечный спор, я включила следующее сообщение:

– Я хотел сказать вам, Яничка, – сколько теплоты в голосе! – что не обижусь, если вы не придёте ко мне завтра. Не обижусь, если вы вовсе меня не навестите. Я всё понимаю. Я был слишком напорист, возможно, даже грубоват. Видимо, это оттого, что я слишком спешу жить, а спешу, потому что не один раз видел, насколько хрупка человеческая жизнь, как легко она может оборваться... Да, и среди спортсменов вроде меня так мало долгожителей!.. Простите, Яничка... Что-то я сегодня расчувствовался.

– Пожалуйста, удалите предыдущее сообщение, как прослушаете, Яничка! – Это уже следующее, предпоследнее.

Ближе к концу третьего сообщения в голосе Яромира явно слышались слёзы. Да. Ярек спешит жить, потому и живёт на полную катушку: изо всех сил тренируется, пока здоров, участвует в каждом или почти каждом матче своего клуба, может напиться-подрасться, завёл себе домашнюю девушку, потом решил приручить ещё одну, дикую... Всё это

не от хорошей жизни!

Мне сделалось жаль Ярека до боли в сердце, и я тихонько заплакала.

«Бедный Ярек! Выздоровливай скорее! – Обращалась я к нему мысленно. – Кажется, я втрескалась в тебя по уши, но мне нечего дать тебе, кроме помощи и дружбы. За свои тридцать с небольшим лет ты пережил столько ужаса и боли! Прости, Ярек, но я буду любить тебя издалека. Как бы я ни относилась к тебе, я не позволю больше никому использовать меня. Это исключено!»

Мой горячий, обильно смоченный слезами мысленный монолог прервал международный вызов. Звонила мать. Интересно, она в курсе, во сколько ей вылезет желание потрепаться посреди ночи? Дома время давно перевалило за полночь. И, потом, я же просила её писать мне сообщения, если что-то нужно. Почему она всегда пропускает мои слова мимо ушей?!

– ... весело проводишь время! – Вещала мать каким-то возмущённо-восторженным тоном. – ... сбивает с пути! Мне этот твой Милан никогда не нравился!

Я хотела в отместку ей сказать то же самое о её друге, но, во-первых, это было бы неправдой, потому что Анатолий Иванович мне нравится; это у него я научилась шутить с непроницаемым видом и делать вид, что ничего не боюсь, даже когда внутри всё сжимается от страха. Во-вторых, сказать такое было бы глупо, по-детски как-то.

– А кто из моих друзей тебе нравится, мама? – Спросила я как можно спокойнее.

На том конце повисла тишина, нарушаемая звуками работающего телевизора.

– Ну-у... Ну, я не знаю! – Выдала мать, наконец.

– Вот, и я не знаю...

– Вообще-то, я не об этом хотела с тобой поговорить! – Вывернулась мать.

– Ты начиталась обо мне всяких глупостей в Интернете? – Догадалась я. – Это всё неправда.

– Так уж, и всё? – Засомневалась мать.

– Всё. От начала и до конца! – Заверила я её.

– Видишь ли, Яна... – Снова начала мать, – дело не в том, сколько у тебя любовников и как ты проводишь с ними время. В конце концов, ты взрослый человек и отвечаешь за себя сама! Дело даже не в том, что родня и соседи прокололи мне все глаза твоим поведением. Просто ты мне такая не нравишься! Все эти шопинги по бутикам в сопровождении толпы поклонников, автографы, рестораны, шикарные наряды... Не твоё это всё, понимаешь?

– Я тебе всегда говорила об этом, – легко согласилась непутёвая дочь. – Я простая, ничем не примечательная девушка. Фельдшер...

Зря я произнесла это слово. Я совсем забыла в свете последних событий своей бурной жизни, что оно действует на мать, словно упоминание о прошлых романах мужа

на ревнивую жену. Она в своё время была категорически против моего поступления в медицинский колледж после девятого класса. Ей хотелось, чтобы я шла протирать штаны в десятый-одиннадцатый, а после – учиться пять-шесть лет на юриста или экономиста какого-нибудь, затем перебирать бумажки в пыльной конторе, «как все нормальные люди», но я тогда взбунтовалась так, как не бунтовала больше никогда.

– ... понос и рвоту! – Разорялась мать. – Тоже мне, призвание! На кого ты стала похожа, работая этим своим фе-е-е-ельдшером! – Последнее слово было произнесено с такой неприязнью и брезгливостью, что я расхохоталась.

– Видимо, я тебе больше нравилась, когда работала в администрации, да, мама? – Весело осведомилась я. – Зелёное лицо, перекошенное нервным тиком, синие круги... даже не под глазами, а вокруг них, серые губы! Вот, это был шедевр! Чистый Пикассо!

Мать замолчала на секунду, а потом выдала:

– Ну, нет, что ты! Тогда ты мне тоже не нравилась.

– А, когда я тебе нравилась? – Взорвалась я, словно граната в руках глупца, стащившего с неё зачем-то кольцо. – Я тебе и в школе не нравилась, потому что не была квадратно-гнездовой отличницей, потому что посещала дзюдо вместо нежно любимой тобой художественной гимнастики и драмкружок вместо музыкалки! Я тебе и в драмкружке, на сцене, тоже не нравилась, причём ни в одной роли – ни

Бабы Яги, ни пажа, ни Настеньки! На кой ляд вообще было меня рожать, если я никуда не вписываюсь, не вкакиваюсь, никогда тебе не нравлюсь и, вообще, со всех сторон неправильная?!

На том конце давно шли короткие гудки, а я всё кричала и кричала в трубку свои обвинения, заливаясь уже не горячими даже, а, кажется, кипящими слезами. Входящие и выходящие женщины посматривали на меня кто со страхом, кто с недоумением. Одна из них, кажется, немного понимающая по-русски, сочувственно покачала головой, вышла и... привела с собой Марженку! Ну, кто её просил?

А кто просил меня тащить Милана в салон, в парк, на пробежку, в театр и в ресторан? Кто звал меня в комнату Яромира, когда там посреди ночи горел свет? Кто умолял Ярка везти друга-музыканта в салон для спортсменов и выбирать там для него стрижку футболиста? Кто просил доброго и правильного Милана давать мой номер телефона блудливому и лицемерному Збогару? Люди склонны проявлять заботу друг о друге, и это прекрасно. Правда, объект заботы не всегда бывает этому рад, но, что поделать!

Через десять секунд я рыдала в объятьях Марженки, мгновенно залив слезами плечо её ультрамодного, серого с красными вставками платья. Марженка гладила меня по волосам и повторяла:

– Всё будет хорошо, деточка моя! Всё перемелется! Он просто ещё не понял, какое сокровище ему досталось! Он

подумает и прибежит обратно, и прощения у Янички попросит, – успокаивала Марженка, решив, что я поссорилась с молодым человеком.

Ну, вот! И она туда же!

– Я с мамкой поругалась! – Прорыдала я.

Оставалось только добавить, что именно поэтому я теперь у Милана и перекрываюсь, как Ванька.

– Это нехорошо, конечно, – тут же перестроилась Марженка, – но тоже поправимо. Между родными людьми бывает всё! Я тоже, знаешь, как со своей мамкой ругалась в твои годы? Она хотела, чтобы я вышла замуж... уже хоть за кого-нибудь, нарожала двоих-троих детишек и ходила бы по Любляне, толстая и довольная. Но, не тут-то было! У тётки Марженки совсем другие интересы. Вот и ты никого не слушай, живи своей жизнью. А мамочке твоей мы пошлём чудесный подарок, она и успокоится!

Кстати, хорошая мысль насчёт подарка. Мать всегда их любила и умела получать. Марженка молодчина! Она вовремя может сказать нужные слова. Они у неё самые простые, но, в тоже время, самые действенные.

Мой агент заставила меня умыться и замазать выступившие на моём лице красные пятна её плотным тональным кремом, не особо заботясь о растушёвке его по коже.

– Всё равно уже ночь, – пояснила Марженка, – и освещение в зале приглушённое. Никто ничего не разберёт. Мы сейчас проводим вас с Миланом до машины, а Милану всё рав-

но, чем там вымазано твоё лицо, он видел тебя всякой!

И она рассмеялась своим молодым, серебристым смехом. Нет, мой агент не серебро, и не золото даже, а настоящий кусок платины высшей пробы!

Лица мужчин, ожидавших нас в зале, были напряжёнными и встревоженными. Я видела, как Милан отказал одной симпатичной молодой особе, пригласившей его на белый танец. Видимо, моё долгое отсутствие и впрямь напугало его.

– Наконец-то! – Сказал он, поднимаясь нам с Марженкой навстречу. – Я уж думал, тебя похитили, сестра! – Быстрый поцелуй в щёку.

– Ничего страшного, братец, – ответила я, как можно веселей и беспечней. – Я с мамкой по телефону заболталась!

– Очень хорошо, когда между пожилыми родителями и взрослыми детьми такие тёплые, доверительные отношения! – Изрёк Борис, и я подумала, что да, наверное хорошо. Жаль, что мне это неведомо.

– Время уже позднее, – произнесла Марженка задумчиво. – Не пора ли нам по домам? Всем нам, кроме Бориса, завтра рано вставать, так что...

Мы дружно с ней согласились, мужчины расплатились по счёту, и наше маленькое общество двинулось к выходу, ловя на себе радостные, восхищённые и огорчённые взгляды других посетителей и посетительниц «Рыбного Дома». Брат и сестра, как и обещала Марженка, проводили нас до машины, мы ещё раз условились о встрече с Борисом, и я уселась

в автомобиль Милана рядом с ним.

На моего кровного брата неожиданно накатил приступ нежности, и он решил легонько погладить меня по щеке своим твёрдым, мозолистым указательным пальцем. На пальце при этом остался заметный слой тонального крема Марженки. Милан расхохотался и произнёс сквозь смех:

– Как хорошо, что ты приехала ко мне, сестрёнка! Без тебя я бы уже давно умер от тоски!

– Твоей сестрёнке клоуном работать в цирке! – Рассмеялась я в ответ и серьёзно добавила: – Без грима.

Мы снова так и покатались со смеху. Отсмеявшись, Милан спросил:

– Сильно она довела тебя на этот раз?

Он был в курсе наших с матерью отношений и всегда принимал мою сторону ещё до того, как вникнет, по обыкновению своему, во все детали.

– Изрядно, – честно призналась я. – Правда, я и сама наговорила в этот раз много лишнего.

Узнав, чего именно я наговорила, Милан успокоил меня:

– Ты правильно сделала. Пусть знает правду!

– Кто-то из великих сказал, что правду не надо швырять, как мокрое полотенце. Её следует подавать с поклоном.

– Ты уже миллион раз подавала ей правду с поклоном! – Возмутился Милан. – И та каждый раз летела тебе в лицо, как камень! Может, хватит уже?

– Ты прав, Милан, – согласилась я. – Конечно, хватит. Я

не обязана соответствовать чьим-то представлениям о себе, даже если этот кто-то – моя мать. Она проживает свою жизнь так, как хочет, вот, и я ничем не хуже!

Мы закрыли эту тему и принялись болтать о том, как хорошо и плодотворно мы провели этот вечер, обсуждать еду и убранство ресторана, строить, достраивать и перестраивать планы на завтра-послезавтра.

В приподнятом настроении мы с Миланом вошли в гостиную, а там...

В гостиной стоял аромат каких-то диковинных, тяжёлых благовоний вперемешку с запахом давно не мытого человеческого тела, словно в приёмный покой больницы привезли индианутую тётеньку и грязного, загульного, командировочного дядьку одновременно. Мы с Миланом недоумённо переглянулись.

Однако рано мы начали удивляться.

На диване перед телевизором восседала... самая настоящая, разряженная в пух и прах, колоритная цыганка. Возраста она была явно далеко за пятьдесят, скорее, ближе к шестидесяти. Очень худая, кожа и кости. Платье на этой эксцентричной особе было тёмно-синее с крупными золотыми звёздами. Золото красовалось у неё в ушах, на руках, шее, запястьях и, как вскоре выяснилось, во рту, в виде золотых коронок.

Лицо цыганки было, конечно же, смуглым, волосы и глаза чёрными, а тонкие губы изо всех сил подчёркнуты яр-

ко-красной помадой. Нанесена помада была довольно криво. Видимо, тётенька страдала дальновзоркостью, как и многие люди её возраста, но очков не надевала. На её вполне типичной, в общем-то, для цыганки физиономии со страшной силой выделялся нос. Я ещё никогда не видела таких тонких, горбатых и нагло выпирающих носов, но его обладательницу это «сокровище», кажется, нисколько не смущало: гордая посадка головы, вальяжная поза и невозмутимое выражение лица выдавали в ней очень уверенного в себе человека.

– А, явились, касатики! – Приветствовала нас тётка. – Я вас тут давненько уже поджидаю!

– Какого чёрта... – начал Милан, медленно, но верно заводясь.

Цыганка вскинула руку ладонью вперёд и предостерегла его:

– Никаких чертей ближе к ночи, касатик! А то, неровен час, явятся. Хотя, тебе ли их бояться, с таким-то ангелом-хранителем? – Произнесла она гораздо мягче и веселее, указывая на меня. – Я, собственно, по твою душу явилась, голубка. Иванко просил меня погадать тебе, девица.

Ах, вот оно что! Цыганку привёл Иван, чтобы она погадала мне. Интересно, кто его... впрочем, о людской заботливости я сегодня уже рассуждала.

– Так, вы друг нашего Ванечки! – Выдала я первое, что пришло в голову.

– Друг! – Презрительно повторила цыганка. – Я его цы-

ганская мать!

Значит, вот, к кому Ванька сбежал в своё время от родителей!

– Тётка Джульетта я, – представилась не прошенная гостья.

– Я вернулся! – Послышался из прихожей звонкий голос Ванечки. – Марек поссал и... Ой, простите, Яничка. Знакомьтесь, это...

– Мы уже познакомились, – обрубила его тётка Джульетта. – Сядь в уголке и не мешай, ирод цыганский!

Я думала, что Джульетта, сейчас достанет карты, либо попросит мою руку, но она велела дать ей какую-нибудь мою вещь и..

– Заткнитесь всё! – Жахнула она, хотя мы и так молчали. – Мне нужно время, чтобы сосредоточиться.

Зажав в руке мою длинную, висячую моно-серьгу, Джульетта залезла с ногами на диван, забилась в самый дальний его угол и закрыла глаза. Милан давно уже сидел за столом, безучастно наблюдая происходящее. «Ирод цыганский» Иван присел на краешек кресла, постоянно отбрасывая с лица свои светлые, прямые волосы и неподвижно глядя перед собой бледно-зелёными глазами. Марек, как всегда, примостился возле его ног.

– В общем, так, красавица, – начала тётка Джульетта. – Я не совсем понимаю, зачем этот болван, – небрежный жест в сторону Ивана, – привёл меня сюда. Я гадаю только тем, кто переживает тяжёлые времена, у кого, как говорят ваши

новомодные психологи, кризис в жизни, а у тебя всё хорошо! – Резюмировала она.

Да, у меня всё восхитительно! Лучше и не придумаешь. Надо сунуть ей пятёрку, этой гадалке недоделанной, и пусть катится в свой табор, варит ужин своему цыганскому барону или приворотное зелье на продажу, или что-нибудь ещё. Надо после её ухода проветрить, как следует, гостиную.

– Как, всё хорошо? – Вклинился Иван. – Яничка два дня назад в монастырь собиралась! Ещё она всё утро... – Тут Ванька осёкся, потому что для Милана с утра у меня была мигрень.

– Всё у неё хорошо! – Произнесла тётка Джульетта тоном, не терпящим возражений. – Янина уже встретила свою любовь. Высокий, золотоглазый шатен. У них полная взаимность, и в будущем они останутся вместе.

Иван рухнул в кресло, прикрыв ладонью глаза.

– Да, тут хоть обделайся кровавым поносом! – Выдала цыганская мать, видимо, в ответ на жест своего словенского сына.

– Но, у него... – робко начала я, пытаюсь сказать, что у Яромира уже есть девушка, причём не какая-нибудь дикая вроде меня, а ручная, домашняя.

– У него вся душа по тебе изболелась, голубка ты моя сахарная! – Запричитала тётка. – Он жизни своей без тебя не мыслит, так ты его зацепила. Бросишь – с ума сойдёт! – Резюмировала она. – Ещё успех тебя ждёт, красавица, день-

ги, слава... Нет, этот Иван меня точно с ума сведёт! «Яничке плохо, погадай Яничке...» Тьфу!

Тут тётка Джульетта поднялась с дивана, подошла ко мне поближе и попросила Ивана включить верхний свет, потому как всё это время в гостиной горел только лишь торшер да пара неярких светильников, вделанных в стены. Цыганка внимательно взгляделась в моё лицо и без всяких церемоний, достаточно грубо спросила:

– А, чего ревела-то, дура? – Я настолько остолбенела от этого вопроса, что ничего не смогла ответить, а Милан вскочил со своего места и двинулся к нам, уничтожающе глядя на тётку. – О его здоровье переживаешь? – Продолжала та невозмутимо. – Зря! Он молодой, сильный, скоро поправится. Ну, поболит немного, потом ещё похандрит чутка, а после будет, как новенький! Вот, ведь! Нашла, из-за чего слёзы лить!

Похоже, тётка Джульетта умела гадать только на личную жизнь и успех. Моих горьких слёз, пролитых из-за ссоры с матерью, она, кажется, не увидела в упор. Ну, и шут бы с ними. На меня неожиданно нахлынула такая усталость, что ноги начали подкашиваться. Я достала из сумочки двадцатку и молча протянула её гадалке. Та с охотой взяла деньги. Я думала, что она сейчас уйдёт, но нет. Джульетта принялась болтать о том, какие мы с Миланом, оказывается, хорошие люди.

– ... и друг замечательный! – Нахваливала она Милана. –

Когда в прессе началась вся эта шумиха вокруг вас с Яничкой...

– Какая тебе пресса? – Встрял Иван. – Ты читать-то не умеешь!

– Заткнись, ирод цыганский! – Задвинула его строгая таборная мать. – Старших уважать надо, а в тебе ни капли почтения не имеется. Отсюда все твои беды!

– А, твои откуда? – Спросил Иван саркастически.

– От верблюда! – Обрубила его в очередной раз тётка Джульетта. – Жизнь – она как лес хвойный. Каждый иголками исколется, и каждый свой урожай шишек соберёт. Верно я говорю, господин Котник? – Обратилась она к Милану. – Вот, ты, например, касатик, купился в своё время на красивую обёртку, да, и упустил настоящий брульянт! – Чёрный, кривоватый палец направился прямо в мою плоскую, спортивную грудь, дабы ни у кого из присутствующих не осталось сомнений по поводу того, кто здесь есть «настоящий брульянт», а то вдруг Ванька или Марек.

От её слов Милан густо покраснел.

– Тебе ещё адски сvezло, что Яничка сестрой тебе быть согласилась! А то лежал бы сейчас с судном под задницей, и кормили бы тебя с ложки. Так, вот, – продолжала милая тётечка, как ни в чём не бывало, – весь наш табор после тех позорных статей про вас на дыбки вскинулся. Все галдят, как так, мол, культурные люди, сплошь знаменитости, книжки умные пишут, на виолах шпарят, по чемпионатам ездют,

а сами... Я им тогда сразу сказала: «Заткнитесь, ироды цыганские! Не смыслите ни черта в жизни, так хоть рты свои не разевайте! Яничка Рупник – ангел с крыльями, брат её кровный Котник, – тут Милан посмотрел на Ивана настолько выразительно, что тот весь сжался в своём кресле, – вообще божий человек! Да, и друг его, Збогар, – не кто попало! Господин Котник, с кем попало, не водится! Разве что, с нашим Иванком, да, и то по родственной необходимости. Всё врут эти ваши газеты, и не годятся ни на что, кроме как... на самокрутки!

Она ещё долго могла бы так разоряться, но Милан достал из бумажника, кажется, тоже двадцатку и позолотил Джульетте её чёрную, цепкую ручонку, после чего та, наконец, свернула своё выступление, откланялась и отбыла в ночь в сопровождении смущённого, окончательно сжавшегося в комок Ивана.

Я открыла все окна в гостиной, которые были затянуты сетками от комаров, и в комнату хлынул свежими струями упоительный ночной воздух, вытесняя на своём пути цыганские благовония и прочие застоявшиеся ароматы. Милан застыл посреди гостиной. Он был до крайности смущён и прятал от меня взгляд. Я подошла, обняла его за плечи и заставила посмотреть мне в глаза.

– Всё в порядке, Милан, братец мой дорогой, – тихо произнесла я. – Всё сложилось, как сложилось. Обратного уже ничего не вернёшь, – Милан порывисто кивнул. – Всё будет хо-

рошо, – продолжала я. – Всё, что наше – останется при нас. Всё, что не наше – уйдёт.

– Да, сестрёнка, – произнёс Милан, овладев собой. – Наше никуда от нас не денется, а чужое не удержишь, как ни старайся.

Я сказала, что буду у него через двадцать минут. Сама направилась в свою комнату, не спеша разделась, приняла душ, облачилась в домашний костюм. После собрала грязные вещи, пошла с ними в прачечную и запустила стирку. Пока я буду заниматься Миланом, стирка как раз закончится. Я успею всё повесить и лягу спать... на пару часов, чтобы потом навестить Милана, шатаясь и тараща от недосыпа глаза. То, что я настирала прошлыми ночами, покоилось теперь в корзине для глажения и тоже требовало внимания и ласки. Что ж, всему своё время. Сейчас надо, как можно скорее, уложить Милана, а то скоро уже забрезжит рассвет, а мы ещё и не думали ложиться.

Я делала Милану массаж под аромат ванили и музыку для релаксации, сочинённую когда-то в древности невозмутимыми сынами гор. Мы вели неспешную, приятную беседу. К счастью, Милан не заговаривал ни о Яреке, ни о нашем прошлом, а то я не знаю, что со мной было бы.

В этот раз он лёг в кровать сразу же после душа и не возражал, когда я погасила весь свет в спальне.

– Спокойной ночи, Яничка, – произнёс Милан мягко.

– Спокойной ночи, Мильчик, – отозвалась я.

Я очень редко называла его этой уменьшительной формой имени, разве что когда Милан болел, либо умирал кто-то из его близких, но сегодня особенный день, и мы никому об этом не скажем.

Я решила на сон грядущий прослушать последнее сообщение Ярека, ведь до него так пока и не дошла очередь.

– Спокойной ночи, Яничка, мой золотоволосый, синеглазый ангел! – Произнёс совершенно осипший, больной голос Ярека, и из глаз моих уже в третий раз за эти бешеные, нескончаемые сутки заструилась надоевшая до колик, солёная, горячая влага.

Глава 15

Кто-нибудь объяснит мне, почему самые заезженные штампы вызывают такую бурю эмоций, когда произносятся любимым голосом и вливаются при этом в любящие уши? Я подозреваю, конечно, что ответ кроется в самом вопросе, но, всё же, есть вещи, которые никогда не перестанут меня удивлять.

Проснувшись через два часа, когда небо на Востоке начало уже оранжеть, я, шатаясь и позёвывая, отправилась в комнату Милана проверить, всё ли с ним в порядке. Открыв дверь, я обнаружила, что Милан спит сегодня в своей комнате не один: на кушетке возле стены примостился, поджав ноги, Иван, а под кушеткой вытянул свои длинные чёрные лапы Марек.

Ванька сразу же замахал на меня руками, мол, иди, спи, нечего тут шататься по ночам. Взглянув на Милана, я поняла, что спит он на этот раз спокойно и крепко. Я вышла, не забыв жестами поблагодарить Ивана за заботу. Прав был Милан: Ванька добрый парень, но, сколько в нём всего остального при этом! Я подумала с надеждой, что когда-нибудь всё остальное перерастёт в нечто лучшее, и под эти благодные мысли уснула до половины восьмого утра.

Я не спеша поднялась, умылась, почистила зубы, оделась и спустилась в гостиную. Вид у меня, конечно, после вчерашнего слёзопролития был так себе, но я знала: ничто не разгоняет отёчность лица лучше, чем хорошая физическая нагрузка с утра пораньше. Милан ждал меня внизу, полностью готовый к пробежке. Утро обещало быть ясным, спокойным и обычным, но это я зря так подумала.

Выйдя из калитки, мы с Миланом оба застыли в немом изумлении. На противоположной стороне улицы нас ждал... Борис собственной персоной! Оказывается, этот атипичный юрист не только интересный собеседник, но, и слушатель замечательный. Вчера за ужином Милан всего лишь раз вскользь упомянул о том, что мы с ним собираемся в восемь утра на пробежку, а Борис запомнил, и – вот он, тут как тут! Интересно, как он сюда попал? Видимо, приехал на такси. Я знала, что Марженка живёт в городской квартире в самом центре Любляны, а это далеко от дома Милана.

По правде сказать, мы оба – и я, и Милан, – были немно-

го раздосадованы появлением незваного партнёра. У нас за много лет сложился свой темп и ритм тренировок, а тут посторонний человек. Вдруг он будет тащиться как черепаха и всё время просить подождать его? Или, напротив, примется демонстрировать нам свои спортивные достижения, потихоньку вминая нас... сами понимаете, во что.

Однако все наши опасения оказались напрасными. Борис проявил себя как замечательный партнёр по бегу. Он влился в наш с Миланом маленький, дружный коллектив без малейшего напряжения, словно занимался с нами вместе целую вечность.

После пробежки Милан пригласил Бориса в дом:

– Куда вы поедете в таком виде? – Обратился мой брат к нашему новому знакомому. – Пойдёмте, примите душ и переоденетесь в сухое. Кажется, у нас с вами примерно один размер.

– От душа не откажусь, – согласился Борис, – а всё своё ношу с собою! – Выдал он с хитрой улыбкой, извлекая из кустов перед домом Милана свой выдавший виды армейский рюкзак. Мы все трое дружно рассмеялись.

Я заметила, что глаза у Бориса почти того же цвета, что и у Яромира, только не такие большие и выразительные. Вечера вечером в приглушённом свете «Рыбного дома» они казались совсем тёмными, а утром выглядели намного светлее, да, так и отливали золотыми искрами! Ещё у Бориса очень весёлый, почти юный смех.

Я начала вспоминать, что говорила цыганская мать Ванечки прошедшей ночью. Высокий, золотоглазый шатен... Борис тоже шатен с золотыми глазами, а для низкорослой тётки Джульетты его средний рост вполне себе мог показаться высоким. Правда, смущают некоторые мелочи вроде моих переживаний о здоровье этого самого шатена... Так, тётка могла и попутать! Мало ли, что?.. Меня охватил приступ самой дурацкой весёлости, и весь наш короткий путь до Миланова крыльца я петросянила так, что мужчины покатывались со смеху.

Войдя в дом, я сказала, что жду всех к завтраку примерно через сорок минут и отправилась в свою комнату.

Едва войдя к себе, я вздрогнула и чуть не начала заикаться, потому что на моей кровати возлежали его высочество наследный цыганский принц Иван Робертович Котник собственной персоной. Возле окна валялся довольный Марек, догрызавший мою любимую деревянную расчёску.

– Что это за хмырь с вами припёрся? – Поинтересовался Иван равнодушно.

– Какого чёрта ваш пёс лакомится моей расчёской? – Спросила я в тон ему.

– У вас, Яничка, этих расчёсок – хоть магазин расчёсочный открывай! Ну, сгрыз одну, что вам, жалко, что ли?

Объяснять, что, да, мол, жалко, потому как это была совершенно особенная расчёска из ценной породы дерева, было бессмысленно. Поэтому я просто велела Ивану убирать-

ся ко всем чертям с моей кровати и никогда больше не валяться на этом необыкновенной красоты розовом покрывале в уличной одежде. Это меня нервирует.

– А без одежды можно? – Спросила наглая рожа, хитро прищурясь. – И без покрывала... Ой!

Это я без лишних слов стряхнула Ваньку с кровати.

– Вот, всегда вы так! – Бушевал Иван, лёжа на полу. – Только начнёшь с вами дружить, вы сразу же принимаетесь занудичать, как... Милан! Что вы с ним за люди такие?

Верный Марек, заслышав возню, оторвался ненадолго от остатков моей расчёски, повернул голову в сторону обиженного хозяина и... принялся спокойно грызть то, во что превратилась некогда хорошая вещь дальше. Поразительный пёс! Видимо, в нём не было ни капли агрессии, и такие вещи, как бросание людей, в частности его хозяина, на пол он воспринимал не более как игру.

– К нам пришёл Борис, – соизволила я, наконец, ответить на первый вопрос Ивана, – брат Марженки, моего литературного агента. Мы ужинали с ним вчера в «Рыбном Доме», а сегодня Борис любезно решил составить нам с Миланом компанию во время пробежки. Будьте с ним повежливее, Ванечка, прошу вас. Не хватало Милану ещё из-за вашего поведения перед посторонними краснеть!

– Поразительно! – Изрёк вдруг Иван, продолжая валяться на полу.

Похоже, ему сегодня было всё равно, где валяться. У него,

видимо, был день валяния Ваньки.

– Что поразительно? – Не поняла я.

– Некоторые люди умудряются выглядеть дьявольски притягательными, даже взмыленные после пробежки, даже когда занудничают...

– Вы Милана имеете в виду? – Осведомилась я, не моргнув глазом.

– Всё шутите, – констатировал Иван. – Надо бы вам становиться серьёзнее, Яничка, не то какой-нибудь хмырь вроде этого, в клетчатых трусах...

– ... охмурит меня, да и бросит с ребёнком! – Закончила я торжественно. – Аминь.

– Этот не бросит, – изрёк многоопытный юноша, – он как репей. Вы от него теперь не отвяжетесь.

– А, кто вам сказал, что я хочу непременно отвязаться от Бориса? Он, между прочим, очень интересный человек!

– А, как же бедняга Ярек? – Спросил Иван, состроив жалостливую мину, с притворными слезами в голосе.

Кровь прихлынула к моей голове. Ваньке было трижды... Нет, тридцатикратно плевать на Ярека, просто мерзкому мальчишке нравится меня ковырять! Ему нравится ковырять Ярека, Милана, родителей, свою цыганскую мать Джульетту... Всех, одним словом! До чего гадкий характер! Однако я решила не поддаваться на его провокации. Вдох-выдох и вопрос, заданный почти спокойным тоном:

– Ярек устроил свою личную жизнь, а я чем хуже?

– Вот, именно, Яничка, что не хуже, а лучше! Вы гораздо лучше долбоклака Ярека и протокольной рожи Бориса. Вы совсем другого заслуживаете!

«Пострига?» – хотела я спросить, но привычно сдержалась. Вместо этого предложила Ванечке выметаться из моей комнаты к чёртовой бабушке, пока не отпинала его до синяков. Марек как раз догрыз мою расчёску и заскучал, поэтому Ванька счёл за лучшее последовать моему любезному предложению насчёт чёртовой бабушки.

Наконец-то, я осталась одна! Правда, немного выводила из себя смятая кровать, да, и щепки на полу спокойствия не добавляли, но я, кажется, уже начинаю привыкать к тому, что там, где я нахожусь, всегда стихийно возникает какой-то филиал псих-диспансера.

Наскоро приняв душ, я кинулась вниз и принялась с бешеной скоростью готовить завтрак. Смешав молоко, яйца и немного муки, я сделала пышный омлет, красиво порезала на одну тарелку овощи, на другую ветчину и сыр, отварила семь сосисок. Я почти закончила сервировать стол, когда трое голодных мужчин, не считая одного чёрного кобеля, спустились к завтраку.

Я сварила кофе на всех, Милан помог накрыть на стол. Борис и Ванечка азартно обсуждали недавний футбольный матч словенской сборной против сборной Испании, где наши продули, конечно, но забили при этом два очень красивых гола.

Я подумала, какой душка этот наш новый приятель Борис – с любым человеком находит, о чём поговорить и моментально гасит в людях искры враждебности к нему. Сразу было видно, что этот человек умеет добиваться своих целей. И, знаете что? Он мне вполне симпатичен!

Завтрак прошёл в тёплой, дружеской атмосфере. Даже Иван не фордыбачил. Устал, видимо.

В десять часов все мы разобрали садовый инвентарь и отправились, как и было запланировано, в сад, на субботник. Борис, конечно же, пошёл с нами. Мы же не хотим, сказал он, его медленной смерти от скуки! Что он забыл в уютной, но такой пустой квартире сестры? Он там ещё не все углы сосчитал? Здесь же, на свежем воздухе, в приятной компании Борис проведёт замечательный день! Ну, и что, что придётся задарма вкалывать в чужом саду? Ему это только в удовольствие! Он и на автограф-сессию с нами поедет, только заскочит домой переодеться и – вуаля! – он готов. Что? У меня сегодня творческий вечер в семь часов? Да, он помнит об этом, и это просто замечательно! Конечно, он пойдёт с нами и обещает со своей стороны всяческую моральную и другую поддержку.

В общем, в тот день мы обрели ещё одного друга и компаньона.

Милан решил начать работы с дальнего конца сада. Мужчины окапывали и белили деревья, окуривали их от вредителей, а я занималась цветочными клумбами. В одиннадцать

часов утра приехала служба чистоты, и я провела сотрудников в дом, обозначив фронт работ для них. Мою комнату тоже попросила убрать, потому, как в ней намусорил с утра один очень обаятельный, но совершенно невоспитанный гость, а убирать за ним мне сегодня некогда, хоть разорвись.

Примерно через полчаса, проходя мимо крыльца, я услышала вызов домофона. Мужчины в это время находились в дальнем конце участка, и моё маленькое приключение так и осталось для них в тот день тайной.

Сдёргивая на ходу перчатки, я направилась прямо к калитке, распахнула её настежь, потому как, кого мне бояться? Если что, моя маленькая армия садовых гномов отобьёт меня лопатами у любого зловредного вражины! Однако передо мной предстало... нет, не чудище заморское, и даже не пугало огородное, а... прекрасное, юное создание!

Росту создание было почти вровень со мной, необыкновенно худенькое и хрупкое. На вид не более восемнадцати-двадцати годков. Впрочем, современные девушки и женщины так долго остаются молодыми и свежими, что созданию могло быть и двадцать пять, и даже двадцать восемь лет, я бы не особо этому удивилась.

Глаза девушки были большими и карими. Длинные тёмно-каштановые волосы, собранные в непритязательный конский хвост, доставали почти до кругленькой, упругой попки. Одетая прелестница была в обтягивающие чёрные шорты

до середины бедра и короткую маечку ярко-жёлтого цвета, пересечённую по диагонали коричневым ремешком сумки. Почему-то вспомнилось велоночное «жёлтая майка лидера». Вот, он, лидер. Здравствуйте, товарищи лузеры.

– Здравствуйте! – Надо же, мы ещё и вежливые! – Яромир Збогар здесь остановился? – Полюбопытствовало очаровательное создание.

– Здесь, – кивнула я, ответив на приветствие.

– Я могу его видеть?

– А, кем вы ему приходитесь, если не секрет?

– Я его девушка, – ответила она, явно гордясь этим фактом до искр из глаз.

– А, я сестра хозяина, Янина, – представилась я.

– Очень приятно, Лидия! – Девушка сделала лёгкий книксен. – Меня так в честь бабушки назвали. Она у меня известная актриса, – и снова искры из глаз от гордости.

Так, вот, ты какой, твою бабушку, северный олень! Хотя, нет, какой там олень, да ещё и северный? Это не олень, а косуля, причём южная. Любляна ведь намного южнее Москвы, значит, южная, а косуля – потому, что очаровательные карие глаза Лидии немного косили; так, самую малость. Это несколько её не портило, наоборот, придавало некий шарм её обычному, в общем-то, хоть и очень симпатичному личику. Отчего-то вспомнилась булгаковская секретарша «с косыми от постоянного вранья глазами», но, мы ведь знаем, что всего лишь метафора.

«Хорошая девочка Лида», – написала когда-то Агния Барто, и оказалась права. Неплохой вкус у нашего футбольного страдальца!

Я лихорадочно раздумывала над тем, как бы помягче преподнести Лидочке новость о том, что её недо-супруг находится сейчас в больнице. Судя по всему, Яромир не говорил ей об этом, чтобы не волновать. В любом случае, её должна расстроить эта новость, поэтому я сказала просто:

– Вы знаете, Лидия, а Яромир попал в больницу!

– Да, вы что? – Удивилась Лидусик, и на её хорошеньком личике не отразилось ровным счётом ничего, кроме вежливого недоумения.

«Вот это самоконтроль!» – подумалось мне, но вслух я сказала:

– У него случилось обострение после операции, и вчера его положили в клинику.

– Я хочу немедленно навестить его! – Закапризничала девушка.

– Может, пройдем сначала в дом, отдохнёте с дороги, – начала предлагать я, но мадемуазель только что не топала ножкой:

– Нет, нет и ещё раз нет! Я хочу поехать к Яреку сейчас же!

– Хорошо, не нервничайте так! – Успокоила я её. – Сейчас поедем.

Я вышла на улицу, в чём была – в широких, зашарушенных спортивных штанах серого цвета и огромной, чёрной,

застиранной футболке. Всё это я откопала в обноскох Милана. Мы с Лидией присели на скамеечку возле ворот, я достала из кармана телефон и принялась вызывать такси.

Такси объявилось через три минуты, мы сели в него и поехали. Минут через десять уже входили в ворота клиники, а ещё через пять или того меньше стояли перед дверью в палату Яромира.

– Вот, его палата, – сказала я Лидии, указывая на дверь. – До свидания. Если вам негде остановиться, приезжайте вечером к нам.

– Нет, благодарю, – отозвалась Лидия. – Я одним днём приехала. Наш с... С Яромиром дом не очень далеко от столицы, – поведала она мне. – А, вы со мной разве не пойдёте? – Спросила она вдруг.

– Нет, благодарю вас, – ответила я. – У меня на сегодня ещё очень много дел. Передавайте от меня привет Яромиру.

Мы попрощались, и я отправилась восвояси. Правда, я не захватила с собой ни денег, ни банковской карты, и водителю такси пришлось подождать меня у ворот Миланова дома, пока я бегала за своим кошельком.

После я, как ни в чём не бывало, продолжила полоть клумбы. Эта простая, не требующая интеллектуальных усилий, физическая работа, отвлекала и успокаивала. Если вы думаете, что из глаз моих лились хрустальные слёзы и красиво капали на беспощадно выдранные мной сорняки, то глубоко ошибаетесь. Я попрощалась с Яромиром вчера. Сегодня был

уже совсем другой день.

Где-то в его середине, в крупных хлопотах и мелкой суете, родился стих:

У нас с тобою мог бы быть роман
Пронзительный, отчаянно прекрасный,
Но он в архив нечаянно был сдан;
Нектар любви я тратила напрасно.

Переполняет душу горький стыд.
Едва дыша, гляжу в окно с тревогой.
Конечно, всё во мне перегорит,
Я не спеша пойду своей дорогой.

И, всё ж, благодарю тебя, мой друг,
За то, что промелькнул кометой быстрой;
За пламя глаз, за негу тёплых рук,
За чувства согревающие искры.

Глава 16

На обед мы заказали пиццу, и мне было радостно смотреть на лица мужчин и Ванечки, уплетавших её с большим аппетитом. Особенно радовал Милан. Пусть лучше он ест не совсем полезную пиццу и получает при этом удовольствие, чем питается полезной кашкой с ложечки из рук сиделки или из моих рук, мечтая при этом поскорее окончить

земные дни.

Я тогда ещё не догадывалась, кому и какую кашку мне в скором времени придётся варить здесь, на этой самой кухне, и какими последствиями она обернётся для всех нас.

К четырём часам дня я прибыла в книжный магазин для автограф-сессии в сопровождении четверых самых верных своих поклонников – Милана, Марженки, Ванечки и Бориса. Для этого мероприятия я выбрала платье, в котором прилетела в Словению несколько дней назад – чёрное с тёмно-красными вставками. Правда, мои высокие шнурованные ботинки остались на этот раз дома. Я заменила их лаковыми лодочками на небольшом, устойчивом каблукке. Мои спутники были в классических тёмных костюмах, а Марженка в восхитительном, модном платье глубокого, бирюзового цвета с белой отделкой.

– В мои годы надо бы уже носить вещи потемнее, но, так не хочется! – Кокетничала она, выслушивая в ответ заслуженные комплименты.

Само мероприятие прошло... Как и должно было пройти!

Я с самого начала предупредила, что не буду отвечать на вопросы, связанные с моей личной жизнью, отвечу только на те, что касаются моего творчества и работы. Однако некоторым людям хоть кол на голове теши. Причём, больше всех отличаются обычно те, от кого меньше всего ожидаешь.

– Как ваше творчество связано с вашей личной жизнью, Янина? – Спросил один благообразный дедок.

Что ж, благодарю за понимание, больше и сказать нечего!

– Ваша личная жизнь в последнее время такая бурная и насыщенная, а стихи снова о высоких чувствах! Как же так, Яничка? Когда ваши лирические герои начнут уже, ну, вы понимаете... взростеть, что ли... – Мямлила кругленькая домохозяйка примерно моих лет в бежевой кружевной блузке и в кудряшках.

Всю жизнь мечтала принародно обсудить это с тобой, дорогая!

– Да, будет вам известно, – ответила я, – лирические герои живут своей жизнью. Они любят, страдают, женятся и разводятся, когда им вздумается. К процессу взросления это тоже относится. Следующий вопрос, пожалуйста.

Время беседы с читателями подходило к концу. Я сказала, что следующий заданный ими вопрос будет последним на сегодня. Микрофон оказался в руках неопределённого возраста существа мужского пола. Это был явно городской житель, но он зачем-то отчаянно косил под неотёсанную деревенщину, есть такие любители. Их легко выделить из толпы по облезлым, грязноватым толстовкам, линялым джинсам, по которым ещё с момента их покупки рыдает помойка, давно не стриженным волосам, свисающим со лба слипшимися сосульками, растоптанным, а то и откровенно порванным кроссовкам...

– Скажите, Янина, а это правда, что вы спите со своим братом, Миланом Котником?

Стоящий рядом со мной Милан сжался, словно пружина, а после распрямился и совсем, было, уже кинулся на не простиранное чудовище в два раза крупнее себя, но я, уловив его движение, встала на пути, а Борис предупредительно удержал Милана под локоть.

– Скажите, любитель пива, гамбургеров и поэзии... городских окраин, – обратилась я к существу, овладевшему микрофоном, – а вы спите со своей сестрой?

Публика замерла. Существо побагровело.

– А, с братом?

– Ну, знаете, дамочка... – рявкнуло оно сторожевым псом.

Закончить фразу я ему не дала, потому что продолжила, обращаясь ко всем собравшимся:

– Вы видите, как неприятно человеку, когда ему задают подобные вопросы? Почему же кто-то из нас считает, что спрашивать о таком можно и нужно у публичной персоны? Вы не считаете нас людьми?

Повисло недолгое молчание, после которого все вразнобой загалдели, что нет, мол, мы вас очень даже считаем людьми, да, ещё какими!.. Да. Предела людскому лицемерию, как и глупости, видимо, нет. Спасибо, что мы сошлись хотя бы в вопросе о необходимости соблюдения приличий! Уже маленькая победа.

После мы наскоро поужинали впятером в одном хорошем ресторане, где предусмотрительный Борис заранее заказал столик, и отправились в Центральную Библиотеку.

Сказать честно, я никогда не любила устраивать творческие вечера. Это Марженка настаивала, что они должны иметь место в карьере любого писателя, хотя бы изредка. Ну, изредка, так изредка. Если это будет повторяться часто, я однажды сойду с ума. Да-да, уеду в псих-диспансер прямо со своего очередного, мать его, творческого вечера.

Каждое моё подобное мероприятие обычно похоже на предыдущее, словно один покойник на другого. Любое напоминает концерт постояльцев богадельни для дома престарелых.

Нет, ну, серьёзно. На сцене какая-то бредовая недо-самодеятельность по мотивам моих произведений. Она перемежается с зачиткой стихов и коротких рассказов, обычно юмористических, самим автором. В зале – процентов на семьдесят, если не больше – бабульки и дедульки, в основном, бабульки, конечно, либо граждане, близкие к ним по возрасту. Исполнители отчаянно бредят. Публика большую часть времени безмолвствует, изредка и невпопад награждая исполнителей жиденькими аплодисментами. Дурной сон какой-то!

К тому же, около трёх лет назад выискалась ещё и юная композиторша, сочиняющая музыку к моим стихам и сама свои так называемые песни исполняющая. Это ужас, я вам скажу.

Представьте себе толстую прыщавую девочку-подростка в страшных «бабушкиных» очках и с двумя тоненькими ко-

сичками по бокам своей упитанной физиономии. Она стоит на сцене, носки вместе пятки врозь, прижимает к животу такую маленькую гитарку, укулеле, закатывает глаза и, невероятно фальшивя, завывает ваши выстраданные бессонными ночами, нежно выпестованные стихи.

Представили? И, как вам? Добавьте к этому полную уверенность девочки в том, что она совершает некий творческий подвиг, выходя на сцену и облагораживая своим неземным пением мои скромные творения, и получите полную картину. Да, забыла ещё, что все песни Виктории, именно так зовут мою преданную поклонницу и композиторшу, написаны все на один, мало изменяющийся мотив, унылый и протяжный до дрожи.

Сама Виктория – прелесть, что за человек! Добрая, чувствительная, в меру наивная, библиотечная девочка. Поболтать с ней о книжных новинках, театральных постановках, концертах и выставках – одно удовольствие! Она хорошо знает и любит историю, может одинаково умно рассуждать, как о современных политических событиях, так и о делах минувших дней, но её песни... Я их терплю, конечно, потому, как больше никто за мои стихи в этом ключе пока всерьёз не брался, но не знаю, насколько ещё хватит моего терпения.

Однажды я запретила Марженке и библиотекарям сообщать Виктории о готовящемся моём очередном творческом позоре-кошмаре, дабы исключить её деятельное участие в этом ужасе. Вика узнала о состоявшемся без неё твор-

ческом вечере постфактум и рыдала так, что в библиотеке и её окрестностях тряслись стены. Мне потом стоило труда выпросить у ни в чём не повинного ребёнка прощения и загладить вину дорогими подарками из книжного магазина. Другие Вика просто не признавала. Больше я на подобные эксперименты не решалась и терпела творчество ученицы старшей школы Виктории Крацун со спокойствием и выдержкой вмёрзшего много тысяч лет назад в лёд мамонта.

Сегодняшний мой творческий вечер отличался от всех предыдущих... примерно, как яблоко от редьки, как яблонька от осинки, как летний ливень от росинки!

Начнём с того, что зал был заполнен процентов на семьдесят, если не больше, людьми вполне трудоспособного возраста, причём более трети составляла молодёжь обоих полов, как вскоре выяснилось, преимущественно студенты музыкального колледжа. Вскоре я узнала, кого мне за это надлежит благодарить.

Кстати, о полах. Состав моих сегодняшних зрителей сильно возмужал, в смысле, пополнился представителями сильной половины человечества.

Среди присутствующих Марженка заметила сотрудников нескольких известных издательских домов Словении, Австрии и Италии. Борис разглядел кого-то из французской издательской братии, а Милан с восторгом сообщил, что видит знакомого английского литературного агента. Вечер обещал быть не таким, как все предыдущие. Так оно, в общем-то,

и вышло.

В этот раз мне не удалось повидаться с Викторией перед мероприятием. С ней встретила Марженка, и она вчера вечером между рыбными блюдами, обсуждением дел и танцами поведала мне, что девушка прошлым летом поступила в музыкальный колледж на джазовое отделение и сильно изменилась в лучшую сторону внешне. Я порадовалась за свою юную подругу и, собственно говоря, забыла об этом.

Теперь, когда объявили, что вечер открывается новой песней Виктории на мои старые стихи, я вся сжалась внутренне, предвидя очередной ужас, стыд и унижение. Неужели нельзя было выбрать что-то поновее, когда я уже не так позорно писала!

Моему изумлению не было предела, когда на сцену вышла юная, стройная блондинка с модной стрижкой-лесенкой в асимметричном, полудлинном вечернем платье винно-красного оттенка и исполнила потрясающий блюз на мои стихи неожиданно сильным, мелодичным голосом. Аккомпанировал ей вполне себе приличный джаз-банд музыкального колледжа. Зал неоднократно вызывал её и группу музыкантов на «бис». Молодёжь свистела и вопила от восторга, взрослые, включая меня саму, аплодировали стоя.

Я ожидала всякого, но такое...

Когда после Виктории на сцену пригласили меня, голос мой поначалу предательски дрожал, но после я овладела собой и прочла пару своих последних стихотворений, которые

нигде ещё не были опубликованы. Я написала их буквально вчера-позавчера, как вы помните, «на коленке», между всеми своими разноплановыми делами и переживаниями.

Ещё в юности я заметила, что муза часто посещает меня за мытьём посуды, например, или в очереди на кассу в магазине, не говоря уже о работе: чем безумнее дежурство, тем чаще приходит рифма. Могу сказать без ложной скромности, что самые удачные мои стихи были написаны именно так, между делом, в суете дня и ночи.

Вот, и два последних моих детища были рождены посреди суеты и неурядиц прошедших дней под воздействием новых впечатлений и чувств. Зал слушал мои стихи, затаив дыхание. Муха пролетит – за самолёт примешь!

Милан часто говорил мне, что я очень хорошо читаю вслух, и даже Светка признавала, что у меня довольно приятный, низкий голос и что меня интересно слушать. Сегодня вечером мой голос звучал почему-то особенно притягательно. Зал буквально замирал, когда я выходила на сцену.

Раньше, когда я зачитывала свои юмористические рассказы на творческих вечерах, я почти не слышала смеха из зала. Зрители чаще всего сидели с серьёзными, напряжёнными лицами, то ли не понимая юмора, то ли сильно недослышавшая. Иногда было такое ощущение, что мои слова просто тонут во мраке зала, не находя никакого отклика.

В тот вечер картина была диаметрально противоположной. Публика так живо реагировала на мои шутки, что по-

рой конец фразы тонул в волнах взрывного смеха. Постоянно слышались аплодисменты и одобрительные возгласы. Всё это было, как капли целительного бальзама, на мою в край исстрадавшуюся за последние несколько месяцев душу.

Виктория в сопровождении своей студенческой группы выходила на сцену ещё несколько раз, и публика встречала её с неизменным восторгом. Она очень выросла как композитор и исполнитель, не говоря уже о том, какой красавицей она стала!

Помимо нас с Викой выступали ещё, как всегда, дети из театральной студии, действовавшей при библиотеке. Они разыгрывали коротенькие сценки по мотивам моих произведений. Была пара танцевальных номеров, просто потому, что детская танцевальная студия тоже есть при нашем замечательном, центровом культурном учреждении. Не обошлось и без желающих выступить среди зрителей. Это были, в основном, студенты и старшеклассники, пожелавшие зачитать стихи своих любимых поэтов, либо собственного сочинения.

В общем, вечер удался. Забегая вперёд, скажу, что после него мои книги были переведены на шесть европейских языков и стали хитами продаж в десяти странах Европейского Сообщества. В основном, это были, конечно, сборники рассказов, но, не обошлось и без пары-тройки поэтических сборников.

Виктория после того вечера стала звездой, и гастролирует теперь по всему миру, потому что кто-то из присутствовав-

ших на моём вечере важных персон записал её песни на диктофон и переслал другу-продюсеру. С этого и началась её карьера. Вика исполняет песни, в том числе и на мои стихи, и я получаю за это авторские отчисления. В музыкальном колледже моей юной подруге пришлось взять бессрочный академический отпуск.

Однако это всё отдалённые последствия того незабываемого вечера. Из ближайших – многочисленные поздравления, рукопожатия, объятия. Чуть более отдалённые – предложения о сотрудничестве, посыпавшиеся, как из рога изобилия, от издательских фирм, телеканалов, производителей косметики, парфюмерии, средств по уходу за волосами, стиральных машин и всего на свете!

Особенно порадовало предложение от сети магазинов здорового питания: видите ли, я и брат мой Милан отличаемся любовью к физкультуре и спорту, не говоря уже о нашей «фамильной» стройности. Так, что, с тех пор мы с Миланом нередко смотрим с рекламных плакатов о правильном питании, призывая граждан всего мира к здоровому образу жизни. Нас с ним даже на передачи спортивного канала приглашали в качестве гостей, обожающих любительский спорт. Всё это, надо сказать, было неожиданно, но сотрудничество принесло немалые дивиденды и море новых впечатлений.

Тем памятным вечером мы вышли через чёрный ход и, пробираясь огородами к Милановой машине, тащили за собой Викторию, потому как её чуть не разорвали на части

возникшие, словно из-под земли, журналюги жёлтых изданий. О том, чтобы везти девушку в студенческое общежитие, не могло быть речи, и мы повезли её на ночёвку... Как вы думаете, куда? Конечно же, в тёплый, отмытый и до невозможности гостеприимный дом Милана Котника.

Вике выделили небольшую спальню с окнами в сад, но моя юная подруга почти всю ночь проторчала у меня в комнате, возбуждённо обсуждая сама с собой произошедшее, а около четырёх утра, когда я вернулась из своего ночного похода в комнату Милана, мы с ней так и уснули вдвоём на моей кровати. Мне удалось уложить своего благодетеля до рассвета, и кажется, в ту ночь он был единственным из нас, кто к утру более-менее выспался. Иван тоже долго не мог заснуть, и почти до утра шатался у нас с Викторией под окнами, как приведение.

Я завела будильник, как всегда, на половину восьмого утра, но пойти в тот день на утреннюю пробежку нам с Миланом не удалось: дом буквально осаждали репортёры... Я хотела сказать, всех мастей, но это было бы не совсем верно, потому как это были скорее репортёры всех оттенков жёлтого.

Пришлось нам с Миланом воспользоваться его беговой дорожкой. Я не очень люблю эту вещь, моему сердцу гораздо милее настоящая пробежка по улице, парку или стадиону. Когда ты бегаешь «на воле», то дышишь прохладным утренним воздухом, твою кожу гладит ветерок или нахлестывает

настоящий ветрила. Ты встречаешь других бегунов и просто прохожих, а в ноздри врываются группами и поодиночке запахи свежей травы, цветущих растений, выпечки и нежного, недолговечного утреннего тумана.

Но, куда деваться, когда выход из дома буквально заблокирован многочисленными репортёрскими телами и техникой? Мы распахнули окна и приступили к тренировке в спортзале, давая друг другу ценные советы, награждая красочными эпитетами несносных журналюг и радостно хохоча над своими совершенно безумными отпусками.

Телефоны наши тем временем раскалились от входящих вызовов, а искатели безумных новостей окончательно оборзели, и кое-то из них, к великой радости Марека, пытался перелезть через высокий забор. Марек радостно гавкал им навстречу, предвкушая весёлую игру, но глупые дядьки отчего-то пугались, и отчаянные их репортёрские головы сразу же исчезали по ту сторону забора. В общем, к девяти часам утра наши с Миланом мозги успели порядком вспухнуть.

После я жарила на всех королевскую яичницу и пекла к завтраку бисквит по одному глубоко секретному рецепту. Секрет заключается в том, что на самом деле не надо отделять белки от желтков и лупасить их венчиком, либо отчаянно миксерить до гарантированного в конце нервного срыва. Нужно всего-то взять четыре яйца, разбить их в высокую посудину, слегка взбить миксером до однородной массы, а после добавить, не переставая взбивать, три четверти стакана

сахара в три приёма и смесь из половины стакана муки и того же количества крахмала. Всё. Идеальное тесто для бисквита готово. Изделие не опустится ни во время, ни после выпекания, и будет при этом достаточно мягким и воздушным.

Можно использовать бисквит как основу под торт, а можно бросить в тесто горсть свежих или замороженных ягод, нарезать яблоко, либо какой-то другой фрукт и всё, бисквитный пирог готов. Не исключены и шоколадные наполнители. Посыпанный сахарной пудрой, он смотрится просто потрясающе. Кусок такого бисквитного пирога в наших московских кондитерских стоит немалых денег, а домашний рецепт до такой степени бюджетный, что его стоимость целиком вряд ли превышает треть стоимости куска в столичных кафе центральных районов.

Тем утром я взяла в два раза больше продуктов, чем полагается по рецепту, и правильно сделала. Вид и вкус моего пирога оценили Милан, Иван, Виктория, Дядюшка Йозеф, непонятно каким образом прорвавшийся к нам Борис и вполне понятным образом прорвавшаяся сквозь толпу репортёров тётка Джульетта. Даже Яреку перепало кое-что, но об этом чуть позже.

Тётка Джульетта, прорываясь сквозь строй репортёров, крыла их по-цыгански, по-словенски и по-итальянски так, что мухи дохли на лету, не успевая оставить потомства, и была журналюг, по чьём достанет, толстенной пачкой свежих, утренних газет. Иван в последний момент открыл ей, бук-

важно вдёрнул свою цыганскую мать за руку во двор и тут же захлопнул калитку. Марек в этой операции тоже активно участвовал. Без него, я думаю, она не прошла бы столь гладко.

«Скандално известная писательница резко осадил потерявшего стыд поклонника». Фото переминавшегося с ноги на ногу псевдо-деревенщины прилагается.

«Янина Рупник рассталась со всеми возлюбленными и завела себе подружку». Мы с Лидией выходим из такси, и я слегка приобнимаю её за талию. Девочка-цветочек Лидия, переодетая с помощью фотошопа в лёгкое, летнее платье на тонких бретельках, и я в растянутых спортивных штанах и старой футболке Милана. Ясно, как чёртов пень, кто из нас кто.

«Эксцентричная Янина Рупник завела роман с новой девушкой Яромира Збогара». Ничего, что самыми эксцентричными моими поступками за последние дни были беготня по торговому центру и отчаянный рёв в туалете «Рыбного Дома». Кого это волнует, когда запахло в очередной раз жареным?! Фото грустного Ярека, лежащего на больничной койке, и радостной, как воробушек, купающийся в пыли, его кареглазой домашней девушки прилагаются. Неважно, что она не новая, а вполне себе старая любовь, главное, что агрессивная лесбуха Рупник отбила девчонку у бывшего жениха и теперь всячески над ним глумится, пока он одиноко страдает в клинике.

Всего этого развратной негоднице Янке показалось мало, и она...

«...завела роман с восходящей звездой джазовой сцены Викторией Крацун» и тут же с ней «...рассталась, нанеся тяжелейшую травму девушке...». Фотосики, где я обнимаю и целую Вику на сцене конференц-зала Центральной Библиотеки, а также где я тащу её, рыдающую от страха, к машине Милана – вот, они, любуйтесь!

– Вот, они, любуйтесь! – Бушевала тётка Джульетта. – А ещё образованные люди, грамоте обучены! И на кой чёрт было учить их грамоте, ежели они такую гадость про хороших людей пишут? Пусть лучше сидели бы у себя в деревнях, овец пасли да мамалыгу трескали!

– Мать, успокойся, – ласково увещевал её Иван. – Все мы знаем, что Яничка у нас никакая не злыдня и не развратница. Смотри, Янина, вон, и сама смеётся над этими глупостями!

– Да, тётечка, успокойтесь, – говорила я, ласково поглаживая костистое плечо Джульетты. – Пойдёмте лучше, пирога моего отведаете. Мы как раз завтракать собрались.

Цыганка мало-помалу успокоилась и села с нами за стол. Аппетит у неё, надо сказать, был отменный. Ну, или ей просто очень понравились бисквит и яичница в моём исполнении.

Меня безмерно порадовал тот факт, что газеты не трепали на этот раз имя Милана и не приписывали нам жутких оргий с кровосмешением. Видимо, та статейка и впрямь бы-

ла заказная.

Вскоре после завтрака позвонила Марженка и сообщила, что она договорилась с «Горным ручьём» насчёт рекламных съёмок на завтра. Эти ребята очень спешат, потому что опасаются, что я куда-нибудь исчезну из Словении, как я часто это делаю, и ищи меня потом, свищи. Я вынуждена была согласиться, что найти меня пару месяцев спустя будет очень трудно, ведь никому не придёт в голову искать пропажу на одной из подстанций «Скорой помощи» в Москве в рядах среднего медицинского персонала.

Мы с Марженкой посмеялись, и она продолжила. Она настоятельно рекомендовала нам с Борисом не отменять намеченного на середину дня похода на выставку. Прятаться за высоким забором Миланова дома было бы сейчас неправильно и нерационально. Будет совсем неплохо, если мы возьмём с собой кого-нибудь ещё и пойдём туда компанией, большой или не очень. На вечер Марженка договорилась о моём участии в благотворительном показе, проводимом «Супер-базаром» совместно с несколькими не очень известными пока модными домами.

На завтра мне велено было собрать сумку с предметами гигиены, сменой белья, комплектом спортивной одежды, двумя-тремя вечерними платьями и деловым костюмом. «Отлично! Где я возьму чёртов деловой костюм, которого у меня сто лет не бывало?» – Пронеслось хромой собакой в голове. Последний свой деловой костюм времён работы

в администрации я закинула куда-то пять лет назад ещё в нашей с мамкой квартире и с тех пор ни разу о нём не вспомнила. Хорошо хоть, что накануне я успела привести в порядок свои вечерние платья!

Ещё Марженка сказала, что к нам уже выехал известный музыкальный продюсер, предложивший Виктории самые выгодные для всех условия работы, дабы забрать нашу юную подопечную под своё массивное, умудрённое нелёгким и разным опытом крыло. Вскоре продюсер, с трудом отбитый мной, Борисом и Миланом у репортёров, вошёл в гостиную, пыхтя, как самовар. Вика упала в обморок.

Пока я приводила её в чувство, выяснилось, что Маренку в очередной раз стало скучно, и он сгрыз до жалких лохмотьев единственные Викины концертные туфли. Вика заплакала было, но вскоре передумала, увлечшись разговором о последних музыкальных тенденциях... с дядюшкой Йозефом и напрочь забыв при этом о туфлях, продюсерах, гастролях, концертах и прочих мелочах. Похоже, для неё существовала теперь только музыка.

– О, наш человек! – Радовался продюсер, хохоча своим низким, утробным смехом.

Наконец, ему удалось оторвать Вику от интереснейшего разговора со стареньким водителем Милана, и он увёз нашу юную звезду навстречу новой жизни. Одеть её, правда, пришлось, всё в те же обноски Милана, потому что вчерашнее концертное платье Виктории было несвежим, вдобавок, по-

рванным в нескольких местах, видимо, как раз в тот момент, когда её саму чуть не разорвали бешеные борзописцы.

Я хотела дать Виктории одно из своих новых «клубных» платьев, но тётка Джульетта не позволила мне этого сделать. Она бесцеремонно выхватила их из рук Виктории и вернула мне.

– Нечего своё женское счастье разбазаривать! – Изрекла при этом мамка Ивана.

– Так, у меня его...

– ...вагон и маленькая тележка! Знаю! – Закончила тётка Джульетта. – Только оно тоже может иссякнуть.

Я думаю, что Джульетте, которая уже считала меня кем-то вроде своей младшей дальней родственницы, просто стало жаль моего «имущества», вот она и сочинила на ходу побасёнку про женское счастье.

Туфли Виктории тоже никуда не годились после забав Марека, и Иван презентовал ей свои почти новые кроссовки, благо размер его ноги был не намного больше Викиного. Цыганская мать не возражала против такого подарка. Видимо, счастья у Ивана было так много, что не грех и поделиться, либо его в помине не было от слова «совсем», ну, или с поношенными кроссовками не так жаль было расстаться, как с новенькими, из магазина, платьями.

Напутствуемая самыми добрыми пожеланиями и радужными предсказаниями тётки Джульетты, Виктория уселась в бронированный автомобиль продюсера рядом со своим но-

вым патроном и отбыла навстречу славе и, как вскоре выяснилось, большой любви.

Вскоре тётка Джульетта, сердечно попрощавшись со всеми, отправилась по своим цыганским делам. У неё было несколько точек на рынке, которые торговали недорогой одеждой. Как только Джульетта вышла из калитки, к ней подбежали репортёры, но, кроме ругательств и тумачков, щедро раздаваемых потрёпанной сумкой и чёрным, костистым кулачком, они ничего не смогли от неё добиться.

Забегая вперёд, скажу, что вся эта, горячо ненавидимая Джульеттой пишущая рать, в итоге сделала её непревзойдённой знаменитостью. Сами о том не подозревая, газетки, смакующие подробности дружбы Милана Котника с цыганами, сделали ей такую рекламу, что отбоя от клиентов у Джульетты не стало вообще, хотя и раньше его почти не было.

Теперь её приглашают почти на все передачи для тех, кто верит во всякую потустороннюю петрушку и в жури модных нынче конкурсов на лучшего в мире предсказателя непонятно чего. Тётка Джульетта научилась красиво говорить на камеру и заработала целое состояние. Она теперь настоящая цыганская баронесса. Недавно я побывала в её новом особняке, так, вот: там всё отделано золотом, как она любит, но это я сильно забежала вперёд.

Глава 17

Сразу после ухода цыганской матери я в сопровождении

Бориса и Ивана срочно кинулась в магазин за деловым костюмом, а Милан поехал проведать Яромира. Вскоре мне пришло голосовое сообщение от Ярека, в котором он трогательно благодарил меня за волшебный вкусный бисквит, который я ему, оказывается, передала. Голос милого обманщика звучал намного бодрее, чем позавчера, когда мы отвезли его в клинику, но у меня всё равно навернулись слёзы. Правда, плакать мне было абсолютно некогда. Плакать некогда, хоть плачь! Такой, вот, парадокс.

Милан, ну, кто тебя... Впрочем, его можно простить. Очень уж он волнуется за здоровье и благополучие своего друга и хочет его порадовать хоть чем-нибудь.

Неужели Милан не знает о том, что у Яромира есть домашняя девушка? Неужели Яромир до сих пор не в курсе, что я знаю о её существовании?

Надо будет поговорить при случае об этом с Миланом. Надо будет задать хорошую трёпку Збогару за его ложь и лицемерие, когда он выздоровеет. Надо будет... Надо будет столько всего сказать и сделать, что буквально разрывается голова!

По дороге в торговый центр позвонила мать. Она рыдала и просила у меня прощения:

- Прости меня, Яночка, дочка! Это, ведь, всё из-за меня!
- Что из-за тебя, мама? – Не поняла я.
- Из-за меня ты лесбиянкой-то стала! Я тут прочитала в Интернете, что лесбийские комплексы возникают в девуш-

ках из-за сложных отношений с матерью! Потому у тебя и молодого человека толком не было до Женечки! Потому ты и Милана так легко этой Светке уступила!

Вот, как мы заговорили! «Женечка»... Раньше Евгений был исключительно «этот твой упырь», «мукой обсыпанный» – это потому что он очень светлый блондин – «сивый кобель»... Теперь, значит, Женечка. Да, и имя Милана до сего дня никогда не употреблялось без слов «этот твой», производимых с таким презрением, будто Милан не великий музыкант, а какой-то мерзкий алкаш, подобранный мной из жалости возле мусорного бака.

– Мам, перестань! – Попросила я. – Во-первых, это неправда. Я очень мало общаюсь сейчас с девушками. Мы живём у Милана ещё с двумя парнями. Во-вторых...

Что я там хотела добавить после этого несчастного «во-вторых», у меня тут же вылетело из головы, потому что зря я сказала, что живу в одном доме с тремя мужчинами одновременно. Хорошо, хоть про Марека у меня хватило ума умолчать!

– ...бордель! Развели там паскудство! Одна она живёт с тремя мужиками! Это надо мне было дожить до такого позора?!

Отличный подход. Меня всегда умиляло, когда люди, едва слышав о каких бы то ни было взаимоотношениях человеческих существ разного пола, тут же их спаривают в своём сознании! Ну, или счетверяют, как сейчас это с лёгкостью

проделала моя мать. Почему мы для неё всего лишь половые органы на ножках? Откуда такое примитивное представление о людях? Ладно, если бы она сама никогда не дружила с женщиной, но, ведь, было же!

– ... не хотела тебя рожать! – Надсаждалась мать в трубку. – Да, замуж было пора, вот, я и залетела, чтобы папашу твоего, козла проклятого, заставить взять на себя ответственность! Только он всё равно потом убежал, а я осталась, дура душой, с тобой на руках! Попили вы из меня кровушки, кикиморы болотные!

Вот, оно что! Мать никогда раньше об этом не говорила. Теперь всё стало на свои места.

– Выпей воды и успокойся, – сказала я ровным голосом. – До связи.

Кажется, Борис немного понимает по-русски, судя по тому, с каким интересом он принялся разглядывать хорошо знакомый с детства пейзаж за окном. Он сидел рядом со мной, а Иван на переднем пассажирском сидении морочил голову водителю, не дядюшке Йозефу, тот повёз Милана в клинику к Яромиру, а другому, Матицу, толстому, зловредному дядьке лет пятидесяти, с усами и в дурацкой кепке. Кто придумал, что все толстяки добрые? Такой же глупый стереотип, как и тот, что все мамочки любят своих детей. Дурацкий, как кепка Матица!

– Борис, – обратилась я к своему спутнику, – вы не могли бы завтра поехать со мной на съёмки? Там документы ка-

кие-то надо будет подписывать, я не очень во всём этом разбираюсь. Вас не затруднит?

Борис уставился на меня с чувством радостного удивления на лице.

– Яничка! – Выдохнул он через какое-то время. – Я сам хотел спросить вас, не желаете ли вы, чтобы я сопровождал вас в этой поездке! Не предложил этого, потому как думал, что успел смертельно вам надоесть за последние три дня!

– Ну, что вы, Борис! Как может надоесть такой незаменимый человек, как вы? Это я вечно ненужная и лишняя. Даже на работе в отпуск на сорок пять дней отправили, хотя я всего две недели просила! Приехала помочь Милану справиться со стрессом, а в результате втянула его, чёрт знает, во что. И Яромир... И мать моя... женщина... – Я в сердцах махнула рукой и молча уставилась в окно.

– Что вы такое говорите, Яна? – Не понял Борис.

– Никому я не нужна, – выдала я, как на духу. – Никому и нигде. Одни неприятности от меня.

«Меня даже мамка, оказывается, рожать не хотела,» – добавила я мысленно.

– Позвольте, Яничка... – возразил Борис. – Вы очень интересный, тонко чувствующий, талантливый человек... Красивая девушка, вдобавок... А, сколько всего делаете для своих близких! Я не представляю, как Милан и Иван без вас обходились бы! Марженка от вас без ума! Вы у неё с языка не сходите...

– Милану я в последнее время приношу больше вреда, чем пользы, а Марженка получает с меня какую-никакую прибыль, – резонно заметила я. – В современном мире один человек может быть интересен другому только с точки зрения того, что с него можно получить, – я с ужасом заметила, что повторяю слова Евгена. – Те, кто считает иначе, кому люди интересны сами по себе – отжившие динозавры. Скоро они рухнут под собственной тяжестью, да, и вымрут ко всем чертям!

На последнее моё замечание Борис весело рассмеялся.

– Как же вы ещё молоды, девочка моя! Как вы думаете, почему я вижусь с вами в последнее время каждый день?

– Вам скучно дома одному, вот, вы и приходите к нам! – Выдала единственно верный ответ.

А, что? Борис сам так вчера говорил!

– Почему же я прихожу именно к вам? – Продолжил он свой тонкий, интеллигентный допрос. – Думаете, мне не к кому больше пойти? Любляна – мой родной город. У меня здесь масса друзей детства, институтских однокашников, есть родня, дальняя и не очень. В конце концов, я не бедный человек, мне доступны самые разнообразные развлечения, а я караулю вас с утра у калитки, днём работаю в саду вашего брата, а вечером иду с вами на ваши два мероприятия! С чего бы?

– Вам с нами интересно, должно быть, – пожала я плечами.

– Вот, именно, мне интересно с вами, Яничка! Я не желаю ничего получить от вас, у меня всё есть – любимое дело, приличный доход, состояние. В прошлом году нам с Марженкой досталось неплохое наследство от покойного дядюшки. Мне интересны вы, Янина, вы сами по себе – яркая, необычная, боевая, всегда готовая прийти на помощь! Что я могу с вас получить? Разве только вас саму, если мне очень сильно повезёт, и это будет самая большая ценность!

Борис бережно взял мою руку и принялся покрывать её нежнейшими поцелуями. При этом он не поднёс мою кисть к своему носу, как это делает большинство мужчин, а склонился над ней и целовал, целовал...

Я не удержалась и погладила другой рукой его короткие каштановые волосы, на которых уже кое-где начала появляться седина, и тут до меня дошло, что с Иваном творится что-то неладное.

Где его всегдашние вступания в разговор? Где искромётные шутки на самые неуместные темы, не говоря уже о ставших практически родными провокациях? Куда девался его резкий, звонкий, раздражающе весёлый смех? Ничего этого не было в помине. На переднем пассажирском сидении царил гнетущая тишина. Иван даже Матица не доставал уже минут десять. Может, ему нехорошо? Сердце сжалось в дурном предчувствии.

К счастью, мы уже подъезжали к торговому центру. Я распахнула дверцу и выскочила, как ошпаренная, едва Матиц

припарковал автомобиль. Резко дёрнув дверь переднего пассажирского сидения, я увидела бледного, как полотно, Ивана. Глаза его были закрыты, голова откинута на подголовник. Я выхватила из сумочки нюхательную соль и сунула флакон прямо под нос парню. Он вздрогнул, открыл глаза и уставился на меня довольно мутным взглядом.

– Что у вас болит, Ванечка? – Спросила я участливо.

Когда человек в таком состоянии, ему лучше не задавать вопросов, на которые можно ответить односложно, либо покачиванием головы. Лучше заставить пациента говорить, чтобы сразу понять, нет ли симптомов инсульта, во время которого одна половина лица, как правило, перестаёт действовать, и речь становится невнятной, словно человек принял существенную дозу алкоголя. Из-за этого пострадавшего от инсульта часто принимают за пьяного и либо не оказывают ему никакой помощи, либо совершают бесполезные, а то и откровенно вредные действия, теряя драгоценное время.

– Ничего не болит, – ответил Иван тихо, но вполне внятно. – Просто в глазах немного потемнело, вот, и всё.

Лицо его было при этом вполне себе симметричным, взгляд становился всё более сфокусированным. Спустя мгновение Ванечка слегка улыбнулся, и это успокоило меня насчёт инсульта полностью, потому что и улыбка его тоже была симметричной. Я заметила, что зрачки Ивана реагируют на свет, и показала ему два пальца, спросив, сколько пальцев я показываю.

– Два. Успокойтесь, Яничка! Всё хорошо, – принялся уверещивать меня Иван.

Да, похоже, что так. На insult и на сотрясение мозга это не похоже. Видимо, парень немного перегрелся, либо его укачало в машине.

Борис тем временем куда-то исчез, но вскоре вернулся, неся бутылку воды. Я ещё раз поразила его догадливости и умению делать именно то, что необходимо, чего не скажешь о Матице. Всё это время он суетливо скакал вокруг меня, бормоча что-то себе под нос и проливая литры пота. Что ж, каждый по-своему реагирует на экстремальные ситуации.

Я заметила рядом с парковкой небольшой скверик со скамеечками и маленьким круглым фонтаном посередине.

– Пойдёмте, присядем, – предложила я Ванечке.

Он уже глотнул прохладной воды и выглядел теперь вполне сносно. Иван кивнул, и мы втроём направились к ближайшей скамье под кроной раскидистого каштана. Я и Борис бережно поддерживали нашего юного друга под локти с обеих сторон. Когда мы расположились, Иван неожиданно выдал:

– Вы теперь не сможете работать фельдшером на «Скорой», Яничка.

– Это тётка Джульетта сказала? – Спросила я насмешливо.

– Во-первых, это не смешно, Янина, – отвечивал многопытный Иван. – Предсказания Джульетты почти всегда сбываются, особенно если она гадает своим, – я не знала,

как мне относиться к тому факту, что Джульетта считает меня своей, но было приятно. – Во-вторых, она здесь ни при чём. Сами посудите, какая у вас теперь будет жизнь: постоянные разъезды, съёмки, фотосессии, благотворительные балы... Не спорьте, Янина! – Иван предостерегающе вскинул руку. – Я живу среди знаменитостей и знаю об их жизни всё! Дядька сейчас никуда толком не ходит, только по вашим делам, потому что он задепрессовал и отменил всё, а то сейчас тоже крутился бы, как заведённый, мы бы его дома и не видели.

– Возможно, вы правы, Иван, – согласилась я, – и это будет огорчительно. Я люблю свою работу и...

В горле застрял ком. Зачем несносный мальчишка заговорил об этом сейчас?! Мне мало всего остального, что произошло за эту получасовую поездку, не говоря уже о последних двух сутках?

– ...заменяю вас, – продолжал тем временем Иван фразу, начало которой я упустила. – Я пойду этим летом поступать в медицинский колледж, стану фельдшером и буду спасать жизни вместо вас!

Что я сейчас слышу? Это очередная дурацкая шутка? Нет. Иван был серьёзен, возможно, как никогда до этого.

– Кто я такой? – Рассуждал Иван. – Збогар был прав, когда сказал, что я никто, и звать меня никак. Я существую на деньги родителей и Милана, а то, что зарабатываю официантом, трачу на пиво и девчонок. Я так больше не хочу.

С меня хватит. Я буду спасать людей!

Последнее предложение Иван твердил, как мантру. Борис одобрительно смотрел на Ивана и дружески похлопывал его по плечу.

– Ванечка, но у вас же Голос! – Возразила я.

Я произнесла это слово именно так, с большой буквы. Я преклоняюсь перед одарёнными людьми. Они кажутся мне полубогами. Милан и его брат Роберт, Виктория, Яромир и даже вредный Ванька – не просто люди. Они высшие существа, а мы простые смертные – я, Евгений, Натусик, Светка, Борис, Марженка... Список можно продолжать до бесконечности.

Мы тоже можем быть влюблены в своё дело, как Марженка, Борис и я. Мы можем быть привлекательными и даже красивыми, как Светка, Евгений, Марженка. Мы можем быть полезными и даже необходимыми людьми. Мы можем быть приятными в общении и иметь массу друзей, приятелей, просто знакомых, которые будут к нам тянуться. При всём при этом мы обычные, а они нет. Они, как говорили в старину, «поцелованы Богом».

– Для оперы я уже не гожусь, раньше надо было дёргаться, – сказал Иван совершенно спокойным, лишённым всяких сожалений, тоном, – а в поп-музыку не пойду ни за что, там одна грязь.

– Как же ваша рок-группа? – Спросила я.

– Баловство! – Отмахнулся Иван. – Баловство, и ничего

более. И, вообще, петь можно в свободное от работы время. Вы же в свободное время пишете, вот, и я буду так же петь.

Возразить на это было нечего, да, и не очень хотелось.

Через три с небольшим года Иван действительно получил диплом фельдшера, и уже почти столько же работает на «Скорой». Деньги на первый год обучения он заработал сам, вкалывая несколько месяцев официантом по двенадцать часов в сутки, часто всего с одним выходным в неделю. В двадцать один год Ванечка вступил в права наследства за дедушкой, и на учёбу тратил проценты с капитала. Теперь он живёт на своё жалованье, а капитал не трогает. Говорит, что пока ещё не решил, что делать с этими деньгами.

Он ещё не встретил свою любовь, а заводить семью просто так, потому что все так делают, категорически не желает.

Раз в две недели Иван в свой выходной навещает в цыганский табор и оказывает там посильную помощь всем нуждающимся. Если не хватает знаний или возможностей, направляет к нужному специалисту, оплатив визит. В таборе теперь на него молятся, и пациенты выстраиваются в очередь к нему часа за три до появления Доктора Иванко, как цыгане его ласково называют.

Потребность Ивана постоянно кого-нибудь доводить, придумывая злые шутки, переросла к последнему курсу колледжа в лёгкую ироничность. Это уже не злой и ершистый вечный подросток, а вполне серьёзный молодой специалист, с которым считаются, к мнению которого прислушиваются.

Единственное, чего не смог побороть в себе фельдшер Иван Котник – это враждебное отношение к Яромиру Збогару. Он по-прежнему ревнует к нему дядю и своих родителей, но, думаю, и этот острый угол со временем сгладится.

Тут бы самое время написать, что с этого момента Иван изменил своё поведение, став серьёзным и задумчивым, тихим и молчаливым, отрешённым и благостным, но, нет. Ванечка ещё многое успел натворить на пути к себе теперешнему. Впрочем, обо всём по порядку.

Глава 18

– ...таких вещей! – Кипятился Иван. – Когда вы сказали, что вы лишняя и никому не нужная и что от вас одни неприятности, меня словно по башке долбанули чем-то тяжёлым, в глазах потемнело и мутить начало.

– Простите меня, Ванечка! Я не думала, что вы столь впечатлительны, – рассмеялась я.

– Не такой уж я и впечатлительный! Там, где я рос, впечатлительные не выживают, – заверил меня Иван, – и если бы так говорил о себе какой-нибудь долбоклak... Збогар, например, я бы с ним вполне охотно согласился, и солнышко светило бы по-прежнему, а вы... Нет, не говорите так больше никогда, Янина! И, главное, не думайте. Если с вами что-то случится, в моём мире образуется воронка. Как от ядерного взрыва. И туда всё, всё провалится!

Я рассмеялась. Ну, вот! Какой, оказывается, я важный человек! В Ванечкином мире без меня дыра. Интересно, как

со мной обстоят дела в мире Ярека?.. Тьфу! Ну, зачем я опять об этом думаю?! Как будто других забот нет!

– Если Ванечка отдохнул, мы можем идти, – сказала я. – Вечером показ, а мы ещё на выставку сходить хотели.

Иван заверил нас, что чувствует себя хорошо, и мы отправились в сторону входа в торговый центр.

В здании царили безмолвие и скука середины рабочего дня. В отделе одежды для офиса было настолько уныло, серо, бежево и коричнево, что я в тоске плюхнулась на банкетку и сидела, уставившись в пустоту. Борис велел мне подождать и куда-то ушёл, увлекая за собой Ивана.

Просто сидеть, ожидая неизвестно чего, было скучно, и я вспомнила, что завтра и послезавтра меня по целому дню не будет дома, и некому сделать Милану массаж. Я зашла в Интернет, отыскала несколько специализированных клиник, выбрала по отзывам самую лучшую и позвонила, чтобы записать Милана на приём к доктору и пару сеансов массажа.

Администратор принялась кочевряжиться, что у них, мол, записываться надо за триста лет вперёд, и, вообще, но, узнав, кто клиент, сразу же записала Милана к лучшему специалисту, да ещё и спросила, когда ему удобнее. Прикинув время, я сказала, что в одиннадцать утра. Милан успеет выспаться, сходить на пробежку, отдохнуть, позавтракать, и вторая половина дня у него останется свободной для собственных дел. Правда, в последнее время он занимается почти исключительно чужими делами, вот, и следующий день не стал ис-

ключением в этом плане.

Борис и Ванечка вернулись, неся в руках охапку деловых костюмов... самых восхитительных расцветок! Там были жёлтые, бирюзовые, сиреневые, красные, комбинированные костюмы! Были даже в цветочек.

– Где вы взяли всё это богатство? – Спросила я с замиранием сердца.

Борис хитро улыбнулся.

– Посещая подобные магазины, Яничка, всегда заглядывайте в пыльный угол, – изрёк он многозначительно.

– Куда-куда? – Не поняла я.

– Туда, где висит уценка, – охотно пояснил Борис. – Там часто встречаются весьма необычные вещи, которые не находят спроса у среднестатистического покупателя, коим вы, Яничка, не являетесь по определению!

Было очень приятно услышать такой изысканный комплимент, и ещё приятнее примерять всё это богатство. В итоге я взяла сиреневый, жёлтый и красный.

Расплачиваясь на кассе, я снова услышала предложение заплатить за меня и в который раз подивилась щедрости «жадных» европейских мужчин. Видимо, все люди разные. Кто-то притягивает в свою жизнь жадных, кто-то щедрых.

В любом случае, мне это было не нужно, и я отказалась, сославшись на то, что не принимаю подарков от мужчин, если они мне не... дальше вы знаете. Борис похвалил мою самостоятельность, мы улыбнулись друг другу и неловкий мо-

мент вскоре забылся в череде новых впечатлений.

В тот день мы посетили выставку одного молодого художника. Это был кошмар и ужас. Не понимаю я современного искусства. Впрочем, я не понимаю искусства, начиная с Ван Гога, если не раньше, в чём и призналась откровенно Борису. Тот принялся рассказывать нам с Иваном о Ван Гоге, и я чуть не расплакалась, настолько у того, оказывается, была тяжёлая жизнь. Теперь я иначе смотрю на его картины, но современного искусства, где чёрт-те каким образом намалёвано непонятно что, по-прежнему не понимаю. Я реалист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.